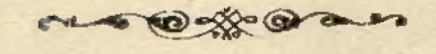
ИСТОРІЯ

44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПОЛКА.

ТОМЪ IV.

Составилъ В. ПОТТО.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике. Спасская улица, д. № 17.
1894.

Дозволено цензурою. Спб. 14 Апрѣля 1894 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія къ IV тому.

ИСТОРІЯ
44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.

Крѣпость Закаталы.

ГЛАВА I.

На Алазани въ эпоху мюридизма.

(1830 г.).

Первые отголоски новаго религіознаго ученія въ Джарской области.—Шихъ-Шабанъ.—Выступленіе въ Закаталы сборныхъ эскадроновъ Нижегородскаго полка.—Первое вторженіе лезгинъ и штурмъ ими Бѣлоканскаго редута.—Ночное движеніе Закатальскаго отряда на выручку.—Холера въ Караагачѣ.—Подполковникъ Добровъ и генералъ Парфацкій.—Пріемъ полка отъ Раевскаго.—Полное разстройство матеріальной части въ полку по донесенію Доброва.—Новый періодъ военныхъ дѣйствій.—Выступленіе одного дивизіона на турецкую границу, и двухъ на лезгинскую линію.—Вторженіе Гамзата.—Критическое положеніе области.—Стычка у брода Урдо.—Пораженіе русскаго отряда подъ Старыми Закаталами 15-го октября.—Нижегородцы прикрываютъ отступленіе пѣхоты.—Дѣло подъ Аліабатомъ.—Штурмъ Старыхъ Закаталъ и пораженіе непріятеля.—Третье вторженіе лезгинъ, подъ начальствомъ Алимчулы.—Пѣшій батальонъ Нижегородцевъ участвуетъ въ бою подъ Бѣлоканами.

Въ то время, когда Паскевичъ начиналъ приводить въ исполненіе свой грандіозный планъ покоренія Кавказа,—въ глубинѣ горъ, какъ бы

въ отвѣтъ его намѣреніямъ, назрѣвало уже то грозное движеніе, которое внесено въ исторію Кавказа подъ именемъ мюридизма. Личность Кази-муллы, туманная и загадочная, еще не сложилась тогда въ тѣ опредѣленныя формы, которыя могли бы встревожить полководца, только что побѣдоносно окончившаго двѣ войны съ сильными магометанскими государствами; но всѣ элементы предстоявшей борьбы уже были налицо. Въ неясной перспективѣ будущаго, знакомые съ кавказскими народами могли предвидѣть уже газаватъ,— войну религіозную, а слѣдовательно непримиримую и безпощадную. Кахетія, на ряду съ другими пограничными областями, начинала переживать тяжелыя минуты ожиданія.

Такова была картина Кавказскаго края, когда лѣтомъ 1830 года, два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ внезапно потребованы были изъ Караагача въ Закаталы (1). Въ полку свирѣпствовала холера, и большая смертность, вмѣстѣ съ значительнымъ расходомъ людей, находившихся въ разныхъ хозяйственныхъ командировкахъ, не позволили маіору Чеботкевичу, завѣдывавшему полкомъ послѣ отъѣзда Андроникова, выслать эскадроны въ ихъ настоящемъ составѣ. Въ первый разъ назначены были тогда въ походъ эскадроны сборные, по 8 унтеръ-офицеровъ и 48 рядовыхъ отъ каждаго (2). Они пошли форсированнымъ маршемъ, и въ Закаталахъ узнали, что гроза, которую ожидали, уже надвигается.

Въ Анкратлѣ, отдѣленномъ отъ нашихъ владѣній высокимъ кряжемъ горъ, появился проповѣдникъ, по имени Шихъ-Шабанъ, котораго всѣ называли пророкомъ. Пламенными рѣчами онъ собиралъ вокругъ себя не только толпы горныхъ лезгинъ, но колебалъ и нашихъ джарцевъ, у которыхъ почва для того оказалась вполнѣ подготовленною. Сознавая хорошо, что въ случаѣ какого-либо серьезнаго движенія въ горахъ, земли ихъ неминуемо станутъ первою ареной для суровой борьбы, джарцы готовились къ ней исподоволь, но такъ основательно, какъ будто предвидѣли, что этой борьбѣ суждено было продолжаться многіе и многіе годы (3).

Когда походные дивизіоны, подъ общею командой маіора князя Баратова, прибыли въ Закаталы, непріятель стоялъ уже въ Джурмутѣ, занимая за перевадомъ, верстахъ въ тридцати отъ насъ, небольшое урочище Рог-но-оръ, откуда расходились дороги на Бѣлоканы, Катехи и Закаталы. По которой изъ нихъ пойдетъ непріятель,—это не могъ передать ни одинъ лазутчикъ, и командовавшій въ области генералъ Сер-

гѣевъ поставленъ былъ въ полную неизвѣстность относительно намѣреній Шабана. Если бы Сергѣевъ, не выжидая непріятеля, рѣшился со своимъ отрядомъ броситься на скопище прежде, чѣмъ оно успѣло приготовиться къ дѣйствіямъ,—онъ, по всей вѣроятности, разбилъ бы его на голову, и тогда не было бы ни вторженія въ наши предѣлы, ни возстанія въ области. Такъ именно поступали люди старой циціановской школы. Но Сергѣевъ былъ человѣкъ новый въ кавказской войнѣ: ему казалось опаснымъ идти черезъ густые лѣса и лабиринты горныхъ ущелій, отдѣлявшихъ его отъ непріятеля,—и онъ предпочиталъ выжидать нападенія на плоскости ([4]).

17-го іюня произошла первая стычка, окончившаяся для насъ весьма неудачно. Грузинскій разъѣздъ, посланный въ Катехи, встрѣтилъ лезгинскую конницу, былъ ею окруженъ и захваченъ въ плѣнъ. Изъ семнадцати милиціонеровъ не спасся ни одинъ, и въ крѣпости узнали объ этомъ печальномъ происшествіи только уже отъ жителей. Въ тотъ же самый день, подъ вечеръ, часть непріятельскихъ силъ заняла высоты надъ самыми Бѣлоканами, и изъ редута увидѣли цѣлыя линіи костровъ, вѣнчавшихъ собою вершины сосѣднихъ горъ. Прошло послѣ того еще два дня, но ни съ нашей, ни съ непріятельской стороны не было предпринято ничего рѣшительнаго. Только 19-го іюня главныя силы Шабана спустились наконецъ съ горъ и, оставляя въ сторонѣ Бѣлоканскій редутъ, потянулись къ Катехамъ. Для наблюденія за ними Сергѣевъ тотчасъ выслалъ казачій полкъ Платонова, а дивизіону Нижегородскихъ драгунъ приказалъ расположиться за нимъ въ видѣ резерва. Казаки заняли Катехи; но едва они прошли дальше, какъ были атакованы въ ущельѣ огромною партіей лезгинъ, и разбиты на голову. Нижегородцы даже не видали непріятеля и не слыхали выстрѣловъ: они стояли слишкомъ далеко отъ мѣста катастрофы, а казаки, не попавъ на большую дорогу, проскакали въ крѣпость окольными путями ([5]).

Эта новая неудача, значительно поднявшая духъ непріятеля, вывела наконецъ Сергѣева изъ выжидательнаго положенія,—и онъ рѣшилъ атаковать Катехи. Диспозиція была уже готова, когда прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что Шабанъ штурмуетъ уже Бѣлоканскій редутъ. Сергѣевъ былъ пораженъ, но не озадаченъ; и такъ какъ войска были готовы, то онъ повелъ ихъ только вмѣсто Катехъ въ Бѣлоканы. Нижегородцы пошли въ авангардѣ. Неизвѣстность, что̀ сталось съ нашимъ

1*

малочисленнымъ гарнизономъ, жуткимъ чувствомъ охватывала всѣхъ, отъ генерала до послѣдняго солдата. Всѣ сознавали, что надо торопиться, а тутъ, какъ нарочно, пошелъ проливной дождь, окрестность потонула въ глубокомъ мракѣ, горные ручьи вышли изъ береговъ, и по дорогамъ образовалась такая грязь, что отрядъ могъ подвигаться впередъ только ощупью. Чтобы ободрить гарнизонъ, Сергѣевъ на разсвѣтѣ приказалъ сдѣлать пушечный выстрѣлъ,—и этотъ-то выстрѣлъ, глухо прокатившійся по окрестнымъ горамъ, принесъ осажденнымъ вѣсть о близкомъ спасеніи. Когда отрядъ Сергѣева поднялся на послѣднюю высоту, передъ нимъ развернулась вся Бѣлоканская равнина: мрачно стоялъ опустѣвшій, покинутый своимъ населеніемъ аулъ Бѣлоканы; въ сторонѣ отъ него виднѣлся редутъ, весь закутанный еще облаками дыма, а отъ него во всѣ стороны безпорядочными толпами бѣжали лезгины. Громкимъ ура разрѣшилось то напряженное, томительное состояніе духа, которое такъ долго сдавливало грудь и туманило голову (6). Драгуны и казаки тотчасъ понеслись въ погоню за бѣжавшими (7).

Геройская защита Бѣлоканскаго редута занимаетъ и понынѣ одну изъ блистательнѣйшихъ страницъ въ лѣтописяхъ нашей кавказской войны. «Когда я прибылъ въ укрѣпленіе», доносилъ Сергѣевъ, «то удостовѣрился лично, что вся земля противъ двухъ фасовъ, на которые бросался непріятель, была покрыта вражеской кровью, еще теплой и дымящейся» (8).

Бой 1-го іюля сразу подавилъ начинавшееся возстаніе, и Нижегородцы отпущены были домой въ Караагачъ. Тамъ все еще продолжалась страшная холера. Сколько она унесла жертвъ изъ Нижегородскаго полка, точныхъ свѣдѣній не осталось, но въ числѣ погибшихъ отъ нея было семь офицеровъ, и въ ихъ числѣ два старые боевые дивизіонера: маіоры Семичевъ и Аюкинъ (9). Все лѣто свирѣпствовала страшная гостья, и только съ наступленіемъ осени стала мало-по-малу ослабѣвать. 11-го сентября была снята карантинная цѣпь.

Вернувшись въ Караагачъ, походные дивизіоны застали въ немъ новаго полкового командира подполковника Доброва, прибывшаго еще 14-го іюня. Почти одновременно съ нимъ прибылъ и генералъ-маіоръ Парфацкій, назначенный на должность инспектора кавалеріи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Нельзя не сказать, что эта новая должность, имѣвшая задачей установить общій однообразный порядокъ отправленія

службы, какъ въ Нижегородскомъ полку, такъ въ донскихъ и линейныхъ казакахъ, и даже въ милиціяхъ, не имѣла подъ собою почвы и естественно должна была встрѣтить неодолимыя препятствія. Слишкомъ обширный районъ занимала кавказская конница, разбросанная на тысячи верстъ, слишкомъ разнообразны были условія ея домашней жизни и даже театровъ войны, чтобы подвести ее подъ одну прямолинейную форму, какъ какое-нибудь военное поселеніе. Къ тому же Парфацкій не былъ офицеромъ выдающихся военныхъ достоинствъ, а ему пришлось имѣть дѣло съ людьми, которые провели всю жизнь на войнѣ, и кромѣ войны ничего не знали. Все это и кончилось тѣмъ, что новая должность, просуществовавъ не долго, мало-по-малу превратилась въ простую, никому не нужную инстанцію, а потомъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, и совсѣмъ была упразднена.

Тотъ же недостатокъ боевого опыта и то же незнакомство съ своеобразными условіями кавказской жизни отразились и на первыхъ шагахъ Доброва. Онъ началъ принимать полкъ, не принимая въ соображеніе именно этихъ условій, и, въ концѣ концовъ, долженъ былъ потребовать посредника, такъ какъ начетъ, сдѣланный имъ на Раевскаго, достигъ огромной цифры двухсотъ тысячъ рублей ассигнаціями. Посредникомъ явился тотъ же генералъ Парфацкій. Онъ началъ съ того, что отрѣшилъ отъ командованія двухъ эскадронныхъ командировъ, маіора князя Баратова и капитана Сулханова, у которыхъ, по мнѣнію его, части находились не въ должномъ порядкѣ, нашелъ претензіи Доброва чрезмѣрными, — и сдача полка подъ его наблюденіемъ окончилась тѣмъ, что Раевскій внесъ только 75 тыс. руб. Но надо сказать, что и эти деньги пріобщены были имъ къ тому неприкосновенному капиталу, который образовался въ полку изъ фуражныхъ денегъ, оставшихся отъ некомплекта лошадей и довольствія травою. Капиталъ этотъ, обязанный своимъ существованіемъ исключительно заботливости Раевскаго, простирался въ то время уже до 200.000 рублей и, впослѣдствіи, не разъ служилъ Нижегородскому полку важнымъ подспорьемъ въ его хозяйственныхъ нуждахъ ([10]).

Подчинившись рѣшенію посредника, Добровъ, однако, донесъ, что не можетъ ручаться за приведеніе полка въ порядокъ, такъ какъ лишенъ къ тому всѣхъ способовъ и не имѣетъ сотрудниковъ. Вотъ какую печальную картину состоянія полка рисуетъ онъ въ своемъ донесеніи:

«Въ полку», пишетъ онъ, «разстроены главныя основанія, потому что нѣтъ ни одного настоящаго эскадроннаго командира, а безъ нихъ полкъ существовать не можетъ. Командиры первыхъ двухъ эскадроновъ маіоръ Марковъ и капитанъ Луневскій назначены ремонтерами; 3-го маіоръ Семичевъ умеръ отъ холеры; 4-го, капитанъ Сулхановъ, и 5-го маіоръ князь Баратовъ отрѣшены инспекторомъ отъ командованія эскадронами; 6-го капитанъ Гринфельдтъ командированъ въ Тифлисъ, и когда вернется неизвѣстно; 7-го маіоръ Чеботкевичъ боленъ. При мнѣ нѣтъ даже ни одного дивизіонера: подполковникъ Нечволодовъ находится въ Закаталахъ; маіоръ Аюкинъ умеръ, а Казасси командированъ въ Тифлисъ, и вмѣстѣ съ Гринфельдтомъ предназначенъ къ переводу въ корпусъ жандармовъ. Мало того, въ полку нѣтъ даже штабныхъ офицеровъ: полковой адъютантъ, единственное лицо, которому состояніе полка было хорошо извѣстно, командированъ въ учебный кавалерійскій полкъ, и должность его возложена пока на полкового казначея, который по окончаніи войны и запутанности счетовъ не имѣетъ времени управиться даже и съ своими обязанностями. Квартермистръ подалъ въ отставку, и выборъ офицеровъ взамѣнъ его еще ни на комъ не остановился. Это препятствуетъ своевременной заготовкѣ фуража, тѣмъ болѣе, что всѣ полковые волы посланы въ Тифлисъ за годовыми вещами и тамъ задержаны, а безъ воловъ не на чемъ перевозить фуражъ даже и тотъ, который имѣется. Оружіе въ полку неисправно; обозная упряжь не годна; сѣдла разныхъ формъ и большинство не годно; уздечекъ нѣтъ; драгуны не имѣютъ ни рубахъ, ни сапогъ, ни шинелей. Суммъ въ полку нѣтъ никакихъ, и для продовольствія людей всѣ продукты забираются у маркитантовъ въ долгъ. Казармы, лазаретъ, конюшни—все сожжено лезгинами, и хотя часть ихъ отстроена, но въ такомъ видѣ, что нельзя безъ опасенія помѣстить въ нихъ ни нижнихъ чиновъ, ни лошадей. Послѣднія въ самомъ изнуренномъ видѣ: сапъ, затяжные мыты и другія болѣзни истребляютъ лошадей десятками, такъ что на пополненіе полка потребуется 611 коней. Въ довершеніе всего, всѣ бракованныя лошади, по распоряженію инспектора, проданы, не ожидая прибытія къ полку ремонта, и въ случаѣ военныхъ дѣйствій полку выѣхать не на чемъ» ([11]).

Добровъ еще не зналъ, что въ условіяхъ постоянной войны никакія предварительныя соображенія не могли предотвратить неизбѣжнаго разстройства части, и что источникъ побѣдъ заключается не столько въ

матеріальномъ устройствѣ полка, сколько въ его традиціяхъ, въ той незамѣтной на первыхъ порахъ дисциплинѣ духа, съ которою Нижегородцы и на своихъ, повидимому, негодныхъ коняхъ, и на разнокалиберныхъ сѣдлахъ поспѣвали вездѣ, гдѣ духовныя силы ихъ требовались на живое и плодотворное дѣло защиты родины. Достоинство Нижегородскаго полка и заключалось именно въ его умѣньѣ замѣнить нравственнымъ элементомъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, и подчасъ обойтиться тѣмъ, что только было подъ рукою. Впослѣдствіи Добровъ это понялъ, и его отношенія къ полку стали просты и естественны. По словамъ современниковъ, это былъ честный, скромный, добродушный человѣкъ, сидѣвшій всегда безъ денегъ, но умѣвшій довольствоваться въ жизни малымъ. Онъ былъ уже въ лѣтахъ и любилъ втихомолку придержаться чарочки. Въ полку его любили, потому что онъ, кромѣ службы, ни во что не вмѣшивался, и даже въ полковомъ хозяйствѣ предоставлялъ полную самостоятельность эскадроннымъ командирамъ. Солдаты говорили про Доброва, что у него по шерсти и кличка. «Ужъ такого командира, какъ нашъ,—хвалились они передъ товарищами сосѣднихъ полковъ,—нигдѣ не найти». О его добродушіи разсказывали массу анекдотовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не рисуетъ такими яркими красками симпатичныя черты его характера, какъ тотъ, который живетъ въ разсказахъ современниковъ объ его отношеніяхъ къ старому слугѣ-денщику, находившемуся при немъ съ корнетскаго чина и безконтрольно завѣдывавшему всѣмъ его скуднымъ имуществомъ. Это были два любящіе, преданные друга, между которыми семейный миръ только и нарушался въ моменты отчаянныхъ запоевъ Степана, подверженнаго, къ сожалѣнію, этой чисто русской болѣзни. Тогда Добровъ принимался корить его въ малодушіи, а Степанъ развертывалъ передъ нимъ картину всей ихъ долгой, совмѣстной жизни,— и расчувствовавшійся Добровъ всегда просилъ у него прощенія. Когда Степанъ заболѣлъ и почувствовалъ, что больше не встанетъ, онъ въ трогательной заботливости о своемъ «баринѣ», зная какъ тотъ всегда нуждался въ деньгахъ, отказалъ ему въ духовномъ завѣщаніи весь свой капиталъ въ 200 рублей, который собиралъ всю свою жизнь. Добровъ вложилъ эти деньги въ полковую церковь, но высоко цѣнилъ поступокъ вѣрнаго слуги, и почти ежедневно навѣщалъ его могилу, возлѣ которой, спустя недолгое время, пришлось лечь и ему самому ([12]).

Таковъ былъ новый командиръ полка, не способный, быть можетъ, появиться въ блестящей и крупной роли историческаго дѣятеля, но отнесшійся съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣковымъ традиціямъ полка, и съумѣвшій сохранить ихъ во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности. И полкъ пережилъ съ Добровымъ трудные дни своей жизни легко и свободно.

Лѣто 1830 года близилось къ концу. Прошелъ іюль мѣсяцъ. Кругомъ было тихо; но въ народѣ ходили тревожные слухи о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ къ новой войнѣ и въ Персіи и въ Турціи. Поднимался жгучій вопросъ о проведеніи новой пограничной черты между тремя государствами, и недоразумѣнія, возникавшія при этомъ, грозили перейти въ открытый разрывъ, или по крайней мѣрѣ вызвать значительныя политическія осложненія. Изъ предосторожности въ Гумри собранъ былъ особый наблюдательный отрядъ изъ войскъ, расположенныхъ въ Самхетіи, и туда же потребованъ былъ изъ Караагача конный дивизіонъ Нижегородскаго полка. Онъ выступилъ 8-го августа, подъ командой капитана Луневскаго, и, пройдя черезъ Тифлисъ, остановился въ Башкечетѣ, откуда въ случаѣ надобности могъ появиться съ одинаковою скоростью и въ Гумри, и на персидской границѣ. Спокойствіе, однакоже, нигдѣ нарушено не было, и дивизіонъ, простоявъ въ Башкечетѣ до глубокой осени, въ октябрѣ вернулся домой ([13]).

Отправленіе цѣлаго дивизіона значительно ослабило оборону Кахетіи, а между тѣмъ ни для кого не было тайной, что джарцы, подъ впечатлѣніемъ новаго религіознаго ученія, дѣятельно сносятся съ своими дагестанскими сосѣдями, и что ихъ гонцы то и дѣло скачутъ въ Джурмутъ, въ Канаду, въ Аварію и даже къ Койсубулинцамъ. Несмотря на наружное спокойствіе, возбужденіе умовъ было всеобщее. И дѣйствительно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда отошли полевыя работы, огромныя толпы лезгинъ, предводимыя Гамзатъ-бекомъ, вступили въ Джурмутъ, — и по всей джарской землѣ разомъ закипѣла тревога. Дивизіонъ Нижегородскаго полка съ двумя орудіями, подъ командой подполковника Нечволодова, тотчасъ потребованъ былъ въ Закаталы, а спустя нѣсколько дней и послѣдніе два эскадрона, подъ личнымъ начальствомъ полкового командира, вышли на Алазань къ броду Урдо, для прикрытія границы нижней Кахетіи ([14]).

Между Сергѣевымъ, стоявшимъ въ Закаталахъ, и отрядомъ Доброва установилась дѣятельная переписка, которая, къ сожалѣнію, выказала

только одно, что ни тотъ, ни другой никогда не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Въ виду всѣхъ разнорѣчивыхъ показаній лазутчиковъ и возникавшей отсюда крайней неопредѣленности положенія, генералъ Сергѣевъ приказалъ Доброву отправить всѣхъ лошадей обратно въ Карагачъ, а съ пѣшимъ дивизіономъ перейти къ Бѣлоканамъ ([15]). Со времени хевсурскаго похода, и небольшой зимней экспедиціи Эристова въ 1822 году, — это былъ первый случай, когда Нижегородцы выступили пѣшими. Для охраны же урдосской переправы вызваны были 50 конныхъ драгунъ, собранныхъ изъ всевозможныхъ полковыхъ рабочихъ командъ ([16]).

Въ Бѣлоканахъ Добровъ нашелъ только двѣ некомплектныя роты Ширванскаго полка, и считая свой отрядъ слишкомъ слабымъ для самостоятельныхъ дѣйствій, просилъ подкрѣпленій. Изъ Закаталъ послать ему было нечего. «Бросьте всѣ полковыя работы», отвѣчалъ ему Сергѣевъ, «соберите всѣ команды—ихъ будетъ до трехсотъ человѣкъ, а этихъ силъ очень достаточно, чтобы дѣйствовать подъ выстрѣлами Бѣлоканскаго редута» ([17]). Но исполнить подобное распоряженіе значило бы окончательно подорвать жизненный нервъ полка—его хозяйство, и оставить Караагачъ уже безъ всякой обороны. Исполнить этого нельзя было и по другой причинѣ: пока шла переписка, Гамзатъ-бекъ спустился съ горъ, и 2-го октября занялъ Катехи, перервавъ всѣ сообщенія между Закаталами, Бѣлоканскимъ редутомъ и Царскими Колодцами. Дѣла принимали оборотъ настолько серьезный, что штандарты Нижегородскаго полка для безопасности приказано было перевезти изъ Караагача въ Царскіе ([18]).

Образовалось странное, какое-то неестественное положеніе: непріятель занималъ центральную позицію между двумя русскими отрядами и сѣялъ возмущенія, а наши отряды, поглощенные заботами только о собственной оборонѣ, нисколько не препятствовали его хозяйничанью въ краѣ. Очевидно, что между начальниками, неопытными въ кавказской войнѣ, не было единодушія. Чтобы придать единство всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ, изъ Грузіи прибылъ самъ военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Стрекаловъ. Но съ его пріѣздомъ дѣла пошли еще хуже.

8-го октября Гамзатъ со всѣми силами перешелъ къ Старымъ Закаталамъ, и, укрѣпившись въ ихъ давно заброшенныхъ развалинахъ, выслалъ партіи на Алазань, чтобы тревожить Кахетію. Тамъ, у брода Урдо,

стоялъ, какъ мы знаемъ, постъ изъ 50 Нижегородцевъ, подъ командой штабсъ-капитана Завалишина, который, наблюдая за переправой, въ то же время занимался и заготовкой для полка строевого лѣса; не вдалекѣ отъ него находилась такая же пѣшая команда съ прапорщикомъ Серебряковымъ, выжигавшая кирпичъ. Однажды, когда драгуны возвращались съ работъ, передъ ними вдругъ появилась партія человѣкъ въ триста конныхъ лезгинъ. Драгуны, быстро сомкнувшіеся въ кучку, дали отпоръ, но въ короткій моментъ рукопашной схватки изъ 30 человѣкъ—трое рядовыхъ: Козловъ, Сериковъ и Черновъ были убиты, а Байгушовъ раненъ. Выстрѣлы, къ счастію, услыхали на сосѣднихъ постахъ, откуда прискакалъ Завалишинъ, и подоспѣла пѣшая команда Серебрякова. Лезгины скрылись, но увели съ собою двухъ плѣнныхъ и четыре воловьи подводы ([19]).

Въ окрестностяхъ Закаталъ подобныя стычки происходили такъ часто, что вынудили наконецъ совсѣмъ прекратить крѣпостныя работы, такъ какъ, по донесенію Сергѣева, каждое срубленное дерево стоило потоковъ крови. Чтобы разорвать эту, пока еще тонкую, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе густѣвшую блокадную цѣпь, оставалось одно средство—взять Старые Закаталы. И Стрекаловъ, рѣшаясь на штурмъ, притянулъ къ себѣ изъ Бѣлоканъ весь отрядъ подполковника Доброва ([20]).

Атака поведена была 15-го октября. Оба Нижегородскіе дивизіона, и конный и пѣшій, оставлены были въ лагерѣ, и явственно слышали раскаты пушечныхъ выстрѣловъ и ружейные залпы, по которымъ могли судить, что дѣло шло жаркое. Скоро изъ лѣсу стали появляться раненые, сперва по одиночкѣ, а потомъ цѣлыми толпами. Отъ нихъ узнали, что генералъ Сергѣевъ раненъ, что Эриванцы потеряли четыре орудія, и Стрекаловъ съ разбитымъ отрядомъ поспѣшно отступаетъ подъ защиту крѣпости. Изъ лагеря, дѣйствительно, потребовали два пѣшіе эскадрона Нижегородцевъ, подъ командой Нечволодова, который, разсыпавъ цѣпь, прикрылъ отступленіе нашей пѣхоты. Непріятель преслѣдовалъ слабо, если судить по тому, что драгуны потеряли только пять человѣкъ убитыми и ранеными ([21]).

Пораженіе отряда было полное. Но огромныя потери, понесенныя Эриванскимъ полкомъ, особенно въ офицерахъ, свидѣтельствовали, что старый полкъ отступилъ не при первомъ появленіи непріятеля, что встрѣтилъ онъ его съ своею обычной отвагой, и если былъ побѣжденъ, то по

причинамъ, которыя отъ него не зависѣли. Такъ взглянулъ на это дѣло и Паскевичъ, писавшій военному министру, что «причиной сего несчастія былъ самъ генералъ-адъютантъ Стрекаловъ, раздробившій отрядъ и заведшій его малыми частями въ такія мѣста, гдѣ дѣйствовать было невозможно» (22).

Въ теченіе двухъ дней послѣ этой битвы непріятель насъ не безпокоилъ; онъ, очевидно, самъ понесъ большія потери и приводилъ въ порядокъ разстроенное скопище. Только 18-го октября въ Старыхъ Закаталахъ обнаруживаются первые признаки жизни, и Гамзатъ-бекъ высылаетъ конную партію для захвата Аліабатскихъ складовъ, находившихся подъ охраной только слабаго казачьяго поста. Къ счастію, въ Караагачъ къ этому времени уже возвратился Нижегородскій дивизіонъ, ходившій въ Башкечетъ, и эскадронъ штабсъ-капитана Гавронскаго занялъ Муганлинскій бродъ. На остальныхъ переправахъ войска также были усилены, и даже въ Аліабатъ отправлена изъ Царскихъ Колодцевъ рота Ширванскаго полка. Послѣднее обстоятельство только и спасло наши запасы, безъ которыхъ положеніе Стрекалова могло бы стать гибельнымъ. Непріятель, найдя деревню занятою пѣхотой, не рѣшился съ наличными силами сдѣлать нападеніе и послалъ за помощью. Гамзатъ не медля отрядилъ туда новую двухтысячную партію; но Стрекаловъ успѣлъ уже получить объ этомъ извѣстіе, и, въ свою очередь, послалъ въ Аліабатъ еще двѣ роты пѣхоты и конный эскадронъ драгунъ съ двумя орудіями, подъ общей командой капитана Луневича.

Оба подкрѣпленія вышли съ своихъ позицій почти одновременно, такъ что изъ нашего лагеря видно было даже простымъ глазомъ, какъ потянулись лезгины изъ Старыхъ Закаталъ, и какъ быстро шелъ Луневичъ, чтобы предупредить ихъ въ Талахъ. Это ему удалось,—и лезгины, убѣдившись, что путь къ Аліабату закрытъ, вернулись назадъ.

А гроза надъ Аліабатомъ между тѣмъ все-таки разразилась. Передовая партія, не дождавшись помощи со стороны Гамзатъ-Бека, была случайно усилена другими шайками, бродившими на плоскости, и кинулась на приступъ одна. Какъ разъ въ этотъ моментъ прискакалъ эскадронъ драгунъ, высланный изъ колонны Луневича, и лезгины, охваченные имъ съ тыла, легли почти поголовно подъ ударомъ Нижегородцевъ. На этотъ разъ Аліабатъ устоялъ, но чтобы не подвергать его по-

добнымъ случайностямъ на будущее время, складъ перевезли въ крѣпость, а постъ уничтожили (23).

Затѣмъ наступаетъ крайне характерный періодъ военныхъ дѣйствій. Стрекаловъ стоитъ запершись въ крѣпости и терпѣливо поджидаетъ сильныхъ подкрѣпленій, направленныхъ къ нему изъ Тифлиса. Горцы теряютъ время въ напрасныхъ и безполезныхъ нападеніяхъ на нашихъ фуражировъ, не замѣчая, что время уходитъ, и суровая зима закрываетъ имъ обратный путь черезъ горы. Такое положеніе дѣлъ длилось почти три недѣли. Къ Стрекалову между тѣмъ подошли войска,—и вотъ, въ одинъ прекрасный день горцы неожиданно увидѣли сильный редутъ, выросшій за ночь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сходились дороги изъ всѣхъ окрестныхъ селеній въ Старые Закаталы. Непріятель понялъ, что этотъ грозный редутъ предвѣщаетъ ему безусловный голодъ,—и упалъ духомъ. Дальнѣйшая борьба становилась для него немыслимою.

И Шихъ-Шабанъ, и Гамзатъ-бекъ увидѣли теперь, что близится часъ, когда будетъ нужно или пасть на развалинахъ Закатальской башни, или бѣжать въ горы съ разбитою славой. Эти ли причины, или другія, неизвѣстныя никому соображенія понудили ихъ вступить въ переговоры. Но едва Шабанъ и Гамзатъ-бекъ явились въ русскій лагерь, какъ Стрекаловъ объявилъ ихъ военноплѣнными и отправилъ въ Тифлисъ. Мѣра эта вызвала ропотъ во всемъ Дагестанѣ, но тѣмъ не менѣе она лишила горцевъ лучшихъ ихъ предводителей,—и Старые Закаталы взяты были штурмомъ безъ особаго кровопролитія.

Нижегородскіе дивизіоны не участвовали въ этомъ послѣднемъ актѣ борьбы, оставленные опять для прикрытія лагеря. Впрочемъ, бой былъ непродолжительный и стоилъ намъ не болѣе 20 человѣкъ убитыми и ранеными. Но потери непріятеля были неисчислимы. Загнанные въ холодныя снѣговыя ущелья, джарцы, измѣнившіе присягѣ, гибли сотнями отъ голода и холода, а ихъ несчастныя семьи, укрывшіяся въ одномъ оврагѣ, были разысканы хищными тушинами—и страшный оврагъ до верху заваленъ былъ кровавыми трупами женъ и дѣтей. Самое селеніе Джары было сравнено съ землею; прекрасные сады его пали подъ топорами солдатъ, а шелковичныя и тутовыя деревья пошли на выжиганіе угля (24).

Военныя происшествія въ области, казалось, были кончены, и Нижегородскіе дивизіоны отпущены въ Караагачъ. Но бури народныхъ

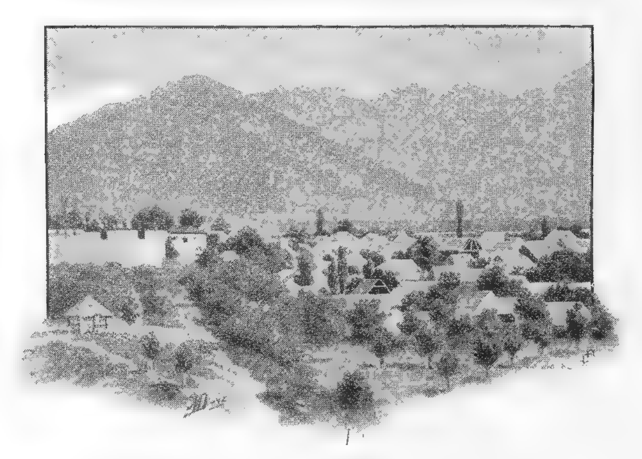
страстей не унимаются такъ скоро. Мстителемъ за неудачу Гамзата явился суровый Алимчула, одинъ изъ Богосскихъ старшинъ, успѣвшій собрать въ Джурмутѣ, несмотря на морозную зиму, новое огромное скопище. На Урдосскую переправу опять потребовали пѣшій батальонъ драгунъ, въ числѣ 500 штыковъ, и конный полуэскадронъ, подъ общей командой подполковника Нечволодова ([25]).

Былъ декабрь мѣсяцъ, приближались Рождественскіе праздники, когда отъ поручика Петренко, находившагося съ рабочею командой въ Алазанскомъ лѣсу, прискакалъ драгунъ съ извѣстіемъ, что 18-го числа Алимчула спустился съ горъ и занялъ Бѣлоканы. Жители намъ измѣнили, и только старшина ихъ Мургазали съ своими сыновьями заперся въ башнѣ, разсчитывая, что изъ редута дадутъ ему помощь. Но Алимчула приказалъ обложить башню зажженнымъ хворостомъ, и когда раскалившіеся камни дали трещины, огонь проникъ во внутренность башни,—и стѣны ея рухнули, похоронивъ подъ своими развалинами и Муртазали, и его семейство. Въ редутѣ слышали выстрѣлы, видѣли даже широкое зарево пожара, но помощи не дали «по случаю ночного времени и неизвѣстности о числѣ непріятеля» ([26]).

Теперь наступила минута, когда осада грозила самому Бѣлоканскому форту, и съ его валовъ можно было наблюдать, какъ конныя партіи мюридовъ сгоняли изъ всѣхъ окрестныхъ деревень длинные ряды арбъ, нагруженныхъ всѣми возможными осадными приспособленіями. Но какъ ни торопился Алимчула овладѣніемъ форта, русскія войска съ двухъ сторонъ, отъ Алазани и Закаталъ, во-время поспѣли на помощь къ атакованному гарнизону. 22-го декабря оба отряда соединились подъ Бѣлоканами—и начался послѣдній актъ длинной и кровавой драмы 1830 года. Войска атаковали селеніе съ двухъ сторонъ; спѣшенные драгуны дрались наравнѣ съ пѣхотой, и въ числѣ убитыхъ находился Нижегородскаго полка прапорщикъ Казаковъ, павшій однимъ изъ первыхъ во главѣ командуемой имъ стрѣлковой цѣпи. Бой длился долго, но только къ вечеру войскамъ удалось ворваться въ Бѣлоканы и овладѣть половиной селенія. Другая половина, гдѣ была мечеть и стоялъ лагерь Алимчулы, осталась въ рукахъ непріятеля. Между тѣмъ наступила длинная декабрьская ночь. Густой туманъ темною пеленою прикрылъ обѣ враждебныя стороны и прекратилъ ожесточенную схватку. Послѣ страшной бури вдругъ наступила мертвая тишина—предвѣстница новой грозы, готовой

разразиться съ первымъ лучемъ восходящаго солнца. Но въ глухую полночь непріятель снялся съ позиціи и вмѣстѣ со всѣми жителями вышелъ изъ деревни такъ тихо, что у насъ замѣтили его отступленіе только тогда, когда Бѣлоканы уже опустѣли. Войска гнались за непріятелемъ до самой грани горныхъ снѣговъ, но догнать не могли,—лезгины были уже за переваломъ (27).

Этимъ эпизодомъ и закончились тревожныя событія 1830 года въ Джаро-Бѣлоканской области.



Селеніе Закаталы.

Царскіе Колодцы.

ГЛАВА II.

Въ кровавые дни Кази-муллы.

(1831—1833 г.).

Неблагопріятныя условія, въ которыхъ находился Нижегородскій полкъ къ началу 1831 года.—Справедливыя, но тщетныя жалобы на это Доброва.—Нападеніе лезгинъ на команду Нижегородцевъ, и катастрофа подъ Бѣлоканами.—Появленіе Кази-муллы въ Дагестанѣ.—Обманутыя надежды Нижегородцевъ на отдыхъ.—Участіе полка въ походѣ противъ лезгинъ.—Внезапное выступленіе четырехъ эскадроновъ въ Гумри.—Проектъ о перемѣщеніи штабъ-квартиры полка въ Башкичетъ.—Возраженія на это Доброва.—Тревожное начало 1832 года.—Вторженіе Гамзатъ-бека.—Неудачная экспедиція изъ Закаталъ.—Опасность угрожаетъ Царскимъ Колодцамъ.—Брошенный Караагачъ.—Тревога, вызванная этимъ въ Тифлисѣ.—Экспедиція Розена.—Смерть Кази-муллы и вліяніе ея на дальнѣйшія событія въ области.—Тревога внутренней жизни.—Исторія Шервашидзе и князя Александра Чавчавадзе.—Новый вопросъ о перемѣщеніи полка въ Царскіе Колодцы.—Болѣзнь и кончина Доброва.

Послѣ тѣхъ погромовъ и потрясеній, которые вынесла Джаро-Бѣлоканская область, Нижегородцы встрѣтили въ Караагачѣ новый 1831 г. мечтами на отдыхъ. Пять лѣтъ провели они въ безпрерывныхъ походахъ, и подполковникъ Добровъ, заканчивая свой годовой отчетъ, справедливо жаловался на совершенное разстройство полка, лишеннаго одежды, бѣлья, аммуниціи, сѣделъ, даже исправнаго оружія. Изъ отчета его видно, что въ полку недоставало болѣе 200 нижнихъ чиновъ и 727 лошадей (1). Но и

1831 годъ, какъ увидимъ, прошелъ для Нижегородцевъ все въ той же суетѣ безпрерывныхъ тревогъ, въ тѣхъ же безконечныхъ походахъ и движеніяхъ, въ тѣхъ же бивуачныхъ стоянкахъ,—и привести въ порядокъ не удалось ничего.

Отчетъ Доброва не могъ не произвести въ Тифлисѣ сильнаго впечатлѣнія. Нельзя было оставить полкъ въ такомъ невозможно разстроенномъ видѣ, и генералъ Панкратьевъ, вступившій въ командованіе войсками за отъѣздомъ Паскевича, приказалъ ограничить всѣ полковые наряды только сторожевымъ постомъ на Муганлинской переправѣ, да пѣшимъ карауломъ у пловучаго моста, наведеннаго черезъ Алазань у брода Урдо. Эскадронамъ приказано было дать полный отдыхъ для приведенія въ порядокъ хозяйственной части, и только одинъ рѣшительный переломъ въ ходѣ военныхъ событій могъ измѣнить или нарушить это распоряженіе ([2]). Но и при такихъ, повидимому благопріятныхъ условіяхъ, отдыхъ для полка оказался невозможнымъ: — рѣшительный переломъ, о которомъ говорилъ Панкратьевъ, наступилъ раньше, чѣмъ его ожидали.

Религіозное движеніе, волновавшее народы Дагестана уже нѣсколько лѣтъ, успѣло къ этому времени окончательно окрѣпнуть и сложиться въ точно опредѣленныя формы. Самъ Кази-мулла, единодушно избранный имамомъ, съ кораномъ и обнаженною шашкою въ рукѣ, ѣздилъ изъ аула въ аулъ, призывая всѣхъ къ газавату. И газаватъ, весною 1841 г., широкимъ полымемъ разлился по всему Дагестану ([3]). Въ шамхальствѣ и на Каспійскомъ побережьѣ шли кровавыя битвы. Ихъ отголоски доносились и до Лезгинской линіи, гдѣ настроеніе умовъ было для насъ крайне враждебное. Народъ, съ благоговѣйнымъ страхомъ произносившій имя Кази-муллы, смотрѣлъ на него, какъ на избранника Божія, и окружалъ таинственную личность его ореоломъ сверхъестественной силы. Въ Джарахъ разсказывали, напр., что нѣкоторые видѣли на небѣ всадниковъ, мчавшихся на бѣлыхъ коняхъ, бряцавшихъ оружіемъ, и голосомъ, подобнымъ раскату грома, призывавшихъ Кази-муллу на борьбу съ невѣрными; разсказывали также, что имамъ разстилаетъ бурку на бѣшеныхъ волнахъ Койсу и, недвижимый водою, совершаетъ вечерній намазъ. Русское начальство считало унизительнымъ нисходить до разъясненія этихъ нелѣпыхъ слуховъ, и не хотѣло придать имъ того значенія, которое они имѣли, подливая масло и безъ того уже въ пылавшій зловѣщимъ огнемъ костеръ фанатизма ([4]).

Собственно для Лезгинской линіи обстоятельства на этотъ разъ сложились довольно благопріятно. Лучшія силы Нагорнаго Дагестана ушли на борьбу, которая велась во имя ислама, и джарцы, не могшіе разсчитывать на близкую помощь, должны были пока терпѣливо сносить ненавистное владычество русскихъ. Тишина, царившая кругомъ, носила, однако, слишкомъ зловѣщій характеръ, чтобы можно было на нее положиться, и войскамъ, расположеннымъ въ Кахетіи и Джарской области, приказано было стоять въ ежеминутной готовности къ тревогѣ. Работы между тѣмъ нигдѣ не прекращались, и только требовалось, чтобы команды, выходившія за черту своихъ штабъ-квартиръ, соблюдали всевозможныя военныя предосторожности. Нижегородцы, впрочемъ, и сами сознавали, что въ этой вѣроломной странѣ гроза разражается часто среди безоблачнаго неба, и глядѣли, что называется, въ оба. Однажды (это было на другой день Благовѣщенья) изъ Караагача посланы были въ алазанскій лѣсъ люди отъ 1-го и 5-го эскадроновъ. Былъ одинъ изъ тѣхъ пасмурныхъ мартовскихъ дней, когда тяжелыя тучи, сползая по ребрамъ горъ, расплывались туманами по самой землѣ, погружая окрестность въ сплошную непроницаемую мглу. Работать въ такую пору очень опасно; но еще опаснѣе и труднѣе охранять рабочихъ. Придя на мѣсто, команда выслала пикетъ и разошлась съ топорами по лѣсу. Но едва началась работа, какъ раздался рѣзкій характерный свистъ часового, занимавшаго обыкновенно постъ на вершинѣ какого-нибудь громаднаго чинара. Это былъ условный сигналъ, предупреждавшій объ опасности. Барабанщикъ ударилъ сборъ, раздались тревожные крики, и едва драгуны сбѣжались въ кучу, какъ сквозь туманную мглу засверкали частые огоньки ружейныхъ выстрѣловъ. Лезгины упустили моментъ броситься въ шашки, и теперь ограничились только перестрѣлкой, стоившей драгунамъ одного убитаго.

— Какъ это ты наглядѣлъ татаръ въ такую темень? съ любопытствомъ разспрашивали потомъ часового.

— А Богъ его знаетъ какъ,—разсказывалъ простодушно драгунъ:— Сижу я на древѣ—ничего не видать: кругомъ мгла, непогодь. Одначе въ одномъ мѣстѣ туманъ, такъ кабысь колышется; кругомъ меня ползетъ тихо, а тамъ колышется... Съ чего же нибудь это онъ да колышется, подумалъ я, да какъ свисну,—а тутъ они въ разъ и обозначились.

Смѣтливому часовому Добровъ подарилъ червонецъ (5).

Еще не успѣли наговориться въ краѣ объ этомъ происшествіи, какъ случилось другое нападеніе, сопровождавшееся такою катастрофой, о которой давно не слыхали на Лезгинской линіи. Не далеко отъ Бѣлоканскаго редута, въ разстояніи версты отъ него, стояли кирпичные заводы Ширванскаго полка, занимаемые обыкновенно командой изъ 48 человѣкъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. Лезгины выбрали темную ночь и подкрались къ заводамъ такъ тихо, что часовые замѣтили ихъ появленіе только тогда, когда они вломились уже въ казармы. Команда, застигнутая врасплохъ, погибла; 14 человѣкъ успѣли бѣжать, но остальные были взяты въ плѣнъ или побиты. Въ редутѣ слышали только три ружейные выстрѣла. Гарнизонъ тѣмъ не менѣе тотчасъ сталъ въ ружье и выслалъ патрули, изъ которыхъ одинъ, заглянувъ на кирпичный заводъ, нашелъ въ немъ только 17 обезглавленныхъ тѣлъ—и ничего больше ([6]).

Дерзость набѣга охватила ужасомъ сосѣднія грузинскія деревни. А тутъ, не прошло нѣсколькихъ дней, какъ новая партія спустилась уже въ Бѣлоканы, и на глазахъ всего населенія увезла въ горы преданнаго намъ муллу и гостившаго у него армянина ([7]). Лазутчики передавали, что эти набѣги далеко не случайные, и что они служатъ только прелюдіей къ новымъ, болѣе важнымъ событіямъ, такъ какъ въ Джурмутъ уже идетъ огромное скопище, направленное туда самимъ Кази-муллою. Опасность грозила опять все тѣмъ же злополучнымъ Бѣлоканамъ, и новый начальникъ области генералъ-лейтенантъ Розенъ поспѣшилъ отправить въ редутъ еще двѣ роты Ширванскаго полка, а взамѣнъ ихъ въ Царскіе Колодцы потребовалъ одинъ конный и два пѣшіе эскадрона Нижегородцевъ. Такимъ образомъ цѣлая половина полка сразу привлечена была къ военнымъ дѣйствіямъ, да и остальная половина съ этого момента стояла уже съ ружьемъ у ноги.

Все лѣто прошло въ такомъ напряженномъ состояніи, и только 30-го іюля къ вечеру прискакалъ наконецъ чапаръ съ лаконической запиской бѣлоканскаго коменданта:—«идутъ!» Чапаръ прибавлялъ, что, по всей вѣроятности, редутъ теперь уже атакованъ, такъ какъ, подъѣзжая къ Урдо, онъ слышалъ частые пушечные выстрѣлы. Три батальона пѣхоты и три эскадрона Нижегородцевъ тотчасъ выступили изъ Царскихъ ([8]). Дождь лилъ какъ изъ ведра, и дорога до того испортилась, что отрядъ шелъ всю ночь, и только на слѣдующій день къ полудню добрался наконецъ до переправы. Къ счастію пловучій мостъ былъ цѣлъ,—иначе

совсѣмъ не было бы возможности перейти черезъ разбушевавшуюся Алазань.

На самой переправѣ войска встрѣтили новаго чапара. Бучкіевъ писалъ, что горцы штурмовали редутъ и отбиты, но что опасность еще не миновала, такъ какъ къ лезгинамъ идутъ подкрѣпленія. Тогда баронъ Розенъ, оставивъ два пѣшіе эскадрона для прикрытія моста, съ остальными войсками пошелъ форсированнымъ маршемъ, но въ Бѣлоканахъ не засталъ уже никого. Извѣстія о подкрѣпленіяхъ оказались невѣрными: горцы, напротивъ, отступили за перевалъ и разошлись по домамъ. Но едва окончилась эта тревога, и Нижегородцы вернулись въ свой Карагачъ, какъ получились новыя, еще болѣе тревожныя вѣсти—полку приказано было готовиться къ далекому походу на персидскую границу.

Надо сказать, что 1831-й годъ былъ годомъ тяжелымъ не для одного Дагестана. Въ Персіи также значительно усиливалась партія, желавшая войны съ Россіей, и своими происками успѣла даже отстранить умнаго Аббасъ-Мирзу отъ управленія Адербейджаномъ. Въ Тавризѣ, Урміи и Хои собирались значительныя персидскія силы, и населеніе русскихъ пограничныхъ провинцій съ тревогой слѣдило за этими сборами. Чтобы успокоить населеніе, Панкратьевъ опять сосредоточилъ въ Гумри сильный отрядъ, въ составъ котораго назначилъ и Нижегородскій полкъ въ четырехъ-эскадронномъ составѣ (9).

Приказъ о выступленіи полученъ былъ въ Караагачѣ 12-го августа въ полдень, а въ 6 часовъ вечера 2-й дивизіонъ съ четырьмя конными орудіями, подъ командою маіора Маркова, уже шелъ къ Муганлинской переправѣ. Черезъ нѣсколько дней выступилъ за нимъ и 1-й дивизіонъ, капитана Луневскаго. Въ полку еще продолжалась холера, а потому эскадронамъ приказано было обходить попутныя деревни и располагаться на ночлеги какъ можно дальше отъ жилыхъ помѣщеній. Переходы обыкновенно дѣлались ночью, такъ какъ по тогдашнимъ понятіямъ эпидемія проявлялась сильнѣе во время жары, при испаринѣ,—а августъ 1831 года былъ особенно знойный (10).

Въ Гумрахъ оба дивизіона, подъ командой подполковника Доброва, расположились лагеремъ и простояли тамъ до глубокой осени. Послѣ знойнаго лѣта, особенно ощутительны были холодные, осенніе туманы, рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ, и безпрерывные дожди, перемежавшіеся со снѣгомъ. Холодно и сыро было жить въ палаткахъ. Въ войскахъ

уже поговаривали о зимнихъ квартирахъ, гдѣ-нибудь въ Беканѣ или въ Амамлахъ, какъ къ общей радости всѣ пограничныя дѣла были наконецъ улажены, и Нижегородцевъ отпустили домой (11).

Къ этому времени относится вопросъ, чрезвычайно важный для внутренней жизни полка,—вопросъ о перемѣщенiи его штабъ-квартиры изъ Караагача въ Башкичетъ, лежавшiй на половинномъ разстоянiи между Тифлисомъ и Гумрами (12). Въ документахъ того времени нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно бы было прiйти къ заключенiю: почему именно возникъ этотъ вопросъ? Одни видятъ въ этомъ желанiе имѣть подъ рукою сильный кавалерiйскiй резервъ, готовый дѣйствовать не въ чертѣ одной только Кахетiи, гдѣ онъ составлялъ лишь звено въ общей оборонительной цѣпи,—а на всѣхъ окраинахъ Грузiи; другiе указываютъ на сравнительную дешевизну продовольствiя полка въ краѣ, не подверженномъ ежеминутной опасности непрiятельскихъ вторженiй; наконецъ, третьи, говорятъ, что это было просто стремленiе новаго главнокомандующаго генералъ-адъютанта Розена привести Нижегородскiй полкъ въ лучшее устройство, по образцу другихъ кавалерiйскихъ полковъ въ Россiи, чего нельзя было добиться при вѣчныхъ тревогахъ на передовой кордонной линiи. Какъ бы то ни было, но Добровъ получилъ приказанiе осмотрѣть на обратномъ пути Башкичетъ; и вотъ что писалъ онъ о немъ главнокомандующему:

«Башкичетъ,—это бѣдная деревушка, едва вмѣщающая въ себѣ 35 армянскихъ семействъ, лежитъ на рѣкѣ не глубокой, но чрезвычайно быстрой, съ крутыми берегами, между извилинами которыхъ образовалась наносная почва, чрезвычайно удобная для огородовъ. Эта почва при малѣйшемъ трудѣ обѣщаетъ полку изобилiе плодовъ и овощей; но за то устройство огородовъ при крутизнѣ береговъ потребуетъ такихъ тяжелыхъ земляныхъ работъ, которыя едва ли будетъ справедливо возложить на самихъ драгунъ.

«Окрестность Башкичета богата лѣсами, но эти лѣса растутъ на высокихъ горахъ, и доставка нарубленныхъ бревенъ такъ затруднительна, что потребуетъ значительнаго количества туземныхъ арбъ, которыхъ, однако, при скудной населенности края, собрать нельзя, а придется заводить свои собственныя. Горы изобилуютъ прекрасными пастбищами съ питательной и сочною травою; но всѣ эти лѣса, и горы, и пастбища принадлежатъ помѣщикамъ, съ которыми придется входить въ соглашенiе отно-

сительно права пользованія. Но если урочище и имѣетъ свои хорошія качества, то всѣ они уничтожаются климатическими условіями, порождающими такія лихорадки, что даже мѣстные жители имѣютъ видъ болѣзненный и изнуренный. Дурное вліяніе климата замѣтно отражается на казакахъ, расположенныхъ въ Башкичетѣ, изъ которыхъ можетъ нести службу едва одна половина. Къ недостаткамъ урочища слѣдуетъ отнести также отсутствіе камыша, которымъ можно было бы крыть полковыя строенія, и такое громадное количество мышей, что, по словамъ казаковъ и драгунъ, стоявшихъ здѣсь въ прошломъ году, нѣтъ никакой возможности уберечь отъ нихъ аммуницію, особенно конскую, которая смазывается саломъ. Казаки жалуются, что всѣ средства, употребляемыя ими для истребленія этихъ назойливыхъ животныхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ оказались безсильными. Эти мыши служатъ для нихъ истинною египетскою казнію.

«Такимъ образомъ, если принять во вниманіе необходимость арендованія земли, найма пастбищъ и покупки строевого лѣса,—то устройство новой штабъ-квартиры потребуетъ громадныхъ денежныхъ затратъ, тогда какъ Караагачъ для своего благоустройства нуждается въ очень немногомъ. Кромѣ того, лѣсъ для построекъ и сѣно, заготовленные въ большомъ количествѣ въ Караагачѣ и стоившіе столькихъ трудовъ нижнимъ чинамъ,—съ переводомъ полка должны быть брошены. Офицеры и женатые нижніе чины, вынужденные покинуть свои дома, которыми обзаводились постепенно, и которые стоили каждому изъ нихъ большихъ затратъ, будутъ окончательно разорены, если правительство не выдастъ денежныхъ суммъ для обзаведенія ихъ на новомъ мѣстѣ водворенія. Что же касается до полкового хозяйства, то оно будетъ совершенно уничтожено и всѣмъ придется обзаводиться на-ново» ([13]).

Съ этимъ докладомъ Добровъ самъ ѣздилъ въ Тифлисъ, и, благодаря его настояніямъ, Нижегородскій полкъ остался въ Караагачѣ.

Такъ прошелъ 1831-й, и наступилъ 1832 годъ. Это былъ уже седьмой годъ, какъ драгуны не знали покоя, а лошади ихъ изнурялись отъ постоянной безкормицы и недостатка присмотра. При частыхъ пѣшихъ экспедиціяхъ людей оставалось въ Караагачѣ такъ мало, что они никогда не успѣвали заготовлять надлежащей пропорціи сѣна, а въ этомъ году его и совсѣмъ не было. Лѣто, проведенное въ тревогахъ, и потомъ внезапный походъ въ Гумри, въ самое сѣнокосное время, ли-

шили полкъ фуража, «и теперь», какъ доносилъ Добровъ, «дѣла этого нельзя было поправить даже денежнымъ отпускомъ, такъ какъ сѣна въ окрестностяхъ купить невозможно». «До сихъ поръ», писалъ Добровъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ: «Нижегородскій полкъ состоялъ подъ личнымъ вѣдѣніемъ самихъ главнокомандующихъ, и безъ ихъ распоряженій никуда употребляемъ не былъ.» Теперь его требуютъ всюду и всѣ, особенно въ лѣтнее время, когда онъ только и можетъ заготовить себѣ запасъ фуража на зиму. Если такъ будетъ продолжаться, то Нижегородскаго полка скоро не будетъ»... Добровъ просилъ войти въ разсмотрѣніе этого важнаго предмета, и освободить полкъ отъ лишнихъ командировокъ, когда въ нихъ не будетъ предстоять дѣйствительной и неотложной надобности ([14]). Рапортъ его былъ еще на пути къ Тифлису, а эта неотложная надобность уже стучалась въ ворота Кахетіи. И на этотъ разъ военныя обстоятельства, дѣйствительно, принимали такой угрожающій характеръ, какого страна уже давно не переживала.

Весною 1832 года въ Джурмутѣ появился опять Гамзатъ-бекъ. Онъ прибылъ только съ тремя стами конныхъ аварцевъ; но къ нему тотчасъ же примкнули бѣглецы стараго джарскаго геза, и силы его быстро возросли до значительной цыфры. Слухъ, что лезгины намѣрены опустошить Кахетію и дойти до самаго Тифлиса, катился какъ снѣжная глыба, порождая общую панику въ населеніи, еще не забывшемъ кровавыхъ нашествій Омара. Войсками на Лезгинской линіи, за отсутствіемъ Розена, командовалъ въ то время генералъ-маіоръ Карповъ, герой персидской войны, но такъ же, какъ и Сергѣевъ, мало знакомый съ характеромъ и нравами кавказскихъ горцевъ. Онъ вѣрилъ въ возможность осуществленія этихъ слуховъ, и прежде всего поспѣшилъ усилить закатальскій гарнизонъ, потребовавъ изъ Царскихъ Колодцевъ конный эскадронъ Нижегородскаго полка, роту Ширванцевъ и шесть орудій ([15]). Отрядъ этотъ выступилъ по тревогѣ 2-го іюля, а 3-го—прискакалъ новый гонецъ съ приказаніемъ отправить туда же еще батальонъ пѣхоты, цѣлый дивизіонъ драгунъ и четыре конныя орудія. Съ послѣдними войсками пошелъ самъ подполковникъ Добровъ, приказавъ и остальнымъ тремъ эскадронамъ стоять въ полной готовности къ движенію ([16]).

Гамзатъ, однако, подвигался очень медленно, и только 15-го іюля толпы его, спустившись съ горъ, заняли селеніе Мухахи. Говорили, впрочемъ, что въ Мухахахъ стоитъ только его авангардъ, а что главныя

Табунъ въ степи подъ грозою.

–1–

силы остались въ ущельѣ, которое Гамзатъ приказалъ укрѣпить огромнымъ заваломъ. Неясность получаемыхъ свѣдѣній заставила Карпова предпринять большую рекогносцировку, и 17-го іюля изъ Закаталъ выступилъ сильный отрядъ, подъ командой генеральнаго штаба полковника Рокасовскаго. Грузинская милиція скоро завязала перестрѣлку; но какъ только показались Нижегородскіе эскадроны, лезгины отступили въ деревню, и Добровъ, занявъ покинутыя ими высоты, поставилъ на нихъ батарею. Что происходило въ Мухахахъ, закрытыхъ густыми садами, намъ не было видно; но когда орудія открыли огонь, и гранаты стали ложиться въ сады,—лезгины на глазахъ нашей конницы потянулись назадъ въ Мухахское ущелье. Имъ дали уйти безнаказанно. Драгуны рванулись было впередъ, но Рокасовскій остановилъ ихъ: онъ опасался потерь и, не рѣшаясь двигаться дальше, ограничился тѣмъ, что занялъ Мухахи.

Гамзатъ не замедлилъ воспользоваться его нерѣшимостью, и, оставивъ пѣхоту въ горахъ, бросилъ всю свою многочисленную конницу на наши сообщенія. Окрестное населеніе тотчасъ же примкнуло къ лезгинамъ. Возстаніе широкимъ потокомъ разлилось по краю,—а тутъ пошли еще слухи, что самъ Гамзатъ-бекъ составляетъ лишь авангардъ огромныхъ силъ, которыя подъ предводительствомъ Кази-муллы идутъ въ Кахетію и находятся только въ одномъ переходѣ отъ Кварели.

Сбитый съ толку всѣми этими слухами, Рокасовскій приказалъ отступать; но исполнить это было уже не легко, такъ какъ возставшее населеніе заняло обратный путь въ Закаталы, и русскому отряду пришлось пробивать дорогу штыками. А Гамзатъ тѣмъ временемъ вышелъ на плоскость со всѣми силами, занялъ Аліабатъ и захватилъ Муганлинскую переправу ([17]).

Настали тревожные дни и для Нижней Кахетіи. Три эскадрона драгунъ тотчасъ переведены были въ Царскіе Колодцы, и туда же перевезли все, что было возможно, изъ казеннаго и частнаго имущества. Караагачъ былъ брошенъ, и, покинутый своими защитниками, какъ обреченная жертва, со дня на день ожидалъ своей гибели. Въ такомъ критическомъ положеніи еще никогда не находилась Джарская область. Нападеніе на Караагачъ и Царскіе Колодцы казалось до того неизбѣжнымъ, что подполковникъ Добровъ съ своими тремя эскадронами получилъ приказаніе возвратиться туда форсированнымъ маршемъ; за нимъ

ушли изъ Закаталъ и Ширванскіе батальоны съ орудіями. На Царскихъ Колодцахъ собрался, такимъ образомъ, значительный отрядъ, но за то въ Закаталахъ войскъ почти не осталось, и полковникъ Рокасовскій, извѣщая объ этомъ генералъ-лейтенанта Розена, находившагося въ Тифлисѣ, представлялъ ему положеніе дѣлъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; онъ даже выражалъ мнѣніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ считалъ бы за лучшее совсѣмъ очистить лѣвый берегъ Алазани, бросить кордонную линію вмѣстѣ съ Закаталами и отступить на время къ Царскимъ Колодцамъ. «Я тороплюсь окончить и отправить это письмо», писалъ онъ, «надѣясь что вы пріѣдете сюда сами, или дадите наставленіе въ обстоятельствахъ весьма трудныхъ» ([18]). Письмо это поразило Розена своею неожиданностью. Онъ только что сообщилъ главнокомандующему самыя успокоительныя свѣдѣнія относительно положенія дѣлъ въ области, и теперь, подъ первымъ впечатлѣніемъ письма Рокасовскаго, отправилъ къ нему во Владикавказъ новое донесеніе самаго тревожнаго содержанія. «Осмѣливаюсь присовокупить», писалъ онъ въ заключеніе, «что по настоящимъ обстоятельствамъ возвращеніе ваше съ войсками сюда по моему соображенію необходимо, такъ какъ я полагаю, что ваше присутствіе здѣсь будетъ имѣть благотворное вліяніе къ прекращенію большого движенія, начавшагося въ горахъ по сю сторону Кавказа» ([19]). Главнокомандующій, намѣревавшійся предпринять большую экспедицію противъ Кази-муллы, имѣлъ, какъ надо полагать, болѣе точныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Джарской области, нежели Розенъ, и оставилъ письмо безъ отвѣта.

Розену пришлось принять на себя одного всѣ распоряженія по защитѣ и умиротворенію края. Онъ прибылъ въ Царскіе Колодцы съ цѣлымъ батальономъ пѣхоты, и удостовѣрившись на мѣстѣ, что слухи о силахъ непріятеля значительно преувеличены, рѣшилъ немедленно перейти въ наступленіе. 27-го іюля войска выступили изъ Царскихъ Колодцевъ тремя колоннами: средняя, подъ командой подполковника Доброва, состояла изъ трехъ пѣшихъ и одного коннаго эскадрона Нижегородскаго полка съ 4-мя орудіями; въ правой колоннѣ шли двѣ роты Ширванцевъ, въ лѣвой—Учебный батальонъ, только что прибывшій изъ Тифлиса. Всѣ ожидали, что Гамзатъ-бекъ встрѣтитъ наши войска на Муганлинской переправѣ, и что ее придется брать штурмомъ. Но на переправѣ не было никого. Тогда стали говорить, что Гамзатъ ожидаетъ

насъ въ Аліабатѣ,—но и Аліабатъ очищенъ былъ лезгинами послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Такъ войска дошли до самаго Мухамскаго ущелья,—и только здѣсь узнали, что Гамзатъ-бекъ съ своими аварцами давно ушелъ въ Дагестанъ, и что передъ нами были только ничтожныя шайки бѣглыхъ или возмутившихся джарцевъ (20). Предпринимая большую экспедицію въ горы, главнокомандующій заставилъ Кази-муллу сосредоточить всѣ свои силы и отозвать Гамзата. Такимъ образомъ, тревога, пережитая Джарской областью, окончилась ничѣмъ. А между тѣмъ и на главномъ театрѣ войны—въ Дагестанѣ, кровавая борьба завершилась взятіемъ Гимръ и смертью перваго имама, погибшаго въ развалинахъ одной изъ Гимринскихъ башенъ. На его мѣсто имамомъ провозглашенъ былъ Гамзатъ-бекъ,—и ему некогда уже было думать о новыхъ вторженіяхъ въ Джарскую область. На Алазани на цѣлые четыре года водворилось спокойствіе, и Нижегородцы могли, наконецъ, воспользоваться отдыхомъ, въ которомъ они такъ нуждались.

Но въ вѣчно тревожномъ Кавказскомъ краѣ жизнь не могла протекать иначе, какъ возмущенными волнами по изрытому страстями жесткому каменистому руслу, и мирное существованіе Нижегородскаго полка на Алазанской линіи было въ полномъ смыслѣ слова относительнымъ. Едва замолкли выстрѣлы за Алазанью, какъ новое обстоятельство смутило спокойствіе всей Грузіи—умеръ престарѣлый шахъ Персіи, и на этотъ разъ персидское правительство уже само просило Россію принять дѣятельныя мѣры къ охранѣ своихъ границъ, такъ какъ войска, занимавшія Тавризъ, выступили къ Тегерану, и въ Адербейджанѣ не осталось никого, кто бы могъ держать въ повиновеніи хищныя племена кочевниковъ. Для наблюденія за ними главнокомандующій сформировалъ въ Карабагѣ особый отрядъ и предписалъ Доброву держать наготовѣ Нижегородскій полкъ. Но этою готовностью все и ограничилось. Спокойствіе на границѣ нарушено не было, и эскадроны въ походъ не выступали (21).

Случилось и другое событіе, которое съ разныхъ сторонъ задѣвало Нижегородцевъ и не могло не волновать ихъ полкового общества. Въ Тифлисѣ обнаруженъ былъ обширный заговоръ, имѣвшій цѣлью ниспроверженіе русскаго владычества въ Грузіи,—и въ числѣ заговорщиковъ оказался одинъ изъ Нижегородскихъ офицеровъ. Это былъ князь Константинъ Шервашидзе, родной братъ владѣтеля Абхазіи, юноша, не до-

стигшій еще 20-лѣтняго возраста и только что выпущенный изъ Пажескаго корпуса. Его арестовали въ Тифлисѣ. Передавали шопотомъ, что арестованъ и князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе, какъ одинъ изъ вождей готовившагося возстанія. Трудно было повѣрить, чтобы эту роль принялъ на себя человѣкъ, еще недавно съ горстью русскихъ солдатъ покорившій весь Баязетскій пашалыкъ. Но слухи скоро подтвердились. И Чавчавадзе, и Шервашидзе были дѣйствительно арестованы. Можно себѣ представить, какія тяжелыя минуты переживали Нижегородцы, находившіеся со многими грузинскими князьями въ близкихъ и дружескихъ сношеніяхъ. Туземныхъ уроженцевъ въ полку было также не мало, и на нихъ ложилась теперь невольная тѣнь подозрѣнія. Къ счастію, весь этотъ заговоръ оказался преувеличеннымъ до крайности. Шервашидзе только и виноватъ былъ въ томъ, что пользовался особою любовью и привязанностію своего строптиваго дяди, извѣстнаго Гассанъ-бея, ненавидѣвшаго русскихъ, и это-то обстоятельство дало поводъ къ самымъ превратнымъ истолкованіямъ его поступковъ. Шервашидзе перевели съ Кавказа въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ, расположенныхъ въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему пожаловано было отъ монаршихъ щедротъ по 1.500 руб. ежегоднаго содержанія ([22]).

Судъ, производившійся въ Тифлисѣ, оправдалъ и князя Чавчавадзе. Онъ былъ арестованъ только потому, что въ перепискѣ, найденной у заговорщиковъ, имя его повторялось чаще другихъ. Но оказалось, что когда заговорщики посвятили его въ свою тайну, онъ не только не сталъ на ихъ сторону, но своимъ вліяніемъ уговорилъ всѣхъ навсегда отказаться отъ несбыточныхъ мечтаній. Эта умиротворяющая роль выяснена была на судѣ. Но тутъ явилась неотразимая дилемма: Чавчавадзе разстроилъ заговоръ—это было очень похвально; но если онъ разстраивалъ его, значитъ онъ о немъ зналъ; если же зналъ, то долженъ былъ донести, а этого онъ не сдѣлалъ. Надъ сложною задачей, поставленной такимъ образомъ, задумался даже такой благородный и умный человѣкъ, какъ Розенъ. Выходъ былъ, однакоже, найденъ. «Если оставить князя Чавчавадзе безъ наказанія», писалъ онъ военному министру, «то это дастъ поводъ осуждать правительство въ напрасномъ содержаніи его подъ арестомъ, во избѣжаніе чего полагаю полезнѣйшимъ сослать его на срочное жительство въ Астрахань, и потомъ оказать ему Монаршее милосердіе». И князь Чавчавадзе былъ высланъ въ г. Тамбовъ ([23]). Ссылка

эта, сдѣланная чисто изъ политическихъ видовъ, конечно, не могла быть продолжительна. Вызванный въ Петербургъ и обласканный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, князь снова вернулся въ Тифлисъ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края.

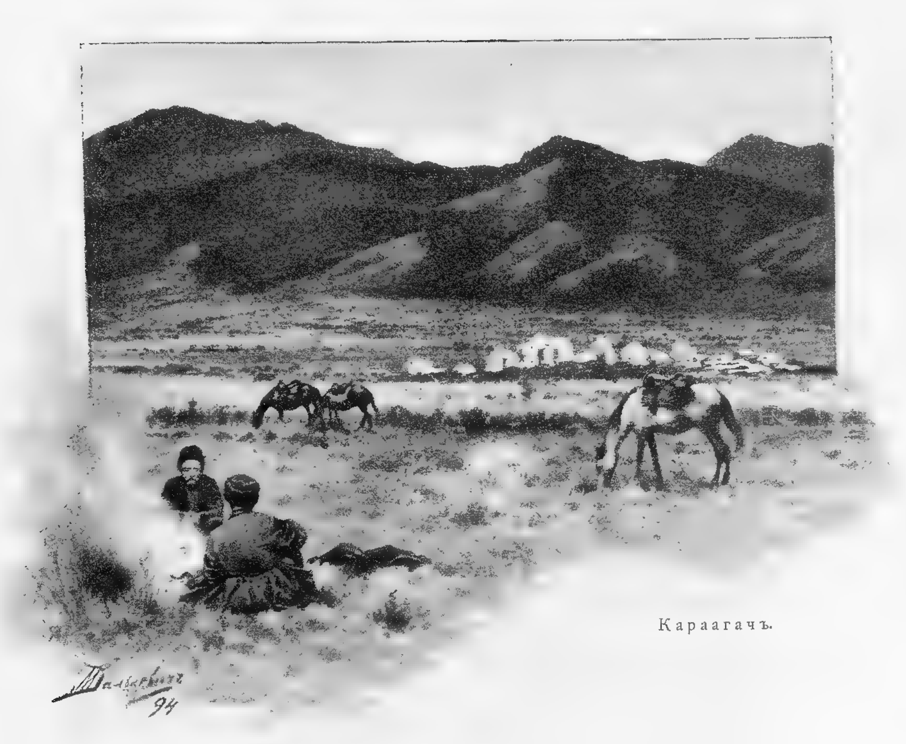
Домъ князя Чавчавадзе долго еще послѣ того, въ эпоху Розена, Головина, Нейдгардта и частію Воронцова считался первымъ домомъ въ Тифлисѣ по радушію и гостепріимству. Одна изъ дочерей его, Нина Александровна, была въ замужествѣ за нашимъ Грибоѣдовымъ, другая — за княземъ Дадіани, правителемъ Мингреліи. Единственный сынъ его, Давидъ Александровичъ, служилъ въ Нижегородскомъ же полку во время командованія Безобразова, и потомъ былъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Это тотъ князь Давидъ, которому суждено было въ 1854 году испытать поражающую катастрофу, въ одинъ часъ лишившую его и семьи, и имущества. Это былъ день страшнаго вторженія Шамиля въ Кахетію и разоренія имъ родного гнѣзда Чавчавадзе—Цинондаловъ.

Князь Александръ Герсевановичъ скончался 6-го ноября 1846 года совершенно неожиданно: лошади понесли его экипажъ, коляска опрокинулась, и князь ударился головою о камень. «Служба потеряла въ немъ достойнаго генерала, Тифлисъ—примѣрнаго семьянина, Грузія—великаго поэта». Вотъ слова некролога, которымъ почтили его современники.

Тифлисскія событія 1833 г., послѣдствія которыхъ тогда еще нельзя было предвидѣть, совпали для Нижегородскаго полка какъ разъ съ новымъ кризисомъ и въ его внутренней жизни—съ вопросомъ, поднявшимся опять о перемѣщеніи его въ другую штабъ-квартиру. На этотъ разъ Розенъ указывалъ на Царскіе Колодцы. Перемѣщеніе было недальнее, но все-таки каждому приходилось бросать свое небольшое, но установившееся хозяйство и заводиться новымъ, а это сопряжено было съ такими затратами, которыя не всѣмъ были подъ силу. Къ тому же къ преимуществамъ Караагача, какъ кавалерійской стоянки, надо было отнести обиліе воды и луговъ, тогда какъ въ Царскихъ Колодцахъ не было ни того ни другого, а при скопленіи войскъ могло статься, что воды и совсѣмъ не хватило бы для цѣлаго полка. На замѣчаніе Розена, что Караагачъ въ минувшемъ году былъ брошенъ, за невозможностью отдѣлять войска для его защиты,—Добровъ весьма тонко замѣтилъ, что если въ прошломъ году хотѣли бросить Закаталы, на которыхъ опирается спокой-

ствіе цѣлаго края, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что могли бросить не только Караагачъ, но и самые Царскіе Колодцы (24). Доброву удалось и на этотъ разъ отстоять старую штабъ-квартиру,—но вмѣстѣ съ тѣмъ это была и послѣдняя услуга, оказанная имъ Нижегородскому полку. Зимой онъ заболѣлъ, и послѣ тяжкаго недуга, перешедшаго въ грудную водянку, скончался въ Караагачѣ 21-го апрѣля 1834 г. (25). Къ сожалѣнію, могила его, также какъ и могила Климовскаго, затеряны на старомъ, уже заброшенномъ кладбищѣ.

Бѣлоканы.



Караагачъ.

ГЛАВА III.

Три года на отдыхѣ.

(1834—1836 г.).

Полковникъ Катарджи.—Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ.—Состояніе, въ которомъ Катарджи нашелъ Нижегородскій полкъ послѣ Доброва.—Новая форма одежды, присвоенная однимъ Нижегородцамъ.—Тщетная попытка построить новое обмундированіе.—Трудное положеніе кавказскихъ войскъ въ хозяйственномъ отношеніи.—Переформированіе кавказской пѣхоты и учрежденіе при Нижегородскомъ полку инвалидной роты.—Значеніе ея въ хозяйственномъ быту полка.—Перемѣщеніе Ширванскаго полка изъ Царскихъ Колодцевъ въ Кусары, и Тифлисскаго полка въ Царскіе Колодцы.—Общее тревожное состояніе Кавказа въ 1834 г., и сравнительное спокойствіе на Алазанской линіи.—Хищническіе набѣги лезгинъ.—Нападеніе на трехъ рядовыхъ Нижегородскаго полка.—Находчивость рядового Опришенко.—Печальный эпизодъ въ домашней жизни Нижегородцевъ.—Новое назначеніе Катарджи.—Полковникъ Безобразовъ и первое знакомство его съ Нижегородцами.

На мѣсто умершаго Доброва командиромъ Нижегородскаго полка назначенъ былъ полковникъ Павелъ Ильичъ Катарджи, который и прибылъ въ Караагачъ 20-го сентября 1834 г. (¹). Въ полку не сохрани-

лось никакихъ преданій или разсказовъ, по которымъ можно бы было составить себѣ хотя какое-нибудь представленіе о личныхъ качествахъ и даже характерѣ новаго командира. Изъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ извѣстно также немногое. Онъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи драгунскомъ полку въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и, слѣдовательно, былъ сослуживцемъ Климовскаго; потомъ онъ командовалъ Сѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, а по расформированіи послѣдняго въ 1834 году,—получилъ Нижегородскій.

Устныя преданія старыхъ кавалеристовъ говорятъ, что Сѣверскій полкъ былъ однимъ изъ лучшихъ армейскихъ полковъ того времени по составу офицеровъ, но преслѣдовавшія его въ теченіе всей польской кампаніи военныя неудачи значительно подорвали его боевую репутацію. Извѣстенъ, напр., эпизодъ, когда два эскадрона Сѣверцевъ, подъ командой подполковника Богданова, были захвачены врасплохъ подъ Уханью, и взяты въ плѣнъ поляками вмѣстѣ со всѣми офицерами. Богдановъ былъ исключенъ изъ службы, а эскадронныхъ командировъ приказано было обходить чинами и не ввѣрять имъ въ командованіе никакихъ частей. Одинъ изъ этихъ эскадронныхъ командировъ, капитанъ Кусаковъ, вмѣстѣ съ Катарджи, попалъ въ Нижегородскій полкъ и несъ въ немъ обязанности субалтернъ-офицера до 1840 года, когда ему разрѣшено было наконецъ выйти въ отставку ([2]).

За Катарджи, такимъ образомъ, особой боевой репутаціи не было; но кажется, что при назначеніи его на должность командира Нижегородскаго полка главнымъ образомъ и имѣли въ виду другую сторону его дѣятельности, сторону чисто административную, благодаря которой Сѣверскій полкъ достигъ вполнѣ блестящаго состоянія. Катарджи былъ прекрасный хозяинъ, и въ Петербургѣ полагали, что онъ выведетъ наконецъ Нижегородскій полкъ изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ оставилъ его Добровъ послѣ своего пятилѣтняго командованія.

Сдѣлать это не удалось, однако, и Катарджи. Ему, какъ человѣку не привычному къ новой пограничной обстановкѣ, не трудно было растеряться въ огромномъ и сложномъ хозяйствѣ кавказскаго полка съ его штабъ-квартирою, разными учрежденіями, арендными статьями, поемными лугами, сѣнокосами, огородами, даже съ хлѣбными запашками, о чемъ въ Россіи не имѣли понятія. Къ тому же онъ нашелъ полкъ въ такомъ разстроенномъ состояніи, что хозяйственная часть его дѣйствительно

представляла собою невообразимый хаосъ. Катарджи на первыхъ порахъ ничего и не оставалось болѣе, какъ принять полкъ такимъ, какимъ онъ былъ,—и онъ его принялъ.

На первой очереди стоялъ вопросъ о новомъ обмундированіи полка, утвержденномъ 20-го іюня 1834 года собственно для однихъ Нижегородцевъ. Этотъ красивый и оригинальный костюмъ кавказскаго типа, съ газырями и черкесскими шашками, выдѣлявшій полкъ изъ ряда другихъ кавалерійскихъ полковъ, не могъ не интересовать Нижегородцевъ, напоминая имъ о славныхъ подвигахъ, совершонныхъ въ странѣ, гдѣ этотъ костюмъ служилъ народною одеждою. И Нижегородцы гордились ею, какъ взятою съ боя. Катарджи хотѣлъ немедленно приступить къ постройкѣ новаго обмундированія, но оказалось, что не было матеріаловъ; а когда, въ исходѣ 1835 г. (3), выслали матеріалы, въ полку уже не было свободныхъ рукъ, такъ какъ для удовлетворенія другихъ хозяйственныхъ потребностей пришлось наряжать цѣлые эскадроны.

Правительство и само сознавало трудное положеніе кавказскихъ войскъ, обязанныхъ стоять лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, и въ то же время вести обширное и сложное хозяйство, безъ котораго существованіе ихъ было немыслимо. Въ этомъ еще мало устроенномъ и воинственномъ краѣ война не была обыкновенною европейскою войною, гдѣ войска, даже въ самые острые моменты кампаніи, все-таки имѣютъ сравнительный отдыхъ подъ завѣсой своихъ аванпостовъ. На Кавказѣ отдыха не было. Тамъ каждый солдатъ могъ считаться безсмѣнно стоящимъ на аванпостахъ,—и какъ на аванпостахъ долженъ былъ быть весь слухъ и зрѣніе. За нимъ не было ничего, что обезпечивало бы его существованіе. Край былъ бѣденъ, и тѣ скудныя средства, которыя собирались жителями для себя самихъ, подвергались всевозможнымъ случайностямъ; не рѣдко одинъ выстрѣлъ изъ пистолета, приставленнаго лезгиномъ къ скирдѣ или къ стогу сѣна, въ одно мгновеніе уничтожалъ всѣ плоды лѣтнихъ трудовъ поселянина. Войскамъ приходилось заботиться о себѣ самимъ, а горцы, понимая это, отвлекали ихъ безпрерывными тревогами, подрывая въ корень ихъ благосостояніе. Война мѣшала хозяйству, хозяйство мѣшало войнѣ,—и много нужно было и воли, и труда, чтобы выдержать эту нескончаемую аванпостную службу!

Правительство сознало наконецъ необходимость выйти изъ этого положенія, и въ 1834 году приступило къ переформированію Кавказ-

скаго корпуса. До сихъ поръ наряды отъ пѣхотныхъ частей на кордонную службу были такъ велики, что зачастую изъ трехъ-батальоннаго полка дома не оставалось никого, кромѣ женатыхъ, слишкомъ малочисленныхъ, чтобы вести и защищать хозяйство. Теперь наряды остались тѣ же, но пѣхотные полки приведены были въ пяти-батальонный составъ, и, такимъ образомъ, въ штабъ-квартирахъ уже всегда могли оставаться боевыя вооруженныя части. Кромѣ того, при каждомъ полку сформирована была особая инвалидная рота, обязанность которой заключалась именно въ веденіи полкового хозяйства: на ея рукахъ были постройки, заготовка строительныхъ матеріаловъ, сѣнокосы, луга, запашки—словомъ, все то, что до сихъ поръ лежало на строевыхъ частяхъ, отвлекая ихъ отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Надо замѣтить, однако, что Нижегородскій полкъ остался въ томъ же семи-эскадронномъ составѣ, и только къ нему прибавлена была инвалидная рота въ числѣ 2 оберъ-офицеровъ и 283 нижнихъ чиновъ ([4]). Рота эта учреждена была въ полку еще при Катарджи, но воспользоваться ею, какъ рабочею силой, довелось уже его преемникамъ.

При этомъ общемъ переформированіи и связанномъ съ нимъ передвиженіи пѣхотныхъ полковъ, Нижегородцамъ пришлось разстаться съ своими старыми боевыми товарищами, Ширванцами, съ которыми 22 года они прожили вмѣстѣ на Царскихъ Колодцахъ. Приведенный въ усиленный составъ, Ширванскій полкъ ушелъ въ Дагестанъ, а на мѣсто его въ Царскіе Колодцы прибылъ Тифлисскій егерскій полкъ, подъ командой князя Моисѣя Захарьевича Аргутинскаго-Долгорукаго. Въ лицѣ Тифлисскихъ егерей Нижегородцы пріобрѣли себѣ новыхъ боевыхъ кунаковъ, и рука въ руку прошли съ ними одиннадцать лѣтъ кровавой и трудной борьбы, разыгравшейся, какъ увидимъ, позднѣе на Лезгинской линіи.

Надо сказать, что 1834 годъ былъ годомъ потрясающихъ событій на Сѣверномъ Кавказѣ. Всѣ наши предшествовавшія дѣйствія, съ ихъ баснословными походами и подвигами, на которые была способна только старая кавказская армія, мало успокоили страну, и остались почти безрезультатными. Смерть Кази-муллы также не измѣнила положеніе дѣлъ на Кавказѣ: слишкомъ натянуты были струны, чтобы страсти могли успокоиться отъ перваго тяжелаго удара. Не стало имама—и народъ тотчасъ же провозглашаетъ на его мѣсто другого. Является Гамзатъ—

человѣкъ безпокойный, дѣятельный, и дерзкій въ удачѣ. Онъ быстро ведетъ войска на Хунзахъ, истребляетъ аварскихъ хановъ,—и Аварія, страна, сдерживавшая еще потокъ мюридизма въ горахъ, сама становится резиденціею кавказскихъ имамовъ. Гибнетъ Гамзатъ—и мѣсто его занимаетъ Шамиль, начиная собою новую и самую страшную эпоху мюридизма.

Но чѣмъ тревожнѣе было внутри Дагестана, чѣмъ упорнѣе становилась борьба на сѣверѣ кавказскихъ горъ, тѣмъ рѣже случались боевыя тревоги на Лезгинской линіи. Племенамъ нагорнаго Дагестана было слишкомъ много дѣлъ у себя, чтобы думать о далекихъ предпріятіяхъ, гдѣ самые блестящіе успѣхи не могли имъ дать ничего, кромѣ добычи. Въ 1835 году, объѣзжая Анкратльскій союзъ, Шамиль посѣтилъ Джурмутъ, и хотя на его глазахъ тотчасъ же образовалось нѣсколько шаекъ, но набѣгъ не состоялся, и наши войска даже не вызывались на линію ([5]).

Но если отсутствіе серьезныхъ предпріятій со стороны хищныхъ сосѣдей умиротворяющимъ образомъ начинало дѣйствовать на край, если нельзя было каждую минуту ждать кровавыхъ вторженій съ разгромомъ цѣлыхъ деревень и уводомъ въ плѣнъ десятковъ и сотенъ христіанскихъ жителей, какъ было въ старые годы, то волны сѣверныхъ событій все же отражались и на Закавказье цѣлымъ рядомъ мелкихъ разбоевъ, отъ которыхъ не спасала никакая осторожность и бдительность кордоновъ. Населеніе и въ это, сравнительно спокойное, время не могло покинуть оружія. Едва только солнце склонялось къ закату, окна и двери кахетинскихъ домовъ запирались наглухо. Какъ хищный звѣрь рыскалъ лезгинъ по опустѣвшимъ полямъ, выжидая добычи, и лучшее время лѣтняго дня—очаровательный вечеръ, и самая ночь находились въ ихъ власти. Поселянинъ не смѣлъ выйти за ограду собственнаго дома, солдатъ—за ворота своей штабъ-квартиры. Еще хуже, еще страшнѣе становилось въ глухую осеннюю пору съ длинными ночами и сѣдыми туманами, закрывавшими окрестности. Смѣлѣе выѣзжалъ тогда зоркій хищникъ, и случаи дерзкихъ разбоевъ учащались. Какъ ни были осторожны Нижегородцы, но и надъ ними нѣтъ-нѣтъ да и разражалась какая-нибудь невзгода. Вотъ что случилось, напр., 5-го октября 1835 года.

Въ пасмурный, сѣрый день съ изморозью, небольшая команда драгунъ, подъ начальствомъ прапорщика Мариненко, вышла изъ Караагача, чтобы нарубить лѣсу близъ такъ называемой драгунской переправы.

Лѣсъ нуженъ былъ на спѣшныя постройки въ штабъ-квартирѣ, и потому, несмотря на туманъ, окутывавшій лѣсъ отъ вершины деревъ до гигантскихъ корней, работы пріостановлены не были. Въ лѣсу царилъ полумракъ, придававшій всей обстановкѣ, и безъ того дикой, странный, фантастическій видъ. Корни гигантскихъ деревъ, какъ змѣи, расползались въ разныя стороны и, выступая наружу, переплетались между собой, образуя такія баррикады, черезъ которыя даже пѣшему перебраться было не легко, а конному нечего было туда и ѣздить. Въ одной изъ такихъ трущобъ, гдѣ и въ солнечный день было темно, словно въ сумеркахъ, трое драгунъ, именно: Матеусъ Кожуховскій, Оприщенко и Егоръ Яковлевъ, отдѣлившись отъ товарищей, рубили огромный чинаръ въ нѣсколько обхватовъ толщиною. Утомленные тяжелою работою, они присѣли отдохнуть, да и заснули такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ можетъ спать только человѣкъ, проработавшій на холодѣ нѣсколько часовъ безъ отдыха. Пробужденіе ихъ было ужасно: они увидѣли надъ собою шесть бородатыхъ, звѣрскихъ физіономій, съ откинутыми на затылокъ папахами, и прежде чѣмъ опомнились, рты ихъ были забиты землею, а руки и ноги перетянуты ремнями. Кожуховскій, однако, вырвался и ударомъ кулака сбилъ съ ногъ одного изъ лезгинъ, но тотчасъ же былъ изрубленъ. Трупъ его лезгины затащили въ кусты, гдѣ притаились и сами вмѣстѣ съ своими плѣнниками. Стало смеркаться, ударили сборъ и по провѣркѣ людей троихъ не оказалось. Прапорщикъ Мариненко тотчасъ выслалъ во всѣ стороны патрули, но они вернулись обратно ни съ чѣмъ. Какъ потомъ оказалось, драгуны не разъ проходили возлѣ самыхъ кустовъ, гдѣ сидѣли хищники; но заросли были такъ густы, что они не могли ихъ замѣтить. Команда вернулась въ Караагачъ, и къ графѣ объ убыли появились три лишнихъ человѣка съ стереотипною отмѣткою «пропали безъ вѣсти».

Какъ только наступила ночь, лезгины со своею добычею тронулись въ путь, и обогнувъ Катехи, остановились ночевать на берегу глубокаго оврага. Вблизи виднѣлся какой-то аулъ, и четверо хищниковъ поѣхали туда навѣстить кунаковъ, а плѣнныхъ оставили подъ охраною двухъ товарищей. Уставшіе лезгины развели огонекъ и скоро заснули. Уснулъ и Яковлевъ, да такъ крѣпко, что Оприщенко, рѣшившійся воспользоваться благопріятною минутою для бѣгства, никакъ не могъ его добудиться. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ и боясь, чтобы лезгины

не проснулись, онъ оставилъ Яковлева, и одинъ, ползкомъ добравшись до края оврага, скатился внизъ, распуталъ кое-какъ руки и ноги и, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шороху, пустился бѣжать. Преслѣдовали ли его лезгины—неизвѣстно, но къ утру онъ благополучно добрался до Караагача. Отъ него-то и узнали Нижегородцы всѣ подробности этого происшествія. Тѣло Кожуховскаго, дѣйствительно, найдено было въ лѣсу, но Яковлевъ такъ и пропалъ безслѣдно ([6]).

Случилось и другое происшествіе, весною 1836 года. Команда, посланная въ лѣсъ съ прапорщикомъ Лифляндомъ, не приняла, какъ надо полагать, должныхъ мѣръ осторожности, и лезгины, сидѣвшіе въ засадѣ, не упустили случая воспользоваться этою минутною оплошностью. Выскочивъ изъ ближнихъ кустовъ, они внезапно кинулись на рабочихъ, изъ которыхъ одинъ, рядовой Кубицкій, былъ ими изрубленъ, а другой, Пастуховъ, захваченъ въ плѣнъ на глазахъ цѣлой команды, не успѣвшей сбѣжаться, чтобы отстоять товарища ([7]).

Все это были явленія обычныя и даже неизбѣжныя въ кавказской войнѣ. Но полковая хроника того времени на ряду съ ними передаетъ еще одно кровавое дѣло, загадочное и темное, доставившее не мало хлопотъ и Катарджи, и всему полковому обществу. Лезгины были тутъ уже не при чемъ. Это была домашняя драма, одна изъ тѣхъ, которыя, врываясь время отъ времени въ тихую полковую жизнь, оставляютъ послѣ себя неизгладимо тяжелое впечатлѣніе. 9-го февраля 1836 г., въ позднія сумерки, въ квартиру командира 6-го эскадрона капитана Корбецкаго явился старшій вахмистръ Васильевъ. О чемъ они говорили,—осталось неизвѣстнымъ, да это никого и не интересовало, какъ явленіе слишкомъ заурядное. Пришелъ старшій вахмистръ, сдѣлалъ докладъ и ушелъ. Но тутъ-то и начинается драма. Едва онъ спустился съ крылечка офицерскаго дома, какъ изъ-за ближняго сарая вдругъ, одинъ за другимъ, грянули два ружейные выстрѣла, въ воздухѣ пронесся чей-то слабый крикъ,—и когда сбѣжались люди, Васильевъ лежалъ уже въ предсмертной агоніи. Происшествіе это вызвало сумятицу во всемъ Караагачѣ: на гаубтвахтѣ ударили тревогу. Первая мысль, которая явилась у всѣхъ,—была мысль о лезгинахъ; но пока запирали ворота, высылали патрули и обшаривали всѣ мышиныя норки—Васильевъ уже умеръ. Люди, находившіеся при немъ въ минуту кончины, слышали какъ онъ прошепталъ: «капитанъ Корбецкій меня убилъ—и Богъ съ нимъ!» Были

ли эти слова послѣднимъ желаніемъ высказать какую-то тайну, или то былъ просто горячечный предсмертный бредъ — никто изъ бывшихъ съ нимъ объяснить не могъ; но слова эти быстро разнеслись, однако, по всему Караагачу, и дали первый поводъ къ обвиненію капитана Корбецкаго. Все это казалось, однакоже, нѣсколько страннымъ. Корбецкій, переведенный въ полкъ въ 1831 году изъ Украинскаго уланскаго полка, уже нѣсколько лѣтъ командовалъ 6-мъ эскадрономъ, и былъ на счету хорошаго офицера. Васильевъ былъ также человѣкъ степенный и разсудительный. Не понятно было всѣмъ, для чего могла понадобиться Корбецкому смерть Васильева, а еще менѣе можно было заподозрить другихъ. Сбивчивыя показанія нѣкоторыхъ указывали, однако, что тутъ, во всей этой исторіи, была замѣшана какая-то женщина. Вспомнили, что Васильевъ, человѣкъ уже не молодой, незадолго женился на воспитанницѣ Корбецкаго, и жилъ съ ней не въ особыхъ ладахъ. Вѣстовой показалъ даже, что въ тотъ роковой вечеръ, который сталъ послѣднимъ въ жизни Васильева, онъ приходилъ къ эскадронному командиру именно съ жалобой на свое семейное положеніе. Вдобавокъ къ этому, по медицинскому вскрытію оказалось, что Васильевъ убитъ изъ двухствольнаго ружья, заряженнаго тремя пулями и семью картечами, и что весь этотъ зарядъ попалъ въ грудь и въ правый бокъ несчастнаго. Двухствольное ружье во всемъ Караагачѣ было только одно — у юнкера Арсеньева, жившаго на одной квартирѣ съ Корбецкимъ. Потребовали это ружье, и когда прикинули картечь и пули, то они какъ разъ пришлись по стволамъ. Арсеньева арестовали, Корбецкаго также — и обоихъ предали суду при корпусномъ штабѣ. Судъ не нашелъ никакихъ прямыхъ поводовъ къ ихъ обвиненію и, оставивъ обоихъ въ сильномъ подозрѣніи, конфирмовалъ исключить изъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь въ нее не принимать (8).

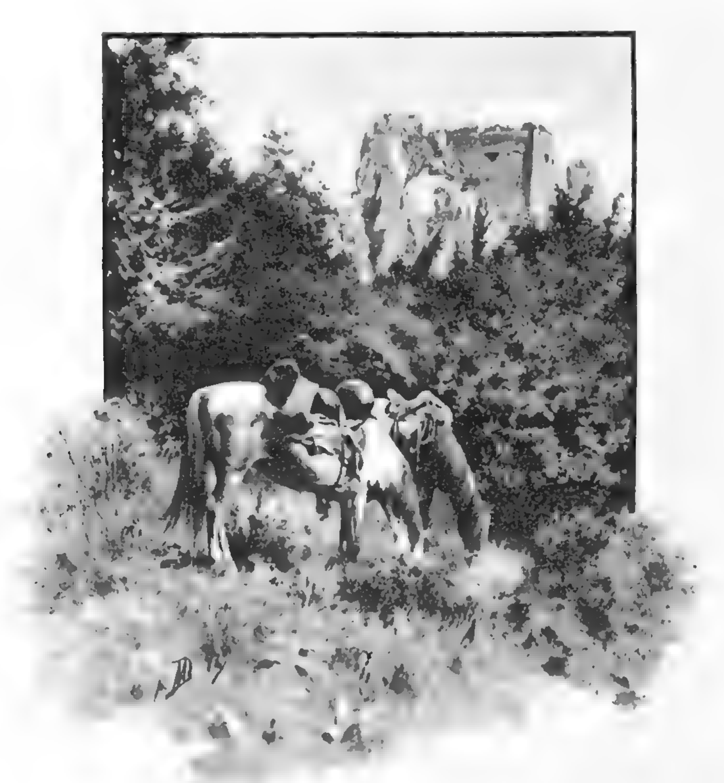
Этимъ печальнымъ эпизодомъ закончилось командованіе Катарджи. Онъ былъ въ началѣ 1836 года произведенъ въ генералъ-маіоры, и назначенъ состоять при Отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, а командиромъ Нижегородскаго полка является полковникъ Сергѣй Димитріевичъ Безобразовъ.

Новый полковой командиръ принадлежалъ къ числу людей, передъ которыми развертывается широкая будущность. Онъ началъ службу лейбъ-гвардіи въ Подольскомъ кирасирскомъ полку, потомъ былъ адъютантомъ цесаревича Константина Павловича, и по своему уму, образованію и свѣтскому лоску, игралъ выдающуюся роль въ тогдашнемъ вар-

шавскомъ обществѣ. По словамъ современниковъ, это былъ дѣйствительно одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ своего времени, и въ Варшавѣ, гдѣ онъ жилъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, его называли Аполлономъ Бельведерскимъ. Возстаніе 1831 года, разрушившее веселую и безпечную жизнь варшавянъ, бросило Безобразова на новый путь военныхъ тревогъ,—и битвы при Калушинѣ, Гроховѣ, Остроленкѣ, и потомъ въ окрестностяхъ Вильны, выдвинули его какъ отличнаго боевого офицера. По кончинѣ цесаревича императоръ Николай Павловичъ назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ. Затѣмъ, въ 1834 году, онъ былъ командированъ на Кавказъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и здѣсь въ одномъ изъ первыхъ дѣлъ получилъ тяжелую рану пулею въ ногу. Потомъ, командуя въ теченіе двухъ лѣтъ то авангардами, то всею кавалеріею въ отрядахъ Вельяминова и Засса, онъ цѣлымъ рядомъ блистательныхъ дѣлъ составилъ себѣ громкое военное имя. Всегда въ высокомъ бѣломъ папахѣ, на бѣломъ конѣ, всегда впереди атакующей кавалеріи, онъ увлекалъ своею отвагой линейныхъ казаковъ, которые умѣли дать настоящую цѣну удали и храбрости. Его такъ и звали казацкимъ Мюратомъ. Двухлѣтніе походы доставили ему Анну на шею, чинъ полковника и командованіе Нижегородскимъ полкомъ, но надо сказать, что вмѣстѣ съ производствомъ онъ былъ отчисленъ отъ свиты и пересталъ носить флигель-адъютантскіе эксельбанты ([9]).

Принимая Нижегородскій полкъ, Безобразовъ уже имѣлъ о немъ болѣе или менѣе ясныя представленія. За Кубанью и на берегахъ Чернаго моря ему нерѣдко приходилось встрѣчать Нижегородцевъ, пріѣзжавшихъ туда изъ Караагача. То были въ большинствѣ случаевъ офицеры и нижніе чины, имѣвшіе за собой по формулярамъ кое-какія недоимки, которыя они старались погашать своею кровью и подвигами. Такимъ образомъ, въ послѣдніе два года подъ командой Безобразова служили, выписанные въ полкъ изъ гвардіи, поручикъ Розенъ и прапорщикъ Залѣсскій, юнкеръ Сагатовичъ, унтеръ-офицеры Квартано, Барковскій и Яневичъ, и рядовые Колюбакинъ и Минкенъ 2-й. Всѣ они своею грудью проложили себѣ дорогу: Розенъ и Залѣсскій попали обратно въ гвардію; Квартано, Барковскій и Яневичъ, прослужившіе болѣе семи лѣтъ въ званіи нижнихъ чиновъ, а за ними и Колюбакинъ произведены были въ офицеры, Сагатовичъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена, и только одинъ Минкенъ, сраженный болѣзнію, умеръ

подъ тою же солдатскою шинелью въ Ольгинскомъ госпиталѣ. Безобразовъ былъ ближайшимъ свидѣтелемъ ихъ подвиговъ, видѣлъ въ нихъ примѣръ высокаго самоотверженія, привыкъ уважать ихъ доблести, и по нимъ могъ составить себѣ понятіе о полкѣ, съ которымъ судьба сводила его теперь на долгое время.



Замокъ Тамары.

Домъ Нечволодова.

ГЛАВА IV.

Екатерина Григорьевна Нечволодова (1).

(1830—1887 г.).

Новый складъ полкового общества съ началомъ тридцатыхъ годовъ.—Семья Нечволодовыхъ, какъ центръ этой жизни.—Исторія Екатерины Григорьевны.—Маленькая Сатанаиса.—Два переворота въ ея жизни. — Сатанаиса, подъ именемъ Кати, становится дочерью Нижегородскаго полка.—Воспитаніе и развитіе ея офицерами.—Стихотвореніе Сташевскаго.—Пятнадцатилѣтняя Катя выходитъ замужъ за Нечволодова.— Глубокое и благотворное вліяніе этой семьи на все окружающее общество.—Поэтъ Розенгеймъ и его неизданное стихотвореніе, посвященное Нечволодовой.—Взаимная привязанность Нижегородцевъ къ Екатеринѣ Григорьевнѣ, и Екатерины Григорьевны къ Нижегородцамъ. — Общее окружающее ее уваженіе. — Послѣдніе годы ея жизни. — Нѣсколько словъ въ память Екатерины Григорьевны.

Тяжелые годы, выпавшіе на долю Нижегородскаго полка со времени Персидской войны, не могли не коснуться его внутренней домашней жизни, того оригинально-своеобразнаго быта, который сложился въ немъ

подъ вліяніемъ окружавшей его широкой жизни грузинъ. Теперь связующихъ звеньевъ между нимъ и грузинскимъ обществомъ было еще болѣе, чѣмъ прежде. Грузинскіе князья, по самому средневѣковому рыцарскому складу своего общественнаго строя, стремились къ военной службѣ, и большинство кахетинцевъ добивалось чести носить русскій мундиръ. Однихъ князей Чавчавадзе прошло черезъ полкъ семеро—и всѣ они своими подвигами, кровью и даже самою жизнію запечатлѣли любовь къ родному полку. Но если не измѣнились стремленія и чувства грузинъ, если сама военная служба оставалась все тѣмъ же проводникомъ цивилизаціи въ ихъ общество, то много измѣнилась за эти годы Кахетія, уже не представлявшая собой того безпечно-веселаго уголка, какимъ оставили ее Нижегородцы. Чудная природа, и люди, ее населяющіе, были все тѣ же; но тревожныя событія сѣвернаго Кавказа охватили и ее, вытѣснивъ изъ жизни грузинскихъ помѣщиковъ все, что не касалось охраны и защиты родины. Некогда было думать о веселыхъ пирахъ и разъѣздахъ, когда приходилось проводить ночи, держа ногу у стремени и заряженную винтовку въ изголовьѣ.

Въ такой же точно замкнутости все это время проходила жизнь и нашихъ Нижегородцевъ, невольно сосредоточивавшаяся только въ стѣнахъ самой штабъ-квартиры. Эта жизнь, послѣ разгула двадцатыхъ годовъ, стала принимать тихій семейный характеръ, и душою ея становится съ этого времени семья Нечволодовыхъ. Въ такомъ глухомъ, отдаленномъ уголкѣ русской окраины, какъ Караагачъ, полковое общество ни въ чемъ такъ не нуждалось, какъ въ центрѣ, около котораго сходились бы всѣ симпатіи, и гдѣ люди встрѣчали бы участіе и въ горѣ, и въ радости. Такимъ именно центромъ является тогда домъ Нечволодова, съ его молодою, умной и привѣтливою хозяйкою. Эта хозяйка — была балованная дочь полка, Екатерина Григорьевна.

Судьба этой замѣчательной и глубоко-симпатичной личности необыкновенно любопытна. Екатерина Григорьевна была плѣнная черкешенка. Она происходила изъ племени Абадзеховъ, и этимъ очень гордилась, считая свой народъ самымъ рыцарскимъ, честнымъ и храбрымъ изъ всѣхъ племенъ Кавказа. Чувство это, какъ бы родилось съ нею, и смутно заставляло догадываться, что родители ея были уорки (дворяне), среди которыхъ въ высокой степени была развита именно эта сословная и національная гордость. Звали ее на родинѣ Сатанаисой,—однимъ изъ лю-

бимѣйшихъ черкесскихъ именъ, часто встрѣчающихся въ эпическихъ преданіяхъ народа о Нартахъ. Екатерина Григорьевна помнила, какъ въ двадцатыхъ годахъ, еще во времена Ермолова, когда ей было 7 или 8 лѣтъ, казаки напали на ихъ аулъ, и какъ она съ бабушкой и сестрой бѣжали въ лѣсъ, спасаясь отъ преслѣдованія. Но казаки ихъ настигли, бабушку убили, а ее взяли въ плѣнъ и увезли съ собою. Куда дѣвалась сестра, и что сталось съ родителями, Екатерина Григорьевна не могла узнать до конца своей жизни, и это всегда ее огорчало; а ужасы, пережитые ею въ то время, такъ сильно врѣзались въ дѣтскую память, что при всей своей почти не женской храбрости, она не могла хладнокровно слышать ружейнаго выстрѣла.

По тогдашнимъ обычаямъ всѣ плѣнныя женщины и дѣти, во избѣжаніе расходовъ казны, распредѣлялись на содержаніе по казачьимъ семьямъ, и маленькая Сатанаиса попала въ Бѣлорѣчинскую станицу. Здѣсь ее уговорили креститься, и дѣвочка, съ новымъ именемъ Кати, нашла себѣ пріютъ въ добромъ и зажиточномъ казачьемъ семействѣ. Трудно сказать, какъ сложилась бы ея дальнѣйшая судьба среди чужого народа, если бы одно случайное обстоятельство не сдѣлало вновь коренного переворота во всей ея жизни.

Въ Бѣлорѣчинской станицѣ служилъ въ то время одинъ изъ Нижегородскихъ офицеровъ Григорій Ивановичъ Нечволодовъ, съ интересною личностью котораго читатели уже знакомы. Онъ былъ прикомандированъ къ линейнымъ казакамъ, чтобы загладить кое-что изъ своего формуляра, и въ описываемую эпоху уже дослужился опять до маіорскаго чина. Кавказская жизнь настолько пришлась ему по нраву, что онъ рѣшилъ остаться въ Нижегородскомъ полку навсегда, и написалъ объ этомъ женѣ. Жена его, урожденная графиня Тышкевичъ, женщина, по сохранившимся о ней преданіямъ, добрая и симпатичная, жила тогда въ Петербургѣ и, собираясь ѣхать къ мужу, писала ему, что, не имѣя дѣтей, желала бы проѣздомъ черезъ линію взять на воспитаніе маленькую черкешенку изъ числа захваченныхъ въ плѣнъ, о которыхъ писалъ ей мужъ. Нечволодовъ вспомнилъ о хорошенькой дѣвочкѣ, которую встрѣчалъ на рѣчкѣ, когда ходилъ купаться, и выпросилъ ее у казаковъ. Товарищи Нечволодова приняли участіе въ маленькой плѣнницѣ, баловали ее и настолько полюбили, что даже хоромъ распѣвали пѣсенку, сочиненную ею къ пріѣзду своей новой матери.

Еще не зная ея, дѣвочка привязалась къ ней всѣмъ сердцемъ и нетерпѣливо ожидала ея пріѣзда. Когда станичныя подруги прибѣжали сказать ей, что пріѣхала жена Нечволодова, она, не помня себя, бросилась на почтовую станцію, вбѣжала на балконъ, и въ избыткѣ чувствъ, охвативъ руками колѣна пріѣзжей, начала такъ сильно рыдать, что ее насилу могли успокоить. Но не долго пришлось ей пожить съ новою матерью, въ сердцѣ которой нашлось для нея такъ много любви и нѣжности. Нечволодовъ съ женой и новою дочерью скоро отправился къ мѣсту своей службы, въ Караагачъ, гдѣ квартировали тогда Нижегородцы, и по пути остановился во Владикавказѣ, чтобы приготовиться къ спокойному переѣзду съ семьей черезъ горы. Здѣсь ему неожиданно пришлось похоронить свою жену и остаться вдовцомъ. Совершенно здоровая и веселая вернулась она съ какого-то обѣда, вошла въ свою комнату и вдругъ упала мертвою; смерть произошла отъ разрыва сердца. Нечволодовъ прибылъ въ Царскіе Колодцы одинъ съ маленькою восьмилѣтнею Катею.

Опять осиротѣвшая дѣвочка нашла себѣ новою семью среди Нижегородскихъ офицеровъ и сдѣлалась дочерью полка въ полномъ смыслѣ этого слова. Среди Нижегородцевъ было не мало людей образованныхъ, потомъ появились декабристы, и всѣ они, принятые въ домѣ Нечволодова какъ родные, полюбили хорошенькую Катю и занялись ея образованіемъ. Въ числѣ учителей ея были Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, младшій Бестужевъ и другіе. Впослѣдствіи они снабжали ее книгами, и любовь къ чтенію обратилась у ней въ положительную страсть, оставшуюся въ ней до конца ея жизни. Единственно, что возмущало еще ея внутренній духовный міръ—это воспоминаніе о родинѣ, о родныхъ,—и она любила говорить о нихъ, любила вспоминать свое раннее дѣтство, удивительно сохранившееся въ ея маленькой головкѣ. Одинъ изъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ Нижегородскому полку, Стишевскій, написалъ на тему трагической судьбы Екатерины Григорьевны слѣдующее, посвященное ей же стихотвореніе:

Кубань шумитъ и пѣну бьетъ,
Аулъ нагорный шуму внемлетъ;
Въ немъ грустная семья не дремлетъ,—
О милой дѣвѣ рѣчь ведетъ,
Питомицу къ себѣ зоветъ.

Приди, прекрасная, приди
Взглянуть на вольный лугъ широкій,
На лѣсъ густой, хребетъ высокій...
И на родимой на груди
Хоть разъ вздохнуть приди, приди!
Равнины наши и поля,
Лѣса кубанскіе и нивы,
И дѣвъ знакомыхъ рой стыдливый
Цвѣтутъ уныло безъ тебя.
Приди, здѣсь родина твоя!
Приди взглянуть на отчій прахъ,
И милый пеплъ облей слезою;
Онъ, горестный, дышалъ тобою,
Тобой живетъ онъ въ небесахъ...
Приди, тебя зоветъ Аллахъ!
Кубань шумитъ и пѣну бьетъ,
Печальный мѣсяцъ въ тучахъ бродитъ,
Мать грустнымъ взоромъ брегъ обводитъ.
Съ слезами дочь къ себѣ зоветъ,
И пѣсни родины поетъ.
А дочь нейдетъ; далеко дочь!
Напрасны пѣсни и призывы,
Не слышны ей ихъ переливы,
Нельзя ей матери помочь;
Ихъ неизвѣстность дѣлитъ ночь.
Ахъ! сколько протянулось лѣтъ,
Какъ лучезарное свѣтило
Надъ ихъ горами восходило,
И гаснулъ вновь отрадный свѣтъ...
А дѣвы нѣтъ! А дѣвы нѣтъ!

Екатеринѣ Григорьевнѣ минуло 15 лѣтъ, когда она въ 1830 году вышла замужъ за самого Нечволодова, хотя послѣднему было тогда уже подъ пятьдесятъ. Впрочемъ, неравенство въ годахъ никогда не мѣшало ихъ супружескому счастію, потому что все прошлое, пережитое ими вмѣстѣ, дѣлало ихъ самыми дорогими существами другъ для друга. На Нечволодова Екатерина Григорьевна всегда смотрѣла какъ на человѣка, который первый душевно пріютилъ ее своею лаской, заставилъ позабыть и родныхъ и родину; на него она перенесла и ту любовь, которую питала къ его покойной женѣ.

Нечволодовы жили въ Царскихъ Колодцахъ, и домъ ихъ, открытый для всѣхъ, славился гостепріимствомъ по цѣлому Кавказу. Его любили посѣщать и люди серьезные, находившіе большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ самимъ Нечволодовымъ, и молодежь, собиравшаяся повеселиться, и въ немъ же встрѣчали привѣтъ и посильную помощь всѣ, заброшенные въ далекій кавказскій край по волѣ судьбы и обстоятельствъ. Умная, образованная, красавица собою, отличная наѣздница, Екатерина Григорьевна служила душою общества, и являлась не только радушною хозяйкой, но женщиною въ лучшемъ и высокомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ и слѣдуетъ искать разгадки той популярности и той всеобщей любви на Кавказѣ, которыя она сохранила до конца своей долгой жизни.

Въ тридцатыхъ годахъ, когда Царскіе Колодцы служили центральнымъ пунктомъ Лезгинской линіи, въ домѣ Нечволодовыхъ перебывало множество разнообразныхъ личностей, и всѣ они навсегда сохранили о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Но и послѣ тридцатыхъ годовъ, когда Нечволодовъ жилъ въ Царскихъ Колодцахъ уже отставнымъ кавказскимъ ветераномъ, подъ тесовою крышей его маленькаго бѣлаго домика, съ крылечкомъ на улицу, собирались всѣ, кого только судьба ни забрасывала въ Царскіе Колодцы. Въ числѣ этихъ лицъ, близко стоявшихъ къ семьѣ Нечволодовыхъ, былъ и нашъ извѣстный поэтъ М. П. Розенгеймъ, служившій въ сороковыхъ годахъ на Кавказѣ въ 19-й артиллерійской бригадѣ. Жизнь въ Царскихъ Колодцахъ сблизила его съ семьей Нечволодовыхъ,—и съ тѣхъ поръ до конца своей жизни, онъ никогда не забывалъ радушнаго пріема и нравственной поддержки, которыя нашелъ въ ихъ домѣ. Въ 1883 году, слѣдовательно, спустя уже сорокъ лѣтъ послѣ своего отъѣзда съ Кавказа, онъ послалъ Екатеринѣ Григорьевнѣ только что вышедшее тогда изданіе своихъ сочиненій, и при немъ слѣдующее, посвященное ей стихотвореніе:

Е. Г. Нечволодовой.

Пословица—вездѣ плодъ мудрости народной,
Въ нихъ выразился весь народный смыслъ и духъ.
И этотъ духъ, всегда правдивый и свободный,
Гласитъ, что старый другъ надежнѣй новыхъ двухъ.

* * *

Вотъ въ этомъ качествѣ,—ну, ежели не друга,
То все-жъ стариннаго знакомаго,—отнять
Рѣшился я у васъ минуты двѣ досуга,
И въ вашей памяти немного приподнять

* *
*

Давно минувшихъ лѣтъ далекія преданья
О, можетъ быть, давно забытой старинѣ;
И, пробуждая въ васъ о ней воспоминанье,
Напомнить вамъ немного обо мнѣ.

* *
*

Все это старая исторія, конечно;
Но я его люблю до сей поры сердечно,
Былое время то, когда лихой судьбой
Заброшенный на югъ, изгнанникъ молодой,

* *
*

По дальнемъ сѣверѣ душою я томился,
Попавъ на Царскіе Колодцы, на Кавказъ,
Гдѣ въ скоромъ времени навѣрно бы сбѣсился
Со злости и тоски, когда-бъ не встрѣтилъ васъ,

* *
*

Когда-бъ не встрѣтилъ въ вашемъ домѣ
Радушья самаго сердечнаго привѣтъ,—
Объ этомъ истинно участливомъ пріемѣ
Я память берегу отъ юношескихъ лѣтъ.

* *
*

Да, помню я вашъ домъ, радушьемъ знаменитый.
Пріютъ гонимыхъ всѣхъ суровою судьбой,
Для всѣхъ изгнанниковъ привѣтливо открытый,
Съ его прекрасною хозяйкой молодой!

* *
*

Съ его хозяиномъ, Суворовскимъ служакой,
Живою хроникой о тѣхъ великихъ дняхъ,
Отважнымъ Платова соратникомъ, рубакой,
Покрытымъ ранами въ безчисленныхъ бояхъ.

* *
*

Почтенный старина, подобно Цинцинату,
Отчизнѣ отслуживъ, не легъ онъ отдыхать,
А саблю промѣнявъ на заступъ и лопату,
Усердно принялся надъ садомъ хлопотать.

Это задушевное и полное глубокаго чувства, стихотвореніе—лучшій надгробный памятникъ обоимъ Нечволодовымъ.

Но какъ бы ни были сердечны отношенія ихъ къ людямъ, все же въ этомъ пестромъ, перемѣняющемся ряду и войскъ и лицъ предпочтительнымъ расположеніемъ Екатерины Григорьевны пользовались всегда ея дорогіе друзья—Нижегородцы. Она любила ихъ, какъ свою семью, которую и не умѣла отдѣлить отъ себя. Когда полкъ ушелъ въ Дагестанъ, она издали съ любовью слѣдила за военными успѣхами полка, гордилась ими, плакала отъ радости, когда приходили свѣдѣнія о выдающемся подвигѣ того или другого Нижегородца. Умеръ старикъ Нечволодовъ, окончилась кавказская война, перемѣнилась самая жизнь на Кавказѣ, а Екатерина Григорьевна попрежнему озабоченно слѣдила—если не за битвами, то за смотрами и ученьями, на которыхъ появлялся родной ей полкъ. Одно имя «Нижегородецъ» широко раскрывало и дверь дома, и сердце хозяйки даже тогда, когда она достигла маститой старости. И чувства эти въ ней были совершенно понятны. Для Нижегородскихъ драгунъ Екатерина Григорьевна была послѣдовательно балованною дочерью, потомъ доброю сестрой, съ которою каждый по-братски дѣлилъ горе и радости, потомъ любящею матерью, и наконецъ на многіе годы всепрощающею любимою бабушкой. Молодое поколѣніе Нижегородцевъ, даже ея не знавшее, платило ей тѣмъ не менѣе самымъ сердечнымъ расположеніемъ. О старыхъ Нижегородцахъ нечего и говорить; они такъ душевно уважали Екатерину Григорьевну, что никто изъ нихъ, до какого бы высокаго поста ни дошелъ по службѣ, проѣздомъ черезъ Царскіе Колодцы не забывалъ навѣстить старушку, пока она была жива, и поклониться ея могилѣ, когда ея не стало.

Въ послѣдніе годы Екатерина Григорьевна жила все въ той же собственной усадьбѣ уже согбенною старушкой, но домъ ея, какъ прежде, былъ полонъ гостями. Всѣ любили и уважали эту благородную личность съ ея идеально высокими понятіями о чести офицера, въ которомъ она хотѣла видѣть рыцаря безъ страха и упрека. Военную доблесть она ставила выше всего, и кланялась въ поясъ всякому, даже незнакомому человѣку, если видѣла на немъ георгіевскій крестъ. Драгунскіе полки, по очередно занимавшіе послѣ кавказской войны Царскіе Колодцы, и, наконецъ, Тверцы, основавшіе тамъ свою штабъ-квартиру, равно окружали ее заботами и внимательностью. Никто изъ нихъ не забывалъ поздра-

вить ее 27-го ноября съ Нижегородскимъ праздникомъ, всегда свято чествуемымъ въ ея домѣ на ряду съ дорогими семейными праздниками. Въ этотъ день бабушка принимала поздравленія и получала поздравительныя телеграммы, какъ бы торжество это относилось къ ней лично. Даже драгуны, каждый разъ какъ шли на ученье мимо ея садика, напоминали трубачамъ, что пора порадовать бабушку, и трубачи играли Нижегородскій маршъ, — обычай, какъ-то незамѣтно установившійся во всѣхъ полкахъ, квартировавшихъ на Царскихъ.

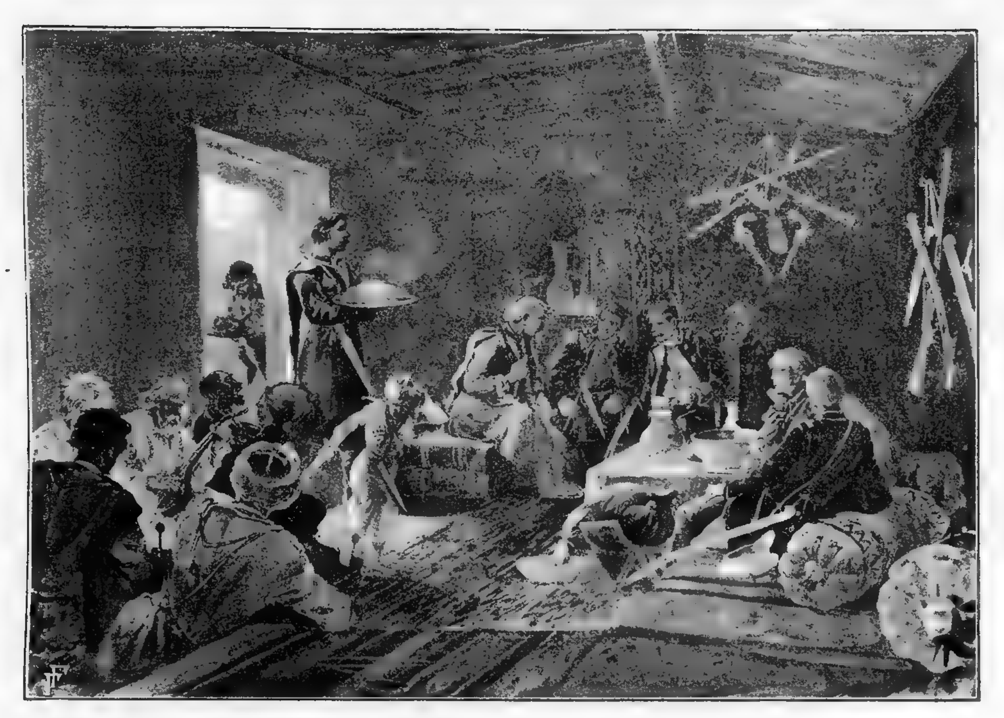
Умерла Екатерина Григорьевна въ 1887 году, не доживъ нѣсколькихъ дней до любимаго полкового праздника. Похоронили ее Тверцы съ трубачами, и положили ее рядомъ съ мужемъ, въ задолго до смерти приготовленной ею самою могилѣ. Уныло смотритъ это печальное кладбище своей полусгнившей оградой, съ кривыми, корявыми отъ старости деревьями. Они такъ же стары, какъ и само кладбище. Двѣ каменныя плиты покрываютъ на погостѣ прахъ Нечволодовыхъ, а кругомъ ихъ — покачнувшіеся кресты, развалившіеся памятники, печальные признаки уже наступающаго забвенія. Пройдутъ годы, сотрутся, можетъ быть, надписи, исчезнутъ даже самыя надгробныя плиты Нечволодовыхъ, но «вѣчная память», пропѣтая надъ ихъ могилами, дѣйствительно останется вѣчною: ее сохранитъ исторія полка для будущаго потомства. И чѣмъ далѣе отодвигаются отъ насъ тридцатые и сороковые года нынѣшняго столѣтія, тѣмъ ярче будетъ выростать въ преданіяхъ Нижегородскаго полка поэтическій образъ Екатерины Григорьевны. Эти преданія—прекрасное наслѣдіе, завѣщанное ему кавказскою войною; и характеристика, сдѣланная Екатеринѣ Григорьевнѣ Розенгеймомъ, есть только слабое выраженіе того, чѣмъ была обязана полковая внутренняя жизнь Нижегородцевъ въ своемъ прекрасномъ развитіи именно этой идеальной женщинѣ, выросшей на той же полковой почвѣ, и столь симпатичной и обаятельной даже въ тѣхъ немногихъ чертахъ, которыя дошли до потомства.

Екатерина Григорьевна имѣла прекрасную память, любила вспоминать старые годы, и ея разсказы были полны наблюдательности, ума и интереса. Это былъ живой памятникъ той исторической эпохи, которая пронеслась у ней передъ глазами, живой архивъ, откуда историкъ могъ бы почерпнуть драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія о многихъ событіяхъ и лицахъ; къ сожалѣнію, это не было сдѣлано во-время, и Екатерина

Григорьевна унесла съ собою въ могилу свои разсказы и воспоминанія.

Блестящіе боевые подвиги полка, заносимые въ лѣтописи, еще не составляютъ исторіи его штандартовъ. Самые подвиги эти—только внѣшнее проявленіе той внутренней силы, которая воспитываетъ среду, дѣлая ее способною къ истиннымъ проявленіямъ героизма. Прослѣдить ростъ и развитіе этой невидимой внутренней силы — вотъ что̀ составляетъ главную и труднѣйшую задачу историка.

Портреты и могилы Нечволодовыхъ.



Въ гостяхъ у грузинскаго князя.

ГЛАВА V.

Нижегородцы въ полку и внѣ полка.

(1836—1842 г.).

Складъ полковой жизни при Безобразовѣ.—Цинондалы и князь Гульбатъ Чавчавадзе.—Обстановка солдатской жизни.—Полковая пѣсня того времени.—Перемѣны въ полковомъ обществѣ.—Представители этого общества внѣ полка.—Двѣ характерныя группы ихъ.—Герои Кавказа: Альбрандтъ, Волковъ, Слѣпцовъ, князь Эристовъ и Колюбакинъ.—Лица, прошедшія черезъ полкъ какъ черезъ искупительную школу: Залѣсскій, Жерве, Лермонтовъ, Столыпинъ и князь Одоевскій.—Значеніе этихъ лицъ для Нижегородскаго полка.

Въ 1836 году, когда полковникъ Безобразовъ прибылъ въ Карагачъ, полковое общество представляло уже крѣпко сплоченную боевую семью, любимымъ центромъ которой служилъ все тотъ же домашній

7

очагъ Нечволодовыхъ. Общій колоритъ этой жизни не измѣнился и при Безобразовѣ, но только самая жизнь приняла болѣе широкій розмахъ, удерживая все тѣ же, въ высокой степени симпатичныя формы.

Въ обстановкѣ внутренняго быта полка, казалось бы, нечему было и мѣняться; но Безобразовъ, ничего не разрушая хорошаго стараго, внесъ въ полковую жизнь много новыхъ и живыхъ элементовъ. Самъ полный энергіи, онъ съумѣлъ передать ее своимъ подчиненнымъ, и жизнь въ полку закипѣла неудержимымъ веселіемъ,—точно съ нея спалъ гнетъ, отъ котораго долгое время она не могла отдѣлаться. Это было то «честное веселіе, которое», какъ выразился одинъ изъ знаменитѣйшихъ кавказскихъ вождей, знатокъ человѣческаго сердца: «радуетъ душу начальника» ([1]). При такомъ бодромъ и веселомъ состояніи духа нѣтъ устали, лишеній и опасностей, которыя не переносились бы шутя и свободно. На Караагачъ легла печать какого-то особаго, словно праздничнаго настроенія. Повидимому, въ обстановкѣ края не произошло никакой перемѣны: тѣ же черныя тучи висѣли надъ Кахетіей, та же вѣчная сторожевая служба и безконечные, даже еще болѣе трудные, чѣмъ прежде, горные походы, а между тѣмъ досуга у всѣхъ было много, и въ Караагачъ стала съѣзжаться чуть не половина Тифлиса: домашніе спектакли, танцы, пикники, охота съ борзыми собаками и ястребами смѣнялись военными забавами: джигитовкой, маневрами, примѣрными штурмами,—и все это заканчивалось гомерическими пиршествами, на которыя торжественно выносились старинныя полковыя литавры—даръ полковника Панина, и въ нихъ, какъ въ огромныхъ серебряныхъ чашахъ, готовилась полковая жжонка ([2]).

Опять начались и забытыя поѣздки къ грузинскимъ князьямъ, на которыя Безобразовъ смотрѣлъ не только какъ на развлеченіе, но видѣлъ въ нихъ средство къ изученію быта, обстановки и мѣстныхъ условій края. Въ этихъ поѣздкахъ играли теперь главную роль Цинондалы, гдѣ жилъ тогда знаменитый князь Гульбатъ Чавчавадзе, одинъ изъ тѣхъ старыхъ типовъ, которые своими могучими и характерными фигурами такъ и просятся на полотно художника. Гульбатъ жилъ по старинѣ самой глубокой, но три младшіе брата его—Язонъ, Спиридонъ и Димитрій, герои паскевичевскихъ войнъ, служили въ Нижегородскомъ полку, и въ тотъ же полкъ поступилъ впослѣдствіи родной его сынъ, князь Захарій, стяжавшій имя витязя Кавказской войны. Съ Цинондалами у Нижего-

родцевъ была такимъ образомъ кровная связь, и они были всегда желанными гостями Гульбата.

Хорошо жилось тогда въ Караагачѣ не только офицерамъ, но и всѣмъ нижнимъ чинамъ, свободно дышавшимъ въ своей полковой атмосферѣ. Домъ полкового командира, какъ домъ настоящаго русскаго барина, стоялъ съ открытыми дверями съ утра до поздняго вечера, и послѣдній драгунъ безъ страха переступалъ его порогъ, чтобы высказать отцу-командиру всѣ свои нужды. Солдатъ былъ излюбленнымъ, балованнымъ дѣтищемъ Безобразова: внѣ службы его не стѣсняли ничѣмъ, и каждая свободная минута всецѣло принадлежала ему. Вотъ почему Караагачъ отъ утренней до вечерней зари оглашался пѣснями и звономъ тарелокъ и бубенъ. Памятникомъ этого времени осталась одна, быть можетъ мало искусная, но за то глубоко искренняя и характерная полковая пѣсня, которая дорога, какъ отголосокъ дошедшей до насъ старины:

Нижегородскій полкъ лихой
    Въ полѣ разъѣзжаетъ,
Каждый всадникъ удалой
    Страхъ врагамъ внушаетъ.

Вотъ труба трубитъ порой—
    Слышитъ врагъ, боится,
Мчится эскадронъ лихой—
    Все предъ нимъ валится.

Нижегородскіе драгуны
    Жаждутъ отличиться:
«Маршъ-маршъ!»—летятъ; «Слѣзай!»—стоятъ—
    То надобно дивиться:

И штыкъ примкнутъ, и сталъ во фрунтъ,
    Ружье на изготовкѣ,
Какъ на коняхъ, такъ и пѣшкомъ,
    Они смѣлы и ловки.

Нижегородскіе драгуны
    Бой кровавый любятъ:
Коня убьютъ,—ружье берутъ,
    И съ нимъ врага загубятъ.

Нижегородскіе драгуны
    Удалые хваты,

Рубить, стрѣлять, на штыкъ сажать
Вотъ дѣло ихней братьи.

А послѣ схватки боевой
Пьютъ и веселятся,
Величаютъ полкъ родной,
Рады постараться.

Нижегородскіе драгуны
Духанъ Егорки любятъ,
Ружье складутъ, къ нему идутъ,
И тамъ себя не губятъ:

За здоровье пьютъ царя,
Чарка кругомъ ходитъ,
И лишь вечерняя заря
Въ казармы ихъ прогонитъ.

Со стороны, пожалуй, могло показаться, что въ полку все идетъ вверхъ дномъ, но всѣ знали, что нигдѣ не было такой строгой, разумной дисциплины, какъ у Безобразова,—и въ одинъ годъ его командованія сдѣлано было то, чего не могли достигнуть его предшественники въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Пиры, охоты, экспедиціи, кровавыя встрѣчи съ врагомъ шли своимъ чередомъ, а на ряду съ этимъ, охваченная все тѣмъ же общимъ настроеніемъ шла и другая, никому не бросавшаяся въ глаза работа по организаціи полкового хозяйства, по улучшенію быта и по самообразованію.

При Безобразовѣ мало уже оставалось старыхъ офицеровъ, и ему приходилось самому создавать себѣ сотрудниковъ. Еще до него выбыли изъ полка два георгіевскіе кавалера, Казасси и Гринфельдтъ, назначенные штабъ-офицерами въ корпусъ жандармовъ; взамѣнъ ихъ, правда, тогда же поступили двое, тоже георгіевскіе кавалеры: Левковичъ, перешедшій изъ конно-гренадеръ обратно въ Нижегородскій полкъ подполковникомъ, и князь Давидъ Осиповичъ Бебутовъ (*), но оба они оставались не долго: Левковичъ получилъ одинъ изъ Черноморскихъ линейныхъ батальоновъ, а Бебутовъ, командовавшій 1-мъ эскадрономъ, назначенъ былъ командиромъ конно-мусульманскаго полка, формировавшагося въ Варшавѣ при главной квартирѣ Паскевича. Съ этимъ полкомъ князь Бебутовъ составилъ себѣ вно-

(*) Бебутовъ получилъ георгіевскій крестъ внѣ полка, будучи командированъ въ Дагестанъ, гдѣ участвовалъ въ извѣстномъ бою подъ Чумкесентомъ.

слѣдствіи историческое имя, заслуживъ въ Венгерскую войну Георгія на шею. Онъ умеръ уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ варшавскимъ комендантомъ.

Выбывали изъ полка постепенно и другіе участники паскевичевскихъ войскъ: Эссенъ вышелъ въ отставку, князь Романъ Чавчавадзе пошелъ служить по народному управленію, Марковъ назначенъ полиціймейстеромъ въ Тифлисъ, Баратовъ принялъ 14-й грузинскій линейный батальонъ, князь Спиридонъ Чавчавадзе получилъ грузинскую дружину, а въ 1840 году оставилъ службу, наконецъ, и патріархъ полка Григорій Ивановичъ Нечволодовъ, рѣшившій скоротать свой вѣкъ все въ тѣхъ же Царскихъ Колодцахъ. Изъ офицеровъ, представителей эпохи двадцатыхъ годовъ, только и оставались, что Чеботкевичъ, да Язонъ Чавчавадзе. Менѣе и менѣе становилось въ полку старыхъ Нижегородцевъ; но тѣмъ и хорошъ былъ полкъ, что старыя преданія его не уходили со старыми людьми, что, независимо отъ отдѣльныхъ личностей, въ немъ самомъ, въ самомъ его имени, жилъ тотъ могучій духъ, хранитель полковыхъ традицій, который ручался за его неумирающую будущность.

Но между тѣмъ, какъ около центра, образуемаго въ теченіе долгихъ лѣтъ почтеннымъ домомъ Нечволодовыхъ, группировалось все, что жило въ Караагачѣ, черезъ полкъ въ тѣ же именно годы прошелъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ личностей, которыя никогда не были въ Караагачѣ, но которые носили нижегородскій мундиръ, и потому были близки и дороги каждому Нижегородцу. Это были люди особенные, люди, которые тяготились покоемъ, для которыхъ караагачская служба была все еще слишкомъ тѣсною рамкой. И они, какъ блестящіе метеоры, носились изъ конца въ конецъ по цѣлому Кавказу. На этомъ фонѣ ярче другихъ выдѣляется нѣсколько именъ, пользующихся общею извѣстностью.

Во главѣ ихъ по времени поступленія въ полкъ стоитъ Альбрандтъ, съ интересною кипучею дѣятельностью котораго въ Персіи мы еще познакомимъ нашихъ читателей. Почти одновременно съ нимъ, въ томъ же 1837 году, въ Нижегородскій полкъ поступилъ и Петръ Аполлоновичъ Волковъ, оставившій послѣ себя крупные слѣды на Кавказѣ не только въ исторіи войны, но и въ исторіи его колонизаціи.

Богатый ярославскій помѣщикъ, студентъ московскаго университета, онъ перешелъ въ Нижегородскій полкъ изъ штабсъ-ротмистровъ Изюмскаго гусарскаго полка и началъ кавказскую службу на правомъ флангѣ,

подъ командою храбраго Засса. Тамъ, въ постоянныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, онъ и выработалъ въ себѣ тѣ военныя качества, которыя въ чинѣ капитана доставили ему командованіе казачьимъ полкомъ, формировавшимся тогда на передовой Лабинской линіи. Въ этотъ полкъ высылались самые безпокойные и буйные люди не только со всѣхъ линейныхъ станицъ, но даже изъ солдатъ и крестьянъ Ставропольской губерніи. Здѣсь были сектанты, пропагандисты, люди, которымъ все равно угрожала каторга, и Волкову надо было много усилій, чтобы слить во-едино, устроить и держать въ границахъ всю эту разнохарактерную массу, въ которой гнѣздилось такъ много непохвальныхъ инстинктовъ. И тѣмъ не менѣе, постоянныя тревоги и схватки съ непріятелемъ выработали изъ этой среды воинственно-удалое, стойкое и храброе населеніе, извѣстное въ кавказской войнѣ подъ именемъ Лабинскаго казачьяго полка.

Много славныхъ подвиговъ совершилъ Волковъ со своими лабинцами, отстаивая вновь водворяемыя имъ станицы. Богатырь по виду, самъ храбрый рубака, отличный стрѣлокъ и наѣздникъ, онъ обладалъ одною изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя берутъ, какъ дань, общую любовь и уваженіе. Это былъ человѣкъ желѣзнаго закала, не знавшій, что такое страхъ, болѣзнь и утомленіе. «Ну, расходился нашъ волкъ— теперь не скоро уймется», говорили про него лабинцы, когда онъ начиналъ водить ихъ отъ одного набѣга къ другому ([3]). Впослѣдствіи, уже въ чинѣ генерала, онъ былъ инспекторомъ линейныхъ батальоновъ, и Нижегородскій полкъ на Сулакѣ подчинялся ему, какъ своему бригадному командиру.

За Волковымъ слѣдуетъ Николай Павловичъ Слѣпцовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ героевъ русскаго Кавказа. Его жизнь и дѣянія хотя въ короткихъ словахъ должны найти себѣ мѣсто на страницахъ полковой исторіи уже для того, чтобы сохранить это завѣтное имя позднѣйшимъ поколѣніямъ, которыя неумолимое время отодвигаетъ все дальше и дальше отъ преданій стараго боевого Кавказа.

Слѣпцовъ началъ свое образованіе въ Демидовскомъ лицеѣ и кончилъ его въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ былъ однокашникомъ Лермонтова. Товарищи его по школѣ говорятъ, что это былъ юноша скромный, но впечатлительный, нервный, и сильно одаренный воображеніемъ, которое безспорно имѣло огромное вліяніе на развитіе въ

немъ тѣхъ рыцарскихъ свойствъ, которыя служили впослѣдствіи путеводною звѣздою его жизни.

Изъ школы онъ вышелъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, но съ небольшимъ черезъ годъ перешелъ въ штабъ командующаго войсками на Кавказской линіи и былъ переведенъ въ Нижегородскій полкъ штабсъ-капитаномъ. Петербургская служба не соотвѣтствовала его природнымъ наклонностямъ. Еще будучи 16-лѣтнимъ юношей, онъ писалъ къ своему отцу, что очарованъ истиннымъ назначеніемъ военнаго званія, и что всѣ его желанія и думы стремятся только къ тому, чтобы быть достойнымъ этого высокаго и славнаго поприща. Сдержалъ ли свое слово юноша—это лучше всѣхъ зналъ 80-ти-лѣтній старикъ отецъ его, доживщій до той поры, когда слава дѣлъ Николая Павловича загремѣла по Сунжѣ.

Преобладающимъ военнымъ качествомъ въ Слѣпцовѣ была отвага безоглядная. Не было преграды, которая остановила бы его, опасности, которой онъ устрашился бы, предпріятія военнаго, которое онъ счелъ бы невыполнимымъ. Вотъ эти-то качества выдвинули его изъ ряда сверстниковъ, и 19-го января 1845 года, вмѣстѣ съ производствомъ въ маіоры, онъ былъ назначенъ командиромъ Сунженскаго казачьяго полка, только что водворявшагося тогда на передовой линіи, которую нужно было формировать, устроить, и потомъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать отъ непріятеля. Сунженскій полкъ и Сунженская линія были созданы имъ,—и созданы посреди ежедневныхъ безпрерывныхъ тревогъ и нападеній. Было бы долго перечислять всѣ боевые подвиги Слѣпцова; довольно сказать, что въ шесть лѣтъ со времени основанія Сунженскаго полка, Слѣпцовъ очистилъ всю плоскость Малой Чечни и покорилъ Галашевцевъ и Карабулаковъ, отнявъ у врага и самыя плодоносныя земли, и лучшій его боевой элементъ. Научившись бояться, горцы стали уважать Слѣпцова, цѣнили его рыцарскія качества и славили имя его въ своихъ воинственныхъ пѣсняхъ.

«Знали всѣ горы—говоритъ одна изъ нихъ:—сильный и слабый, богатый и бѣдный,—знали безстрашную удаль Слѣпцова и гостепріимную сѣнь его крова.

«Знали его почтенный народъ кабардинцы, и дальные жители горъ, тавлинцы; знали и мы, чеченцы, сосѣди его,—знали и любили врага своего.

«Слава его высока и свѣтла, какъ вершина Казбека, а грудь полна боевой отваги, какъ грудь могучаго льва».

Но если къ Слѣпцову такъ относились враги, то что же сказать про нашихъ линейныхъ казаковъ, для которыхъ онъ былъ не только полковымъ командиромъ, но любящимъ, нѣжнымъ отцомъ, одинаково близко принимавшимъ къ сердцу всѣ нужды, горе и радости казачьей жизни. Въ старые годы Нижегородцы любили пѣвать одну изъ сунженскихъ пѣсенъ:

Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой,
Изъ набѣга удалого
Ѣдутъ Сунженцы домой.

Много плѣна и добычи
Ими взято у враговъ,
Ихъ вождемъ былъ храбрый воинъ
Генералъ-маіоръ Слѣпцовъ...

Но эта картина—только одна сторона медали; другая—полна печали и скорби. Съ воплемъ укора и отчаянія бросаются на встрѣчу къ побѣдителю жены и дѣти убитыхъ. Слѣпцовъ отдаетъ имъ свои послѣднія деньги, назначаетъ семьямъ погибшихъ казаковъ по сту, по полтараста, по двѣсти рублей ежегодной пенсіи изъ собственнаго жалованья,—обезпечиваетъ ихъ будущность. Такимъ благороднымъ образомъ онъ прожилъ все свое состояніе, и когда былъ убитъ, въ домѣ не нашлось серебрянаго гривенника на его похороны. Вотъ почему Сунженцы создали о немъ цѣлый циклъ особыхъ героическихъ пѣсенъ, давно уже ставшихъ народными, и извѣстныхъ донынѣ подъ именемъ «Слѣпцовскихъ». Одна изъ этихъ пѣсенъ, заунывная и трогательная въ своихъ выраженіяхъ, разсказываетъ дѣло въ Гехинскомъ лѣсу, бывшее 10-го декабря 1851 г., и геройскую смерть въ немъ молодого генерала, пораженнаго пулей въ грудь изъ-за завала. Роковая вѣсть быстро разнеслась по Сунжѣ, и со всѣхъ сторонъ, старые и малые, потянулись въ станицу Сунженскую. Даже слѣпыхъ взяли съ собою. Три дня стояло тѣло Слѣпцова въ сунженской церкви, и трое сутокъ, день и ночь, народъ не отходилъ отъ покойнаго, рыдалъ надъ нимъ, цѣловалъ его руки. Матери говорили маленькимъ дѣтямъ: «Смотрите, вотъ кто былъ отцомъ и защитникомъ нашимъ»—и клали грудныхъ младенцевъ въ гробъ. «Если бы онъ могъ воскреснуть хоть на одну минуту», сказалъ одинъ старый казакъ, «онъ

увидѣлъ бы тогда, какъ его любили. Никогда еще наша Сунжа не разливалась такъ,—столько слезъ было пролито на ея берегахъ».

Императоръ Николай Павловичъ, желая, чтобы память о Слѣпцовѣ навсегда сохранилась въ рядахъ доблестнаго линейнаго казачества, повелѣлъ станицу Сунженскую именовать на вѣчныя времена «Слѣпцовскою», и поставить въ ней памятникъ. Этотъ памятникъ, воздвигнутый на старомъ казачьемъ кладбищѣ, среди почившихъ вмѣстѣ съ Слѣпцовымъ его боевыхъ соратниковъ, представляетъ собою огромный осколокъ натуральной скалы, положенной на пьедесталъ и увѣнчанной золоченымъ крестомъ. Въ скалу врѣзана грифельная доска, и на ней золотыми буквами надпись: «Николай Слѣпцовъ» ([4]).

Почти одновременно съ Слѣпцовымъ появляется въ полку князь Георгій Романовичъ Эристовъ, перешедшій изъ ротмистровъ Ахтырскаго гусарскаго полка капитаномъ. Эристовъ началъ службу юнкеромъ въ гвардейскихъ гусарахъ, и въ знаменитой атакѣ полка подъ Варшавой получилъ солдатскій георгіевскій крестъ. По окончаніи войны онъ вернулся въ Грузію, и здѣсь-то застали его роковыя событія, пронесшіяся надъ Тифлисомъ въ 1833 году. Эти событія увлекли его въ свой коловоротъ, и перекинули на крайній сѣверъ, въ далекій и пустынный Архангельскъ, гдѣ онъ вынужденъ былъ влачить печальную жизнь гарнизоннаго офицера. Только черезъ два года удалось ему перейти въ Россію, а оттуда въ Нижегородскій полкъ. Впослѣдствіи онъ командовалъ въ Екатериноградѣ Горскимъ казачьимъ полкомъ, и, послѣ смерти Круковского, былъ послѣднимъ боевымъ атаманомъ линейнаго Кавказскаго казачьяго войска ([5]).

Нельзя не замѣтить здѣсь, что изъ рядовъ Нижегородскаго полка не мало вышло тогда людей, честно и доблестно послужившихъ линейному казачеству. Довольно назвать имена Ефимовича, Васмунда, Дадымова, Верзилина, Засса, Волкова, Слѣпцова, Эристова, а потомъ Товбича, Петрова, князя Чавчавадзе (Спиридона) и наконецъ Круковскаго, чтобы понять ту крѣпкую нравственную связь, которая образовалась въ былое время войны между Нижегородскимъ полкомъ и линейнымъ казачествомъ. Изъ четырехъ наказныхъ атамановъ этого войска—трое были Нижегородцы.

Затѣмъ наши воспоминанія должны перейти на другихъ лицъ, прошедшихъ черезъ полкъ, какъ черезъ искупительную школу за свои шалости, ошибки, проступки и заблужденія, такъ или иначе омрачавшіе

ихъ служебную репутацію. Въ числѣ этихъ лицъ были люди замѣчательные. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Колюбакинъ, достигли высокаго служебнаго положенія, другіе, какъ Лермонтовъ, заняли почетнѣйшее мѣсто въ русской литературѣ; были и такіе, которыхъ имена не сдѣлались достояніемъ исторіи, какъ имена Залѣсскаго, Жерве и другихъ, но которые тѣмъ не менѣе прошли не безслѣдно въ той скромной сферѣ дѣятельности, которая отведена была имъ судьбою.

Ранѣе другихъ поступилъ въ полкъ прапорщикъ Залѣсскій, переведенный тѣмъ же чиномъ изъ конно-гренадерскаго полка за дуэль, на которой убилъ товарища. Залѣсскій былъ однимъ изъ выдающихся кавалерійскихъ офицеровъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе еще во время польской войны, когда въ знаменитой атакѣ гвардейскихъ драгунъ подъ Варшавою получилъ три сабельныя раны въ голову, и въ чинѣ прапорщика былъ награжденъ владимірскимъ крестомъ—отличіе, считавшееся въ то время не частымъ. Дуэль пріостановила его карьеру, и едва не имѣла роковыхъ послѣдствій, такъ какъ судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Интересно прослѣдить по его формуляру, какъ это суровое наказаніе смягчалось по мѣрѣ того, какъ приговоръ шелъ по восходящимъ инстанціямъ, и наконецъ понизился до простого разжалованія въ солдаты. Императоръ Николай Павловичъ отмѣнилъ и этотъ приговоръ, написавъ собственноручно: «отправить на Кавказъ тѣмъ же чиномъ». Такимъ образомъ Залѣсскій очутился въ Нижегородскомъ полку, и былъ командированъ на Кубань и берега Чернаго моря, гдѣ шли безпрерывныя экспедиціи. Въ боевомъ дѣлѣ онъ не былъ новичкомъ, и черезъ три года перешелъ обратно въ конно-гренадеры, но уже поручикомъ, т. е. тѣмъ чиномъ, который онъ заслужилъ въ бояхъ ([6]).

Черезъ годъ послѣ Залѣсскаго въ полкъ переведенъ поручикъ Жерве—кавалергардъ, высланный изъ Петербурга за разныя «шалости», продѣланныя имъ въ Новой Деревнѣ, гдѣ послѣ лагеря стоялъ Кавалергардскій полкъ и жило много дачницъ. Веселая компанія молодежи то пробиралась ночью въ палисадникъ хорошенькой дачки, занимаемой одною извѣстною тогда итальянскою пѣвицею, и, снявъ осторожно ставни, любовалась ночнымъ туалетомъ красавицы, то устраивала засады въ женскихъ купальняхъ, то врывалась черезъ окошко въ спальню какой-нибудь молоденькой дамы и затѣмъ учтиво извинялась ошибкой, полагая, что здѣсь живетъ ихъ товарищъ. Подобныя шалости сходили въ то время зачастую безъ осо-

Кн. Георгій Эристовъ.
Зассъ.
Могила Слѣпцова.
Слѣпцовъ.

быхъ послѣдствій; но на этотъ разъ кто-то довелъ о нихъ до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича; тотъ доложилъ государю, и дѣло разыгралось для нашихъ повѣсъ совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Однажды ночью ихъ всѣхъ потребовали въ ордонансгаузъ, и когда они явились, комендантъ, безъ дальнихъ объясненій, посадилъ ихъ на почтовыя телѣжки вмѣстѣ съ фельдъегерями, и борзыя тройки умчали ихъ изъ Петербурга. Жерве разсказывалъ, что онъ не зналъ, куда его везутъ, потому что угрюмый фельдъегерь цѣлыя двѣ недѣли молчалъ, какъ нѣмой. Проскакали Воронежъ, Ставрополь, Владикавказъ, перенеслись черезъ кавказскія горы, даже въ Тифлисѣ остановились только на одинъ моментъ, чтобы расписаться на заставѣ, и, наконецъ, очутились въ Караагачѣ, гдѣ фельдъегерь сдалъ измученнаго и отощавшаго до нельзя Жерве подъ росписку полкового командира (7). Жерве остался въ Караагачѣ, гдѣ, какъ нарочно, на ту пору не было военныхъ дѣйствій, а слѣдовательно и случаевъ къ отличіямъ. Его выручило особое обстоятельство—блистательный смотръ Нижегородскаго полка, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ иномъ совершенно родѣ является передъ нами характерный, въ высшей степени типичный Николай Петровичъ Колюбакинъ, личность котораго, также какъ вся жизнь и служба его на Кавказѣ, носитъ на себѣ, болѣе чѣмъ у кого-либо, неизгладимую печать этого удивительнаго времени, полнаго поэзіи и мысли, полнаго событій ожесточенной войны и вмѣстѣ особой порядочности и сердечности въ личныхъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Воспитанникъ Царскосельскаго лицея, съ рѣдко выдающимся всестороннимъ образованіемъ, человѣкъ интеллигенціи, и человѣкъ вполнѣ свѣтскій въ лучшемъ значеніи этого слова, Николай Петровичъ явился въ Нижегородскій полкъ въ 1835 году рядовымъ, разжалованнымъ изъ поручиковъ Оренбургскаго уланскаго полка за дерзость противъ полкового командира. Изъ Нижегородскаго полка онъ былъ командированъ на правый флангъ, гдѣ его блестящая храбрость, обширный умъ, образованіе и быстрое изученіе края, быта и нравовъ туземцевъ открыли ему широкую дорогу и сдѣлали его однимъ изъ выдающихся и наиболѣе популярныхъ дѣятелей на Кавказѣ.

Въ 1837 году онъ былъ вторично произведенъ въ офицеры въ Нижегородскій же полкъ, а черезъ 15 лѣтъ мы уже видимъ его занимающимъ постъ кутаисскаго губернатора; потомъ онъ управлялъ Мингре-

ліей, затѣмъ Эриванской губерніей, гдѣ туземцы называли его великимъ сердаремъ, и наконецъ достигъ высокаго званія кутаисскаго генералъ-губернатора. На послѣднемъ посту онъ оставилъ по себѣ въ краѣ память, которая не изгладится еще долгое время.

Вездѣ, гдѣ появлялся Колюбакинъ, онъ вносилъ съ собою неподкупную честность, неутомимое преслѣдованіе лихоимства, взятокъ и всяческихъ несправедливостей. Бѣшеною вспыльчивостью своего характера, три раза доводившей его до дуэлей, онъ былъ извѣстенъ даже самому императору Николаю Павловичу, который называлъ его «немирнымъ Колюбакинымъ», въ отличіе отъ брата его Михаила Петровича, называвшагося «мирнымъ». Но какъ ни были ужасны вспышки его гнѣва, ему прощались всѣ его чудачества и выходки за его высокую прямоту, сердечность, русское добродушіе и готовность искупить свою вину передъ каждымъ. Кавказъ до сихъ поръ полонъ анекдотами о Николаѣ Петровичѣ, которыми смѣло можно бы было наполнить цѣлый томъ ([8]).

Лучшею характеристикою этого замѣчательнаго человѣка служитъ собственное письмо его къ одному изъ старыхъ товарищей по полку ([9]):

«Любезнѣйшій старый и ратный товарищъ», пишетъ ему Николай Петровичъ, будучи уже эриванскимъ военнымъ губернаторомъ: «Пришлось мнѣ жить бокъ-о-бокъ съ бусурманскимъ царемъ Насрэдинъ-шахомъ. Что за собака! (будь сказано въ скобкахъ). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его съ нами границы, ревизуя губернію, получилъ я твое письмо изъ православной тверской земли. Тутъ, въ виду историческихъ широкихъ полей, по коимъ въ колесницѣ изъ слоновой кости летала Семирамида, по коимъ ходилъ Александръ Великій, и скакалъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, въ виду библейскаго Арарата, почернѣвшихъ храмовъ Эчміадзина —Рима армянскаго, и увѣнчаннаго золотымъ полумѣсяцемъ глазуреваго купола мечети Эриванской, возобновились отношенія двухъ старыхъ товарищей, раздѣленныхъ четвертью вѣка и шестою частью вселенной.

«Спасибо, братъ, за письмо: отъ него повѣяло и родиной и юностью—двѣ хорошія вещи. Но не спасибо за формы, въ которыя ты облекъ свои дружескія воспоминанія; не спасибо за твое «ваше превосходительство» и «покорнѣйшій слуга». Человѣкъ, который, подобно мнѣ, не сгибаясь и не чванясь, дошелъ отъ солдатской шинели до генеральства, привыкъ болѣе разсчитывать на свои достоинства внутреннія, Богомъ данныя, чѣмъ на внѣшнія, случайныя, людьми данныя,—такому человѣку

генеральскіе эполеты могли подавить плечи, но не душу. Итакъ, старый товарищъ, *если ты только*, въ чемъ не сомнѣваюсь, хорошій человѣкъ, хорошій помѣщикъ, честный опекунъ, если ты не притѣсняешь крестьянъ, не обижаешь сиротъ,—то давай по-старому. О себѣ разсказывать скучно; скажу коротко и ясно.

Шесть ранъ, изъ коихъ одна въ польской кампаніи, и пять на Кавказѣ: двѣ холоднымъ, четыре огнестрѣльнымъ оружіемъ; съ 1851 г. занимаю полувоенныя, полуадминистративныя генеральскія мѣста. И съ тѣхъ поръ разновременно, въ различныхъ мѣстахъ Закавказья, то на берегу моря, то въ горахъ, то на спаленныхъ зноемъ долинахъ прошло черезъ мое управленіе безъ малаго милліонъ разноплеменныхъ жителей. Бывали всякіе: православные, армяне, мусульмане и раскольники; наконецъ, теперь, въ числѣ прочихъ, попались съ одной стороны изъ глубины Азіи Курдское племя Изиды, поклоняющіеся сатанѣ, а съ другой—изъ православной матушки Россіи раскольники, называемые прыгунами. Можно сказать—всякіе попадались.

«Я слыву человѣкомъ способнымъ, справедливымъ, дѣловымъ, но вспыльчивымъ и неуживчивымъ. Неуживчивымъ же называютъ у насъ, не знаю какъ у васъ, человѣка, который ради частныхъ отношеній, ради дружбы или свѣтскаго знакомства не жертвуетъ общественными интересами. Воюю съ взяточниками и истребляю ихъ, какъ собака зайцевъ; куда являюсь, оттуда они исчезаютъ, какъ птицы ночныя передъ восходомъ солнца. У меня есть враги, но есть и хорошіе друзья; пользуюсь нѣкоторою популярностью»...

Въ этомъ письмѣ—весь Колюбакинъ. 28 лѣтъ прослужилъ онъ на Кавказѣ, потомъ былъ сенаторомъ, и умеръ въ 1868 году въ Москвѣ, окруженный общимъ почетомъ и любовью самыхъ разнообразныхъ кружковъ московскаго общества.

Памятенъ 1837 годъ въ жизни Нижегородскаго полка и кратковременнымъ пребываніемъ въ немъ Михаила Юрьевича Лермонтова, высланнаго тогда на Кавказъ изъ лейбъ-гусаръ за извѣстное стихотвореніе «На смерть поэта». Высочайшій приказъ состоялся 27-го февраля 1837 года, и Лермонтовъ, смѣнивъ блестящій, расшитый золотомъ ментикъ на боевую куртку Нижегородскаго полка, выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ со Столыпинымъ. По пути онъ заѣхалъ, однако, въ Пятигорскъ и пробылъ на водахъ до августа мѣсяца. Природа Кавказа, которую онъ видѣлъ въ

дѣтствѣ, не потеряла надъ нимъ и теперь своего чарующаго обаянія. «У меня здѣсь хорошее помѣщеніе», пишетъ онъ изъ Пятигорска: «каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ; вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы заглянуть на этихъ великановъ: они прекрасны и величественны»...

Разсчитывая попасть еще въ осеннюю экспедицію, готовившуюся на берегу Чернаго моря, онъ выхлопоталъ себѣ прикомандированіе къ дѣйствующему отряду; но военныхъ дѣйствій во все это время не было. Ожидали пріѣзда государя, и экспедиціи были на время пріостановлены. Тѣмъ не менѣе Вельяминовъ назначилъ его въ одинъ изъ Черноморскихъ казачьихъ полковъ, которые для встрѣчи государя собирались въ Анапѣ. Но, кажется, Лермонтовъ не попалъ и въ Анапу. По крайней мѣрѣ изъ писемъ его видно, что онъ воспользовался этимъ временемъ для своихъ поѣздокъ по краю. «Съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи», писалъ онъ къ одному изъ товарищей: «повѣришь ли, я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ Линію всю вдоль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское... Здѣсь, кромѣ войны, службы нѣту; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно, ибо государь нынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два-три выстрѣла; эа то два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался: разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы, я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесъ, (мирный разумѣется),—и чуть не попались шайкѣ лезгинъ. Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ... Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собой порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи какъ на блюдечкѣ, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ—бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь. Началъ учиться по-татарски,—языкъ, который здѣсь, и вообще въ Азіи, необходимъ, какъ французскій въ Европѣ».

«Ссылка Лермонтова на Кавказъ», говоритъ Ар. Ив. Введенскій, которому русская публика обязана прекраснымъ изданіемъ его сочиненій,— «имѣла серьезнѣйшее вліяніе на его литературное призваніе... Кавказъ съ своей стороны далъ ему еще разъ такія впечатлѣнія, которыя легли въ основаніе ряда превосходнѣйшихъ произведеній»... Демонъ, Мцыри, Печоринъ — все это получило именно здѣсь законченныя, опредѣленныя, высоко художественныя формы ([10]).

Есть нѣкоторыя основанія думать, что царскій смотръ Нижегородскаго полка имѣлъ косвенное вліяніе и на судьбу нашего поэта: по крайней мѣрѣ нельзя не обратить вниманія на то совпаденіе обстоятельствъ, что 10-го октября былъ смотръ, а 11-го послѣдовалъ высочайшій приказъ о переводѣ изъ Нижегородскаго полка двухъ офицеровъ обратно въ гвардію: Лермонтова въ Гродненскіе гусары, и Жерве въ драгуны.

Черезъ три года послѣ этого Лермонтовъ, какъ извѣстно, опять переведенъ былъ на Кавказъ, но уже въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, въ мундирѣ котораго и былъ опущенъ въ землю на Пятигорскомъ кладбищѣ.

Отъ Лермонтова мы перейдемъ къ Алексѣю Аркадьевичу Столыпину, другу и родственнику поэта, который воспѣлъ его въ извѣстномъ шуточномъ стихотвореніи Монго такъ мѣтко, что это названіе осталось за нимъ на всю жизнь. Странная судьба связывала эти двѣ личности. Въ школѣ и потомъ въ гусарскомъ полку они были друзьями. Когда Лермонтовъ былъ сосланъ на Кавказъ въ 1837 году, Столыпинъ поѣхалъ туда же въ числѣ офицеровъ, командируемыхъ изъ гвардіи для участвованія въ экспедиціяхъ противъ горцевъ; потомъ онъ вышелъ въ отставку, и во время дуэли Лермонтова съ Барантомъ былъ у него секундантомъ. Это сдѣлало новый переворотъ въ его жизни. На приговорѣ военнаго суда императоръ Николай Павловичъ положилъ резолюцію: «отставного поручика Столыпина освободить отъ отвѣтственности, объявивъ ему, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть праздными». Столыпинъ тотчасъ поступилъ въ Нижегородскій полкъ капитаномъ и, такимъ образомъ, поѣхалъ на Кавказъ опять вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, отправлявшимся туда же вторично. Здѣсь онъ имѣлъ несчастіе лишиться друга и вскорѣ, въ 1842 году, окончательно оставилъ службу.

Столыпинъ принадлежалъ къ высшему петербургскому обществу, гдѣ игралъ не послѣдною роль по своей красотѣ, ловкости и остроумію. Онъ былъ—говоритъ про него одинъ изъ современниковъ:—одинаково хорошъ

и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подъ барашковымъ кивером Нижегородскаго драгуна, и въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполнѣ, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Назвать Столыпина—значило выразить понятіе о воплощенной чести, благородствѣ, безграничной добротѣ, великодушіи и беззавѣтной готовности на услугу словомъ и дѣломъ (11).

Былъ въ полку и другой поэтъ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, поступившій въ полкъ рядовымъ въ одинъ годъ съ Лермонтовымъ. Онъ былъ еще юношей, корнетомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, когда роковоя буря 14-го декабря смяла и забросила его въ Читу, гдѣ рудники смѣнились для него вѣчнымъ поселеніемъ въ Ишимѣ. Разсказываютъ, что поэтическому таланту Одоевскій только и былъ обязанъ значительнымъ облегченіемъ своей участи, такъ какъ императоръ Николай разрѣшилъ перевесть его изъ Ишима рядовымъ въ Нижегородскій полкъ. На Кавказъ Одоевскій прибылъ въ сентябрѣ 1837 года и былъ назначенъ въ отрядъ на восточный берегъ Чернаго моря. Тамъ, какъ надо полагать, онъ и встрѣтился съ Лермонтовымъ, посвятившимъ памяти его одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній.

Я зналъ его; мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно...

Два года безпрерывныхъ походовъ доставили Одоевскому унтеръ-офицерскіе галуны; но офицерскаго чина ему не суждено было дождаться: въ экспедицію 1839 года, когда строили Лазаревскій фортъ, онъ заболѣлъ желтою горячкой и 12-го августа скончался въ лагерѣ. Всѣ офицеры отряда, говоритъ очевидецъ, явились на его похороны, и на своихъ рукахъ опустили гробъ его въ одинокую могилу, вырытую на берегу Чернаго моря (12).

И вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ,
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая.

Такова заключительная строфа извѣстнаго стихотворенія Лермонтова: «Памяти Одоевскаго».

Этотъ длинный рядъ лицъ, прошедшихъ въ то время черезъ Нижегородскій полкъ, закончимъ разсказомъ о капитанѣ Шеміотѣ, переведенномъ въ 1840 году по особому высочайшему повелѣнію изъ поручиковъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Шеміотъ былъ адъютантомъ у Карла Ивановича Бистрома, командовавшаго въ тридцатыхъ годахъ всею гвардейскою пѣхотой, и послѣ его кончины назначенъ флигель-адъютантомъ. По тогдашнимъ обычаямъ, при рекрутскихъ наборахъ всегда присутствовалъ одинъ изъ флигель-адъютантовъ, и Шеміотъ былъ посланъ въ Архангельскъ, гдѣ появленіе блестящаго молодого человѣка не могло не произвести извѣстной сенсаціи въ обществѣ. Къ сожалѣнію, Шеміотъ, увлеченный молодостію лѣтъ, не умѣлъ удержаться на высотѣ своего положенія, и, какъ доносилъ жандармскій штабъ-офицеръ, превысилъ свои полномочія, распуская слухъ, что ему поручено собрать секретныя свѣдѣнія какъ относительно управленія губерніею, такъ и относительно хода ея торговли. Жандармскій офицеръ писалъ, что вслѣдствіе этого со стороны купечества, особенно лѣсопромышленниковъ, посыпались жалобы на чиновниковъ, а чиновники въ свою очередь начали устраивать въ честь Шеміота обѣды, пикники, разныя празднества, и что угодливость даже военнаго губернатора генерала Сулимы простерлась до того, что онъ въ общественномъ клубѣ принялъ участіе въ мазуркѣ, «и эти небывалыя прыжки въ его лѣта привели въ удивленіе все архангельское общество». Къ этому прибавились обвиненія въ томъ, что Шеміотъ открыто держалъ банкъ на вечерѣ у вице-губернатора, потомъ при встрѣчѣ новаго года танцовалъ въ общественномъ собраніи съ разстегнутымъ мундиромъ, а на другой день, во время торжественнаго молебствія, сталъ впереди военнаго губернатора и прежде его подошелъ къ кресту. Извѣстно, какъ императоръ Николай Павловичъ строго относился къ тѣмъ, кого облекалъ своимъ довѣріемъ,—и Шеміотъ тотчасъ отозванъ былъ изъ Архангельска, исключенъ изъ свиты и отправленъ въ Нижегородскій полкъ, впрочемъ съ повышеніемъ чина ([13]). Въ полку онъ командовалъ эскадрономъ, оказался простымъ, добрымъ малымъ, храбрымъ офицеромъ, и черезъ два года назначенъ состоять при командирѣ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса ([14]).

Всѣ эти личности, — становились ли они героями по собственному

движенію сердца, или изъ желанія загладить прошлое боевою службой и кровью,—хотя и были въ тѣ моменты далеко отъ полка, но ихъ военные подвиги и слава, доносившіеся къ Нижегородцамъ, становились полковымъ достояніемъ, возбуждали въ нихъ высокія душевныя движенія и гордое чувство, что подъ нижегородскою курткой можетъ биться только храброе, мужественное и благородное сердце.

Грузинская утварь.

Кодорское ущелье.

ГЛАВА VI.
Первые годы командованія Безобразова.
(1836—1837 г.).

Прибытіе въ полкъ Безобразова и система его командованія.—Новая форма Нижегородцевъ.—Учебный дивизіонъ и его значеніе въ жизни полка.—Приведеніе въ порядокъ полкового хозяйства.—Военная школа въ Караагачѣ.—Тревожное начало 1837 года.—Нападеніе Лезгинъ на команду Нижегородцевъ.—Шихъ-Шабанъ и послѣднія минуты его жизни.—Рекогносцировка большого Кавказскаго хребта и участіе въ ней Нижегородцевъ.—Новая кордонная линія. — Выступленіе 2-го дивизіона въ Кубу.—Несбывшіяся мечты Нижегородцевъ.—Стоянка въ Шемахѣ.—Въ гостяхъ у татарскихъ бековъ и знакомство съ баядерками.—Возвращеніе 2-го дивизіона въ Караагачъ.

Полковникъ Безобразовъ, назначенный командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, прибылъ въ Караагачъ 18-го февраля 1836 года ([1]), и

нашелъ полковое хозяйство въ совершенномъ хаосѣ. Два послѣдовательныя командованія Доброва и Катарджи оставили ему плохое наслѣдіе. Это наслѣдіе не смутило, однако, Безобразова, человѣка одареннаго большимъ жизненнымъ опытомъ. При первомъ знакомствѣ съ полкомъ онъ понялъ ясно, что вся причина этого хаоса лежала не въ недостаткѣ средствъ, а въ отсутствіи системы, въ желаніи его предмѣстниковъ все двинуть разомъ, что заставляло ихъ разбрасывать попусту силы, тратиться на мелочи, и потому не достигать ничего. Полкъ не былъ даже обмундированъ по новой формѣ, хотя матеріалы давно были высланы ([2]).

Безобразовъ прежде всего потребовалъ категорически, чтобы новое обмундированіе было готово въ теченіе великаго поста, а потому всѣ остальныя работы, если не были прекращены совсѣмъ, то въ значительной степени ослаблены ([3]). Въ полковой швальнѣ, въ инвалидной ротѣ, въ эскадронахъ, — вездѣ закипѣла работа, и къ пасхальной заутренѣ 1836 года Нижегородцы въ первый разъ явились въ своей новой одеждѣ ([4]). Красива и оригинальна была эта форма. Къ ихъ прежнимъ мѣховымъ киверамъ прибавились теперь широкіе кутасы, которые спускались сзади до самаго пояса, а съ боку заканчивались двумя большими висячими кистями ([5]). Вмѣсто узкаго колета съ короткими фалдами, на драгунахъ появились широкія, просторныя куртки, съ нашитыми по обѣ стороны груди газырями, напатронники которыхъ украшались мѣдными цѣпочками и колпачками. Воротники были красные съ темнозеленою выпушкой. Куртка застегивалась крючками, и по таліи опоясывалась суконнымъ кушакомъ съ красными коймами. Шаравары у всѣхъ были казачьи, въ сборкахъ, темнозеленаго сукна, съ широкими лампасами. Черезъ одно плечо драгунъ перекидывалъ на черномъ ремнѣ черкесскую шашку, съ черною же деревянною рукоятью, а черезъ другое лядунку изъ красной юфтовой кожи на такой же красной кожаной перевязи; за спиною въ чехлѣ висѣло ружье съ отомкнутымъ штыкомъ, помѣщавшимся въ особомъ гнѣздѣ у шашечныхъ ноженъ. Этотъ способъ ношенія ружья только что установленъ былъ тогда для всѣхъ драгунскихъ полковъ; но для Нижегородцевъ, практиковавшихъ его, какъ мы знаемъ, давно въ своей походной жизни, онъ не составлялъ уже новости.

Офицерскій мундиръ отличался тѣмъ, что газыри на немъ обкладывались кругомъ широкимъ золотымъ галуномъ, а напатронники были серебряные, съ кавказскою чернью и вызолоченными цѣпочками ([6]). Шашки

Командиръ полка

свои офицеры также стали обдѣлывать въ серебро на кавказскій манеръ, и Безобразовъ разрѣшилъ носить ихъ не на форменной галунной портупеѣ, а на черномъ кабардинскомъ ремнѣ съ серебрянымъ наборомъ, который удержался Нижегородцами въ домашнемъ быту даже до настоящаго времени (7). Кому принадлежала первая инціатива украшенія шашекъ—неизвѣстно, но старый тифлисскій оружейникъ Іосифъ Поповъ, считавшійся въ тридцатыхъ годахъ лучшимъ изъ азіатскихъ мастеровъ, разсказывалъ, что Безобразовъ проѣздомъ черезъ Тифлисъ лично заказалъ ему образцовую шашку, которую намѣревался отправить государю. Исполнилъ ли Безобразовъ свое намѣреніе или нѣтъ—свѣдѣній не сохранилось, но рисунки и узоры на ней, по увѣренію Попова, были сдѣланы имъ тѣ же, которые сохраняются на шашкахъ и понынѣ.

Покончивъ съ обмундированіемъ, Безобразовъ съ тою же настойчивостію, но и съ тою же постепенностью перешелъ къ строевому образованію полка. Принадлежа къ категоріи рѣдкихъ офицеровъ, умѣющихъ сочетать показную сторону службы съ тѣми боевыми требованіями, которыя неумолимо предъявляетъ война, онъ видѣлъ необходимость поднять фронтовую часть только въ смыслѣ большаго единообразія, красоты и правильности строя, отнюдь не ломая оригинальныхъ и своеобразныхъ особенностей, выработанныхъ въ полку долгою практическою школою. Онъ зналъ, какъ трудно прививаются, однако, всѣ нововведенія, и потому началъ съ того, что сформировалъ въ Караагачѣ сводный учебный дивизіонъ, взявъ для него по сорока человѣкъ изъ каждаго эскадрона. Командованіе дивизіономъ онъ поручилъ капитану Плацъ-Бекъ-Кокуму, не задолго переведенному изъ гвардіи, а эскадронными командирами назначилъ: въ 1-й штабсъ-капитана Арсеньева, а во 2-й поручика Гринфельдта,—офицеровъ молодыхъ, но усердныхъ и знающихъ дѣло (8). Занятія шли исподоволь, никому не бросаясь въ глаза и ничѣмъ не нарушая обычнаго теченія жизни. Къ остальнымъ эскадронамъ не предъявлялось никакихъ новыхъ требованій; въ нихъ все оставалось по-старому, и можетъ быть, эта-та ровность и неторопливость занятій, это-то спокойствіе, и отсутствіе всего, что било на эфектъ,—и были причиной, что многіе сами собою стали интересоваться тѣмъ, что дѣлалось въ учебномъ дивизіонѣ (9). Слухъ о немъ скоро дошелъ до корпуснаго командира, и генералъ-адъютантъ Розенъ, пожелавшій лично удостовѣриться въ успѣхахъ дивизіона, вызвалъ его на смотръ въ Сартачалы. Смотръ былъ блестящій. Драгуны

были одинаково хороши, какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю; но что особенно поразило Розена—это сочетаніе уставныхъ правилъ съ одиночнымъ развитіемъ каждаго солдата. Какъ человѣкъ умный, съ рѣдкимъ по тому времени правильнымъ взглядомъ на военное дѣло, Розенъ сознавалъ необходимость поднять въ кавказскихъ войскахъ общій уровень строевого образованія; но онъ даже боялся затрогивать этотъ вопросъ, опасаясь черезчуръ ретивыхъ исполнителей, которые могли испортить прекрасные, своеобычные пріемы, созданные самими войсками, и взамѣнъ ихъ дать только бездушную, машинную неподвижность. Безобразовъ точно понялъ эту затаенную мысль Розена и осуществилъ ее въ своемъ дивизіонѣ. Розенъ былъ чрезвычайно доволенъ. «Остаюсь въ полной надеждѣ», писалъ онъ въ приказѣ по курпусу, «что въ скоромъ времени весь Нижегородскій полкъ будетъ доведенъ до такого же превосходнаго состоянія» ([10]). И Безобразовъ добился этого безъ всякой ломки старыхъ порядковъ. Люди учебнаго дивизіона, расходясь по эскадронамъ, незамѣтно сами собою вносили въ нихъ новыя знанія, служили образцами, которымъ стремились подражать другіе. Безобразовъ между тѣмъ собралъ новую команду, и черезъ эту школу, по его системѣ, долженъ былъ пройти постепенно весь полкъ. Такимъ образомъ строевое образованіе незамѣтно поставлено было имъ на твердую почву, и результатъ его, какъ увидимъ, сказался въ слѣдующемъ же году, когда Нижегородцы явились на смотръ императора Николая Павловича.

На ряду съ этими занятіями Безобразовъ много заботился объ улучшеніи и другихъ отраслей полкового хозяйства и управленія. Штабъ-квартира, подъ его наблюденіемъ, быстро стала обстраиваться, и въ Караагачѣ появились красивые и чистенькіе офицерскіе домики. Слободка женатыхъ нижнихъ чиновъ росла и ширилась во всѣ стороны; а Нижегородскіе лѣтники, стоявшіе до сихъ поръ среди заглохшаго лѣса, въ первое же лѣто превратились въ нарядный поселокъ, окруженный паркомъ съ расчищенными дорожками, аллеями, клумбами цвѣтовъ и родниками студеной кристальной воды. Это былъ какой-то сказочный оазисъ среди прекрасной, но дикой и дѣвственной природы Кахетіи ([11]).

Вся эта разнообразная кипучая дѣятельность, охватившая полкъ съ пріѣздомъ Безобразова, завершилась въ томъ же 1836 году основаніемъ еще военной школы, учрежденной для воспитанія, какъ полковыхъ кантонистовъ, такъ и дѣтей сосѣднихъ грузинскихъ помѣщиковъ. Подобныя

школы заводились въ то время и при другихъ полкахъ, но тамъ онѣ ограничивались скромною сферой обученія грамотѣ, а школа въ Карагачѣ, благодаря широкимъ средствамъ Безобразова, представляла собою настоящій кадетской корпусъ, только въ миніатюрномъ размѣрѣ. Дѣтямъ преподавали Законъ Божій, языки: русскій, французскій, грузинскій и татарскій, математику, исторію, географію,—и все это въ такой полнотѣ, что нѣкоторыя дѣти, пройдя черезъ школу, свободно поступали потомъ въ высшія учебныя заведенія. Несмотря на то, что школа дѣлилась на два отдѣла, изъ которыхъ въ одномъ помѣщались дѣти дворянъ, а въ другомъ кантонисты,—условія школьной жизни, пріемы воспитанія и даже учебныя программы были для всѣхъ одинаковы.

Помимо классовъ воспитанники занимались строевыми ученьями, которыя Безобразовъ любилъ заканчивать маневрами и штурмами. Въ этихъ случаяхъ дѣтямъ предоставлялся широкій просторъ, и чѣмъ болѣе высказывалось ими смѣлости и удали — тѣмъ было лучше. Старожилы Караагача помнятъ, какъ однажды, во время многолюднаго съѣзда гостей, Безобразовъ приказалъ штурмовать свой собственный домъ, и дѣти, ворвавшіяся въ него съ пальбой черезъ двери и окна, заронили огонь и едва не сожгли всего Караагача ([12]).

Нельзя не сказать, что помимо своей образовательной дѣятельности, Караагачская школа служила еще политическимъ цѣлямъ и приносила свою посильную лепту на великое дѣло обрусѣнія края, являясь чуть ли не первымъ піонеромъ на этомъ трудномъ поприщѣ. Видя, съ какою заботой относятся къ дѣтямъ, грузинскіе князья охотно присылали въ школу своихъ сыновей, которые прежде всего научались здѣсь русскому языку, такъ мало распространенному тогда еще среди кавказскихъ туземцевъ, знакомились съ русскими обычаями и пріобрѣтали познанія и навыкъ къ военному дѣлу. Такимъ образомъ школа оказывала не малую услугу и въ дѣлѣ сближенія двухъ единовѣрныхъ народностей.

Такъ среди относительнаго спокойствія Нижегородцы встрѣтили новый 1837 годъ,—когда окружавшая ихъ тишина внезапно была нарушена сильнымъ вторженіемъ горцевъ въ Тушетію, гдѣ жертвами кроваваго набѣга сдѣлались два многолюдные аула Дикло и Шинако. Гроза разразилась слишкомъ далеко, чтобы встревожить войска, расположенныя въ Кахетіи; но самое происшествіе, въ связи съ повсемѣстнымъ

голодомъ въ горахъ Дагестана, заставляло предполагать, что горцы будутъ искать добычи въ нашихъ предѣлахъ. И, дѣйствительно, уже въ январѣ мѣсяцѣ, несмотря на снѣжную зиму, мелкія разбойничьи шайки ихъ наводнили собой всю Бѣлоканскую область. Эти шайки были для насъ гораздо опаснѣе большихъ открытыхъ вторженій, потому что держали въ ежеминутномъ страхѣ все населеніе, появляясь какъ снѣгъ на голову тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не ожидали. Въ большинствѣ это были абреки, бѣжавшіе изъ нашихъ же джарскихъ селеній, слѣдовательно, люди, отлично знавшіе всѣ мѣстныя условія, всѣ тропы, овраги, даже лѣсныя дебри,— люди, которые не всегда даже боялись преслѣдованія, потому что находили убѣжище въ первомъ попавшемся селеніи, гдѣ жили ихъ родные, друзья и знакомые. Только этою близостью непріятеля, укрывавшагося въ самыхъ нашихъ предѣлахъ, и можно объяснить себѣ внезапность тѣхъ нападеній, которымъ иногда подвергались войска. Не избѣгли этой участи и наши Нижегородцы.

Дѣло было зимою, въ февралѣ 1837 года. Пѣшая команда Нижегородскаго полка, высланная изъ Караагача на работы, стояла въ алазанскомъ лѣсу на небольшой полянкѣ и занималась выжиганіемъ угля. Впереди раскинуты были грузинскіе хутора и такъ какъ жители ихъ сами содержали разъѣзды, то большой опасности никто и не предвидѣлъ. Между тѣмъ въ одно туманное утро лезгины незамѣтно прокрались мимо нашихъ постовъ и кинулись на команду въ то время, когда она разошлась на работу. Въ лѣсу, въ различныхъ мѣстахъ, послышались тревожные крики, рѣзкій гикъ нападавшихъ, нѣсколько выстрѣловъ, чьи-то стоны—и затѣмъ все смолкло. Когда команда сбѣжалась на тревогу, лезгины уже исчезли. Трое изъ числа нападавшихъ были захвачены драгунами, но и изъ нашей малочисленной команды не оказалось налицо восьми человѣкъ: одинъ былъ убитъ, трое ранены, а четырехъ не отыскали совсѣмъ,—очевидно они были взяты и увезены лезгинами. Пѣшіе драгуны не могли съ успѣхомъ преслѣдовать конную партію,—но ей на перерѣзъ выскочила грузинская милиція. Тогда видя, что имъ не уйти отъ погони, лезгины зарѣзали плѣнныхъ драгунъ и, бросивъ тѣла ихъ на дорогѣ, разсыпались въ разныя стороны. Грузины въ свою очередь также подняли одного лезгина, прострѣленнаго пулею въ голову. Онъ умеръ черезъ нѣсколько минутъ, едва успѣвъ назвать свое имя. Оказалось, что это былъ самъ знаменитый Шихъ-Шабанъ, сподвижникъ Гази-муллы и

Гамзата, одинъ изъ опаснѣйшихъ вождей мюридизма. Такъ печально, на простомъ разбоѣ, окончилъ свои похожденія человѣкъ, за которымъ, какъ за пророкомъ, нѣкогда шли тысячи лезгинъ, чтобы поднять газаватъ въ Джаро-Бѣлоканскихъ гезахъ (13).

Цѣлый рядъ подобныхъ происшествій вызвалъ, наконецъ, неотложную необходимость принять серьезныя мѣры противъ хронической язвы лезгинскихъ набѣговъ, и прежде всего выяснить—не заключалась ли причина ихъ въ самой неправильности расположенія нашихъ кордонныхъ постовъ, черезъ которые такъ свободно прорывались мелкія разбойничьи партіи. Рѣшено было съ этою цѣлью произвести рекогносцировку Главнаго Кавказскаго хребта, изслѣдовать его изгибы, проходы, пути, по которымъ спускались партіи, и затѣмъ передвинуть кордонные посты отъ подошвы горъ, гдѣ они стояли, въ самую глубину ущелій, которыя до сихъ поръ совершенно ускользали отъ нашего наблюденія.

Отрядъ собранъ былъ небольшой: три роты грузинскаго линейнаго батальона, два пѣшіе эскадрона Нижегородскихъ драгунъ и нѣсколько сотенъ милиціи. Обозъ былъ вьючный; артиллерію составляли три горныя и два полевыя орудія, приспособленныя также къ разборкѣ на вьюки. Войска собрались за Алазанью въ д. Сабуи, куда Нижегородцы пришли изъ Караагача вмѣстѣ съ полковникомъ Безобразовымъ, пожелавшимъ лично ознакомиться съ мѣстностью и съ новыми для него условіями войны на Лезгинской линіи (14).

Изъ Сабуи выступили 29-го іюня и тотчасъ же стали подниматься на горы къ монастырю Натлисъ-Мцемели. Дорога, сначала удобная даже для пушекъ, за монастыремъ переходила въ узкую, опасную тропу, терявшуюся въ дремучемъ лѣсѣ. А за этимъ лѣсомъ едва замѣтными зигзагами она вилась опять почти по отвѣстному, заоблачному подъему. Вотъ этотъ-то крутой, терявшійся въ тучахъ подъемъ—и есть знаменитая на Кавказѣ гора Кодоръ.

Пока разрабатывали дорогу, Безобразовъ съ драгунами и большею частью милиціи, былъ выдвинутъ впередъ къ самой подошвѣ горы, и образовалъ авангардъ, подъ прикрытіемъ котораго собственно и производились работы. Лезгины, впрочемъ, не были въ сборѣ. Экспедиція, предпринятая тогда генераломъ Фези въ Аварію, оттянула туда значительныя силы, и общества Нагорнаго Дагестана съ тревогой слѣдили за появленіемъ русскихъ въ мѣстахъ, гдѣ они никогда еще не показы-

вались. 6-го іюля раздались первые выстрѣлы. Пользуясь густымъ туманомъ, сползавшимъ съ Кодора, партія человѣкъ въ триста вдругъ сбила наши аванпосты, опрокинула ближайшія части милиціи и налетѣла на бивуакъ авангарда. Драгуны не только остановили непріятеля, но, преслѣдуя бѣгущихъ, по ихъ пятамъ поднялись на самую вершину Кодора, и тамъ остановились. Безобразовъ тотчасъ приказалъ разбить бивуакъ, рѣшившись уже не покидать горы, чтобы не пришлось въ другой разъ отнимать ее у горцевъ приступомъ.

На слѣдующее утро взобрались на Кодоръ остальныя войска и прибыли вьюки. Сѣдой туманъ опять закуталъ горы, такъ что самый зоркій глазъ ничего не разсмотрѣлъ бы въ этомъ бѣломъ, волнующемся морѣ, среди котораго, какъ островъ, подымался только одинъ, укутанный снѣжнымъ покровомъ, остроконечный пикъ,—составлявшій величайшій отрогъ Кодора. Часовъ въ одиннадцать утра опять затрещала перестрѣлка; лезгины сползли съ этого пика вмѣстѣ съ туманами, и вдругъ бросились на нашу милицію. На этотъ разъ милиція дала жестокій отпоръ, а эскадроны Нижегородцевъ съ двухъ сторонъ полѣзли на самый пикъ и стали на немъ охранною стражей отряда. Былъ уже полдень; тишина въ воздухѣ царила необычайная: на этой высотѣ не было ни одной птицы, ни одного насѣкомаго. Небо было ясно, но окрестныя горы курились, и оттуда нѣтъ-нѣтъ, да и набѣгутъ облака, покрывавшія войска такимъ туманомъ и сыростью, которые пронизывали до самаго мозга костей. Изъ глубины чернѣвшаго внизу ущелья вѣяло атмосферой погреба. Чувствовалось, что впереди предстояло знакомство съ совершенно особымъ міромъ, который, какъ въ панорамѣ, развертывался теперь передъ глазами. Отсюда, съ высоты свыше 10 тысячъ футовъ, какъ на ладони, была видна вся область Нагорнаго Дагестана: прямо лежала страна хищныхъ и полудикихъ дидойцевъ; направо—Капучи, налѣво—Тушины; серебряной узкою лентой, теряясь въ синей дали, бѣжалъ Аварскій Койсу, и по обѣ стороны его раскидывались общества Буни и Тлохъ. Это была самая глухая и страшная часть Дагестана, представлявшая взору лишь обнаженныя, награмозженныя одна на другую безплодныя скалы; только на самомъ горизонтѣ, прорѣзывая тучи, виднѣлись два-три изгиба снѣжнаго хребта Богазъ—и ничего больше. Невольно замирало сердце при видѣ всѣхъ этихъ ужасающихъ, почти отвѣсныхъ подъемовъ и спусковъ.

Долго оставаться на этой высотѣ среди тумановъ и пронизывающей

сырости было нельзя, и князь Севарсамидзе, обрекогносцировавъ окрестную мѣстность, приказалъ отступить обратно въ Сабуи.

Четыре дня отдыха—и войска выступили снова по пути къ Дидойскому обществу. Опять взобрались на самую вершину Кавказскаго хребта и двинулись по острому гребню его, изрытому дождями и бурями. Внизу, на самой глубинѣ алазанской долины, виднѣлись Греми, Напареулъ и другія грузинскія селенія, казавшіяся съ такой высоты игрушечными домиками; но и они скоро исчезли изъ глазъ, задернутыя сгустившимися внизу облаками. А тропа между тѣмъ съузилась и была уже не шире аршина; кругомъ лежали бездонныя пропасти; даже у привычныхъ людей стало обнаруживаться головокруженіе. Солдатамъ подтвердили, чтобы они не смотрѣли внизъ, а между тѣмъ бездна тянула къ себѣ неодолимо, и надо было напречь всю силу воли, чтобы отвести глаза отъ страшнаго обрыва. По такой дорогѣ прошли верстъ 25, и только къ ночи, спустившись съ горъ, измученный отрядъ достигъ наконецъ до селенія Артаны, почти крайняго пункта Лезгинской кордонной линіи. Отсюда начиналось ущелье, за которымъ уже жили дидойцы. На слѣдующій день осмотрѣли его; потомъ обратно черезъ Сабуи прошли въ ущелье Шильдское и, переваливъ черезъ высокую гору Акванъ, спустились наконецъ въ Кварели. Здѣсь, въ гостепріимномъ домѣ князей Чавчавадзе, войска нашли радушный пріемъ и отдыхъ. То, что они переносили до сихъ поръ, поистинѣ было ужасно; но то, что предстояло перенести имъ дальше, не поддается уже никакому описанію. Довольно сказать, что желая докончить обозрѣніе Кавказскаго хребта, по крайней мѣрѣ той части его, которая соприкасалась съ Кахетіей, Севарсамидзе рѣшилъ провести войска кратчайшею дорогой за перевалъ въ Джурмутское общество, и оттуда выйти напрямикъ къ Лагодехамъ,—путь, по которому не всегда рисковали ходить даже лезгинскія шайки.

Изъ Кварели выступили 25-то іюля черезъ Беженьянское ущелье и ночевали у подошвы высокой горы Нуцарако. Страшно было смотрѣть снизу на недосягаемую высь, куда на слѣдующій день приходилось взбираться отряду; но въ дѣйствительности дорога оказалась еще хуже, чѣмъ можно было предполагать. День уже сталъ склоняться къ концу, а безконечный подъемъ все становился круче и недоступнѣе. Отрядъ настойчиво ползетъ впередъ; какъ мухи, лѣпятся солдаты по узкимъ карнизамъ, разсчитывая при каждомъ горномъ уступѣ, что вотъ-вотъ это-то и есть по-

слѣдняя гигантская ступень къ перевалу. Но только доберутся они съ нечеловѣческими усиліями по скользкой голой плитѣ туда, гдѣ мерещится снизу отрадная площадка, какъ надъ головами выростаетъ новый, еще болѣе страшный подъемъ. Была уже ночь, когда войска достигли наконецъ перевала, и здѣсь ночевали. Горную артиллерію удалось провести благополучно, но много погибло въ провалахъ подъемныхъ и вьючныхъ лошадей, которыхъ даже не разыскивали.

На слѣдующій день отрядъ спустился въ Джурмутъ, прошелъ мимо двухъ лезгинскихъ ауловъ, не показывавшихъ даже признака жизни, перевалилъ затѣмъ черезъ хребетъ Химрикъ къ вершинамъ Каратубанскаго ущелья—и очутился въ области вѣчной зимы. Здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ гигантскихъ сосенъ, не было уже никакой растительности. Къ вечеру поднялась снѣговая мятель, и вѣтеръ, не встрѣчая препятствій въ этихъ заоблачныхъ высяхъ, бушевалъ съ страшною силой, засыпая отрядъ цѣлыми тучами снѣга. Можно себѣ представить положеніе солдатъ, одѣтыхъ по-лѣтнему и питавшихся въ теченіе послѣднихъ дней только размоченными въ водѣ сухарями.

Слѣдующій переходъ, 28-го іюля, былъ труднѣе всѣхъ предыдущихъ. 14 часовъ къ ряду отрядъ, растянувшійся въ нитку болѣе чѣмъ на 10 верстъ, шелъ по колѣна въ снѣгу, и только темною ночью, выбравшись изъ этой снѣговой полосы, остановился на голыхъ уступахъ хребта, образующаго Лагодехское ущелье. Это было уже послѣднее препятствіе на пути къ русской землѣ, и войска вечеромъ 29-го числа вступили, наконецъ, въ Лагодехи.

Теперь принялись за устройство новой кордонной линіи, и войска задержаны были въ Лагодехахъ до окончательнаго перемѣщенія постовъ на другія мѣста, для чего выбирались преимущественно или высокія горы или лѣсистыя ущелья. У насъ этой новой линіи, казалось, придавали огромное значеніе, но опытные туземцы только сомнительно покачивали головами, зная, что посты, заброшенные въ такую глушь, зимою сами будутъ занесены сугробами снѣга, а горцы между тѣмъ найдутъ себѣ много дорогъ и въ обходъ укрѣпленій. Все это позднѣе оправдалось и на дѣлѣ. Но нельзя отвергать, что смѣлый походъ Севарсамидзе произвелъ въ свое время огромное впечатлѣніе на горцевъ. Даже самые непримиримые враги наши дидойцы, съ минуты на минуту опасавшіеся вторженія въ ихъ земли, прислали въ Лагодехи своихъ старшинъ, а

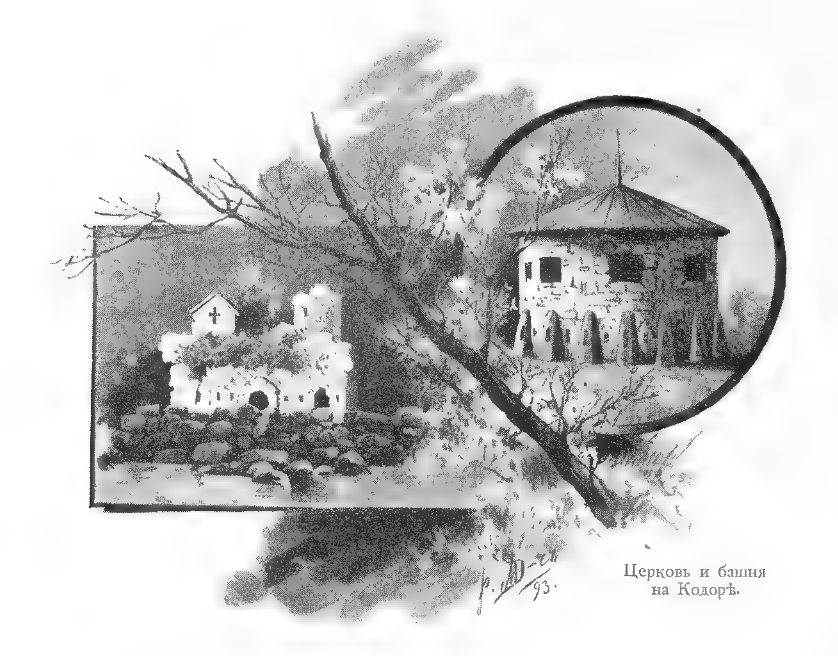
вслѣдъ за ними стали являться старшины и другихъ сосѣднихъ племенъ. Всѣ они были въ Аваріи, и всѣ, крайне встревоженные движеніемъ русскихъ за перевалъ, поспѣшно вернулись съ своими партіями изъ глубины Дагестана къ Кодору. Но паника, охватившая все населеніе, была такъ велика, что даже они сочли за лучшее принять на себя до времени личину покорности, разумѣя, что она ихъ ровно ни къ чему не обязываетъ. Такимъ образомъ, помимо своей спеціальной задачи, походъ Севарсамидзе послужилъ еще другой цѣли — демонстративной, оттянувъ отъ Аваріи значительныя непріятельскія силы, и тѣмъ облегчивъ дѣйствія генерала Фези ([15]).

Къ исходу августа мѣсяца оба Нижегородскіе эскадрона вернулись въ Караагачъ, а 16-го сентября выступилъ 2-й дивизіонъ вмѣстѣ съ четырьмя орудіями, и направился форсированными маршами въ Кубинскій уѣздъ ([16]). На походѣ драгуны узнали, что Куба обложена 12-ти-тысячнымъ скопищемъ, и что малочисленный гарнизонъ нашъ находится въ отчаянномъ положеніи. Будущее рисовалось передъ нашими Нижегородцами въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ, суля имъ цѣлый рядъ битвъ съ возставшимъ населеніемъ, одушевленнымъ цѣлымъ рядомъ успѣховъ. Но до Кубы было 800 верстъ, и радужныя мечты Нижегородцевъ разлетѣлись дымомъ. Пока они шли, генералъ Фези, подоспѣвшій изъ Шуры, разбилъ мятежниковъ, — и надобности въ драгунахъ болѣе не представлялось. Тѣмъ не менѣе дивизіонъ задержали въ Старой Шемахѣ, для наблюденія за Ширванскою провинціею ([17]).

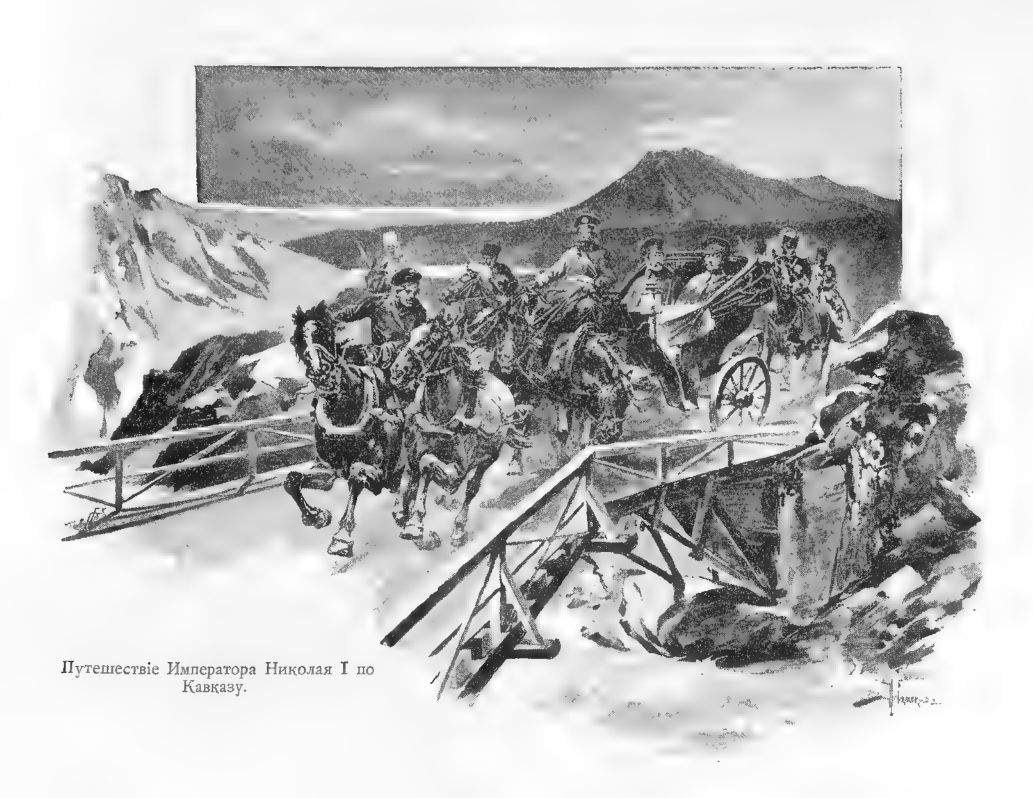
Въ городѣ этомъ, истерзанномъ землетрясеніями и лихорадками, походнымъ людямъ жилось, однако, не скучно. Здѣсь было много татарскихъ бековъ, старыхъ соратниковъ нашихъ драгунъ по турецкой войнѣ, и въ обоюдныхъ воспоминаніяхъ о славно прожитыхъ дняхъ время шло незамѣтно. Почетнѣйшіе агалары и беки каждый день приглашали офицеровъ, то на ястребиныя и соколиныя охоты, то на домашнія празднества, устраиваемыя съ восточною пышностью и непремѣнно съ баядерками, которыхъ драгуны до тѣхъ поръ никогда не видѣли. Родиной баядерокъ обыкновенно считается Индія, гдѣ онѣ, подобно римскимъ весталкамъ, живутъ при храмахъ и служатъ украшеніемъ религіозныхъ церемоній. Но въ Шемахѣ онѣ снизошли уже до степени простыхъ народныхъ танцовщицъ, составляющихъ, однако, необходимую принадлежность общественныхъ и почти всѣхъ частныхъ увеселеній. Домой Нижегородцы верну-

лись уже въ позднюю осень, съ пріятными воспоминаніями, но съ опустѣвшими карманами, такъ какъ ширванскія весталки не признавали никакой монеты, кромѣ блестящихъ червонцевъ ([18]).

Въ Караагачѣ походный дивизіонъ не засталъ уже никого изъ товарищей, — полкъ выступилъ въ Тифлисъ, гдѣ ему предстоялъ царскій смотръ, — первый послѣ отдаленной Петровской эпохи.



Церковь и башня на Кодорѣ.



Путешествіе Императора Николая I по Кавказу.

ГЛАВА VII.
Императоръ Николай на Кавказѣ.
(1837 г.).

Первые слухи о пріѣздѣ государя на Кавказъ.—Нижегородцы выступаютъ на царскій смотръ.—Государь въ Геленджикѣ.—Пожаръ и страшная буря.—Императоръ среди своеобразной обстановки боевого Кавказскаго отряда.—Эпизодъ съ рядовымъ Забугой.—Отъѣздъ государя въ Анапу и Редутъ-Кале.—Морская буря. — Царскій путь отъ Редутъ-Кале до Тифлиса.—Разводъ 9-го октября.—Царскій смотръ въ Тифлисѣ.—Императоръ отличаетъ Нижегородскій полкъ передъ всѣми войсками.—Поручикъ Жерве и Лермонтовъ.—Катастрофа при выѣздѣ изъ Тифлиса.—Памятникъ спасенія царя.—Путь до Владикавказа.—Пріемъ горскихъ депутатовъ.—Мужество и присутствіе духа императора.—Государь въ Екатеринградѣ, Прохладной и Пятигорскѣ.—Отъѣздъ въ Ставрополь.

Въ лѣтописяхъ русскаго владычества на Кавказѣ, 1837 годъ отмѣченъ событіемъ высокой исторической важности для цѣлаго края: на узкомъ перешейкѣ между Каспійскомъ и Чернымъ морями, тамъ, гдѣ рус-

скія войска стояли оплотомъ мирнаго труда и цивилизаціи, появляется величественная фигура императора Николая. Послѣ похода Петра Великаго въ Дагестанъ, за 115 лѣтъ передъ тѣмъ, это былъ первый вѣнценосецъ Россіи, ступившій на кавказскую почву, и на этотъ разъ не со стороны Каспія, а съ береговъ Чернаго моря, гдѣ война наша съ черкесскими племенами была въ полномъ разгарѣ.

Слухъ о пріѣздѣ государя сталъ носиться въ Грузіи уже съ апрѣля мѣсяца, и чѣмъ ближе подходила осень, когда государя ждали въ Тифлисъ, тѣмъ сильнѣе и нетерпѣливѣе бились сердца нашихъ Нижегородцевъ, никогда, съ самыхъ временъ Петра Великаго, не видѣвшихъ русскихъ монарховъ. Чувства эти выразились въ слѣдующей сложенной тогда пѣснѣ, которая потомъ долго распѣвалась на Кавказѣ (1).

Взгляни нашъ царь на грозныя стремнины,
На неприступныя громады горъ,
Гдѣ вѣрныя твои дружины
Съ врагомъ ведутъ кровавый споръ,
Тамъ выше тучъ штыковъ сверкаютъ грани,
Съ громами неба громъ войны гремитъ,
И отъ Эвксина до Кубани
Твой врагъ испуганный дрожитъ.

Изъ трехъ дивизіоновъ Нижегородцевъ одинъ находился въ военномъ походѣ, и потому только два могли выступить въ Тифлисъ, чтобы предстать передъ своимъ верховнымъ вождемъ и получить царское спасибо за вѣковую службу отчизнѣ. Это счастіе выпало на долю 1-го дивизіона, князя Баратова, и 3-го, подполковника Нечволодова. Съ ними отправился и самъ командиръ полка полковникъ Безобразовъ. Въ Тифлисѣ эскадроны наши съ понятнымъ волненіемъ слѣдили за путешествіемъ государя. Онъ долженъ былъ прибыть прежде всего въ Геленджикъ, гдѣ стоялъ тогда Левковичъ съ своимъ батальономъ, и отъ него-то, какъ отъ стараго товарища, Нижегородцы знали всѣ подробности пребыванія царя на берегу Чернаго моря.

Утромъ 20-го сентября 1837 года на морѣ разыгралась страшная буря. Все что было въ лагерѣ, широко раскинувшемся между подножіемъ горъ и самымъ берегомъ, со страхомъ вглядывалось въ сумрачную даль, то и дѣло заслоняемую отъ глазъ горами поднимающихся волнъ.

И вотъ, среди рева бушующихъ водъ,
Несясь по стихіи глубокой,
Колесами волны пилитъ пароходъ
И рѣжетъ ихъ грудью высокой.
Флагъ Царскій! Орелъ съ нимъ надъ бездной паритъ,
Двуглавый съ порывнымъ играетъ,
Надъ нимъ золотая корона блеститъ,
И славы лучами сіяетъ.
Все ближе и ближе... Привѣтственный крикъ
Раздался, какъ въ полѣ сраженій,
И грянулъ перуномъ войны Геленджикъ,
Откликнулось эхо ущелій... ([2]).

Пароходъ подъ императорскимъ штандартомъ приблизился къ бухтѣ и бросилъ якорь. Первымъ шагомъ императора въ Геленджикѣ было посѣщеніе раненыхъ нижнихъ чиновъ, и многимъ изъ нихъ, не могшимъ встать съ постели, государь собственноручно положилъ на грудь знаки отличія военнаго ордена ([3]).

На слѣдующій день назначенъ былъ смотръ. Буря между тѣмъ не унималась. Въ довершеніе всего, за часъ до смотра въ крѣпости ударили тревогу, которая въ ту же минуту принята была и въ лагерѣ. Сначала думали, что показались горцы, но вскорѣ густой дымъ, разостлавшійся надъ крѣпостью, далъ знать, что тамъ пожаръ. Горѣли бунты съ провіантомъ. Разносимыя вѣтромъ, искры угрожали пороховымъ погребамъ, и солдаты, прибѣжавъ изъ лагеря, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ бросились выносить бочки съ порохомъ и ящики съ патронами. Государь, стоя на крыльцѣ, съ любовью смотрѣлъ на беззавѣтное мужество кавказскихъ солдатъ, совершавшееся передъ нимъ во-очію. Къ 11 часамъ пожаръ былъ потушенъ, и государь приказалъ войскамъ возвратиться въ лагерь, сказавъ: «черезъ часъ мы увидимся». Смотръ состоялся въ полдень. Четыре полка черноморскихъ казаковъ поставлены были на всякій случай въ прикрытіе, и ихъ резервы на безлѣсныхъ вершинахъ горъ дополняли красоту картины, придавая ей боевой колоритъ. Смотръ вышелъ также въ высшей степени своеобразный. Буря бушевала страшно, и, чтобы устоять на ногахъ, солдаты дѣлали неимовѣрныя усилія; импе-

раторъ въ сюртукѣ, придерживая рукою фуражку, медленно проходилъ по фронту, задерживаемый на каждомъ шагу сильными порывами вѣтра. Рядомъ съ нимъ шелъ цесаревичъ, тогда еще 19-лѣтній юноша.

Когда государь подошелъ къ 4-му батальону, вдругъ загорѣлся бурьянъ въ той сторонѣ, гдѣ стояла сторожевая цѣпь,—и степной пожаръ сразу охватилъ значительное пространство. Пламя быстро приближалось къ фронту. Тогда 3-й батальонъ, не ожидая ничьихъ приказаній, оставилъ строй и, на глазахъ государя, бросился тушить огонь; черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ затоптанъ ногами. Пропустить войска церемоніальнымъ маршемъ не было возможности, и государь, распустивъ ихъ, возвратился въ лагерь, гдѣ не оставалось ни одной палатки,—все было снесено и разметано бурей; стоялъ только небольшой шатеръ начальника отряда Вельяминова, который съ трудомъ удерживали сто назначенныхъ для того казаковъ. Тамъ приготовленъ былъ завтракъ.

Черезъ полчаса государь вышелъ и своимъ звучнымъ голосомъ крикнулъ «Дѣти, ко мнѣ!» Весь лагерь бросился къ государю. Роты и полки перемѣшались. Солдаты въ чемъ были—въ мундирахъ, въ шинеляхъ и даже въ рубахахъ, сбѣжались къ ставкѣ и окружили императора. Офицеры явились также по-домашнему. Самъ бригадный командиръ генералъ Лингенъ былъ въ сюртукѣ, изъ-подъ котораго на цѣлую четверть виднѣлся бешметъ изъ пестрой турецкой матеріи. Въ такихъ же фантастическихъ костюмахъ были и другіе. Исправнѣе всѣхъ былъ полковникъ Горскій—офицеръ генеральнаго штаба, но и у того висѣла черезъ плечо на ремнѣ казачья нагайка. Форменныхъ полусабель не было ни одной—у всѣхъ черкесскія шашки ([4]). Государь обнялъ Вельяминова, какъ бы въ лицѣ его благодаря весь отрядъ за молодецкую боевую службу, и затѣмъ, вспомнивъ имя одного солдата Кабардинскаго полка, отмѣченнаго въ реляціи, спросилъ: «А гдѣ тутъ у васъ Кононъ Забуга?» Забуга оказался какъ разъ надъ головою государя, сидящимъ на вѣтвяхъ огромнаго чинара. Услышавъ свое имя, онъ кубаремъ скатился съ дерева и предсталъ передъ царемъ въ одной исподней рубахѣ. Государь обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: «Передай отъ меня этотъ поцѣлуй всѣмъ твоимъ товарищамъ». Забуга бросился на-земь и сталъ цѣловать ноги государя ([5]).

Вся эта сцена, искренняя, неподготовленная, быстро разнеслась по Кавказу, вездѣ производя такое впечатлѣніе, какого не могла бы произ-

вести никакая краснорѣчивая рѣчь. Государь все время былъ въ лучшемъ настроеніи духа. Онъ любовался величественною красотой кавказской природы, и пестрымъ, своеобразнымъ, также какъ и кавказскія горы, воинскимъ станомъ. Ему, привыкшему во всемъ къ педантической точности, на каждомъ шагу бросались въ глаза отступленія отъ принятыхъ формъ и правилъ, но онъ добродушно извинялъ ихъ и шутилъ надъ наивно-тщетными усиліями кавказскихъ войскъ все дѣлать и даже одѣваться по формѣ. «Хорошо», говорилъ онъ, смѣясь, «что я не взялъ съ собою брата Михаила Павловича,—онъ бы этого не вынесъ» ([6]).

Къ вечеру буря утихла, а на другой день царственные путешественники выѣхали изъ Геленджика. Прощаясь съ солдатами, государь осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, и пароходъ, выйдя въ открытое море, взялъ курсъ на Анапу. Отсюда цесаревичъ возвратился въ Крымъ, а государь уже одинъ продолжалъ дальнѣйшее плаваніе съ тѣмъ, чтобы высадиться въ Редутъ-Кале.

На морѣ разразилась опять страшная буря; пароходъ былъ въ ежеминутной опасности. Государь, закутавшись въ свою старую шинель, медленно ходилъ по палубѣ. «Какая погода!» сказалъ онъ, обращаясь къ сопровождавшему его флигель-адъютанту Львову, извѣстному композитору нашего народнаго гимна. «Да, ваше величество», отвѣчалъ Львовъ, «кажется, не слѣдовало бы вамъ путешествовать по Черному морю въ сентябрѣ».—«Это правда», замѣтилъ государь, «но вся Европа знала, что я ѣду на Кавказъ, и если бы я отмѣнилъ свою поѣздку,—что бы она сказала!» Буря сопровождала пароходъ во все время плаванія. Самъ М. П. Лазаревъ—этотъ знаменитый и безстрашный морякъ, командовавшій тогда пароходомъ, разсказывалъ, что приближаясь къ берегамъ и видя страшную опасность, онъ только выбиралъ скалу, о которую могъ бы не такъ жестоко разбиться. Но Господь охранилъ царя, и въ полночь 27-го сентября государь благополучно прибылъ въ Редутъ-Кале. Буря стихла, но волненіе еще было такъ сильно, что Лазаревъ хотѣлъ съѣхать на берегъ одинъ, чтобы удостовѣриться, можно ли перевезти государя. Государь увидѣлъ это и сказалъ: «Если ты ѣдешь, то, значитъ, могу ѣхать и я». Онъ сѣлъ въ катеръ и вмѣстѣ съ Лазаревымъ высадился на берегъ ([7]).

Было совсѣмъ темно; даже ближайшія горы тонули во мракѣ, и только видно было какъ по ихъ хребтамъ сверкаютъ и движутся огнен-

ныя точки.—«Что это такое?» спросилъ государь. «Это, ваше величество, костры не мирныхъ черкесовъ, которые собрались, узнавъ о вашемъ пріѣздѣ», отвѣчалъ баронъ Розенъ.

Отсюда государь отправился въ Тифлисъ кружнымъ путемъ черезъ Зугзиде, Кутаисъ и Армянскую область, вездѣ оставляя памятные слѣды своего пребыванія. Въ Ахалцыхѣ онъ посѣтилъ могилу павшихъ здѣсь въ 1828 году воиновъ и повелѣлъ воздвигнуть надъ нею памятникъ. Въ Гумри, въ его присутствіи, заложена была сильная пограничная крѣпость, и самый городъ въ честь императрицы названъ Александрополемъ. Старое имя Гумри навсегда исчезаетъ съ тѣхъ поръ изъ языка и даже изъ памяти туземцевъ. Далѣе, государь посѣтилъ первопрестольный армянскій монастырь Эчміадзинъ, и ночевалъ въ Эривани, во дворцѣ послѣдняго персидскаго сардаря. Дворецъ этотъ стоитъ на высокой скалѣ, и съ его балкона открывается чудный видъ на Араратъ. Но не Араратъ, не эти чудные зеркальные залы дворца—плодъ прихотливой восточной фантазіи, привлекаютъ теперь вниманіе путешественника: въ маленькой комнаткѣ, гдѣ стояла скромная походная кровать государя, застланная только сѣномъ, осталась на стѣнѣ надпись, начертанная рукою государя: «Николай. 5-го октября 1837 года». Надпись эта окружена теперь золотою рамкой и прикрыта стекломъ. Изъ Эривани государь направился черезъ Делижанское ущелье въ Тифлисъ, и 7-го октября ночевалъ въ Кодахъ, всего въ 28 верстахъ отъ столицы. До сихъ поръ государь бодро переносилъ неудобства, сопряженныя съ путешествіемъ по дикой, еще неустроенной странѣ, и тамъ, гдѣ колеса его коляски вязли по самую ступицу, онъ шелъ пѣшкомъ, или садился на казацкую лошадь. Переѣздъ отъ Коды былъ одинъ изъ труднѣйшихъ. Станцію въ 28 верстъ ѣхали восемь часовъ, и достигли Тифлиса только въ 4 часа пополудни. Всѣ замѣтили, что государь былъ чѣмъ-то крайне разгнѣванъ, и Тифлисъ встрѣтилъ его съ затаенной тревогой. Старожилы до сихъ поръ разсказываютъ, что когда императоръ вошелъ въ приготовленное для него помѣщеніе, неожиданно раздался сильнѣйшій ударъ грома, и населеніе приписало это рѣдкое по времени года явленіе дурному предзнаменованію.

Причина неудовольствія государя объяснилась скоро: онъ ѣхалъ въ край благодарить войска за ихъ боевую службу; въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ стояла хотя бы одна рота, онъ останавливался,

все осматривалъ, всѣмъ былъ доволенъ, — и вдругъ, наканунѣ самаго въѣзда въ Тифлисъ, получилъ доносъ о злоупотребленіяхъ командира Эриванскаго карабинернаго полка князя Дадіана. Злоупотребленія эти, подтвердившіяся секретнымъ дознаніемъ, касались нижнихъ чиновъ, и государь, разговаривая объ этомъ съ Розеномъ, сказалъ: «этого я никогда не прощу».

На слѣдующій день, 9-го октября, назначенъ былъ разводъ отъ Эриванскаго полка, происходившій на Мадатовской площади, гдѣ теперь находится нижній Александровскій садъ; и здѣсь-то произошла извѣстная сцена съ княземъ Дадіани, который передъ разводомъ лишенъ былъ флигель-адъютантскаго званія, и сосланъ въ Бобруйскъ.

Все время пребыванія въ Тифлисѣ государь оставался въ сумрачномъ расположеніи духа ([8]). 10-го октября былъ смотръ небольшому отряду, собранному подъ Тифлисомъ на Дидубійскомъ полѣ, гдѣ теперь обыкновенно производятся скачки. Это было въ воскресенье, и государь, отслушавъ обѣдню въ Кашветской георгіевской церкви, проѣхалъ кружнымъ путемъ черезъ Авлабарскій мостъ, мимо Метехской скалы, и черезъ Куки прямо къ старой Дидубійской церкви, гдѣ уже стояли четыре батальона пѣхоты (Эриванскій, Грузинскій, учебный и 16-й линейный), четыре эскадрона Нижегородскихъ драгунъ и нѣсколько батарей пѣшей артиллеріи ([9]). Изъ немногихъ свѣдѣній, которыя сохранили намъ устные разсказы стариковъ, извѣстно, что когда государь вышелъ изъ коляски, ему подали красивую вороную лошадь, такъ и называвшуюся «Красавчикъ». Лошадь принадлежала, кажется, кому-то изъ мѣстныхъ жителей, но была плохо выѣзжана, и едва ударили барабаны, какъ она бросилась въ сторону, споткнулась и едва не упала. Государь тотчасъ пересѣлъ на простую казачью лошадь, засѣдланную черкесскимъ сѣдломъ, и на ней оставался во все время смотра *). Конные ординарцы были приняты передъ церемоніальныхъ маршемъ, при чемъ отъ Нижегородскаго полка подъѣзжалъ поручикъ Кривцовъ, тотъ самый, который впослѣдствіи убитъ на елисуйскомъ завалѣ ([10]). Къ сожалѣнію, ни разсказы, ни записки очевидцевъ не сохранили подробностей самаго смотра, и памятникомъ его остался только высочайшій приказъ, который, впрочемъ, говоритъ самъ за себя и не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

---

*) «Красавчика» потомъ купилъ Безобразовъ за большія деньги и берегъ его, какъ памятникъ смотра и царскихъ милостей, заслуженныхъ въ тотъ день Нижегородцами.

«На сегодняшнемъ смотру—сказано въ немъ:—Государь Императоръ изволилъ найти пѣхоту, за исключеніемъ линейнаго батальона, въ хорошемъ видѣ; Нижегородскій полкъ—въ отличномъ... Его Величество изъявляетъ особое свое удовольствіе командиру Нижегородскаго драгунскаго полка полковнику Безобразову за приведеніе командуемаго имъ полка до того похвальнаго устройства, въ которомъ онъ на смотру оказался»... Обоимъ командирамъ дивизіоновъ, подполковникамъ князю Баратову и Нечволодову, объявлены именныя монаршія благоволенія. Нижнимъ чинамъ государь пожаловалъ пѣхотѣ и артиллеріи по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ водки на человѣка; Нижегородскимъ драгунамъ—по два рубля, по два фунта мяса и по двѣ чарки водки ([11]).

Отличенный такимъ вниманіемъ государя отъ всѣхъ остальныхъ частей, Нижегородскій полкъ съ понятною гордостью долженъ записать этотъ смотръ въ свои полковыя лѣтописи.

Есть свѣдѣніе, что этотъ же прекрасный смотръ косвеннымъ образомъ повліялъ и на судьбу Михаила Юрьевича Лермонтова, сосланнаго тогда изъ гвардіи въ Нижегородскій полкъ за извѣстное стихотвореніе «На смерть Пушкина». По крайней мѣрѣ, на другой же день послѣ смотра, 11-го октября, состоялся высочайшій приказъ о переводѣ его въ Гродненскій гусарскій полкъ. Съ нимъ вмѣстѣ переведенъ обратно въ гвардію и другой нижегородскій офицеръ, поручикъ Жерве, выписанный тѣмъ же чиномъ, изъ кавалергардовъ.

12-го октября состоялся отъѣздъ государя изъ Тифлиса по военно-грузинскому тракту на Владикавказъ, и здѣсь-то случилось происшествіе, вызвавшее всеобщую тревогу въ Россіи. Въ непогодное утро, когда тучи тяжелымъ сводомъ сомкнулись надъ городомъ, угрожая разразиться ливнемъ, изъ воротъ дворцоваго сада выѣхала шестерикомъ дорожная коляска, въ которой сидѣлъ государь вмѣстѣ съ Орловымъ; сзади въ нѣсколькихъ экипажахъ слѣдовала свита. Было еще очень рано, и изъ мѣстныхъ властей сопровождалъ государя только одинъ исправникъ. Верійскій спускъ находился тогда за городомъ, и церковь св. Андрея Первозваннаго, съ ея древними фризами и надписями, была крайнимъ строеніемъ, замыкавшимъ городъ съ сѣвера. И вотъ, по этому-то крутому спуску, проложенному надъ страшнымъ обрывомъ, лошади понесли коляску государя. Оробѣвшій форейторъ круто повернулъ уносныхъ лошадей къ горной стѣнѣ, и коляска опрокинулась на самомъ краю пропасти.

Государь упалъ, и только по особой милости Божіей остался невредимымъ ([12]). Это мѣсто отмѣчено памятникомъ. На пьедесталѣ изъ краснаго кавказскаго базальта воздвигнутъ большихъ размѣровъ чугунный узорчатый крестъ съ надписью: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится». И крестъ—сила и спасеніе вѣрующихъ, напоминаетъ каждому спасительную силу Промысла Божія, оградившаго царя отъ страшной опасности.

По отъѣздѣ государя, Нижегородцы, гордые царскимъ «спасибо», вернулись въ Караагачъ; но и оттуда, наравнѣ съ другими, съ трепетомъ продолжали слѣдить за пребываніемъ государя въ краѣ, гдѣ каждую минуту могла произойти встрѣча съ врагами. Но торжественно и безопасно совершалось царское путешествіе, внушая горцамъ невольное сознаніе величія Россіи и ея самодержца.

Нижеслѣдующій разсказъ объ этомъ путешествіи, оставившемъ на Кавказѣ глубокіе слѣды, но мало еще отразившемся въ исторической литературѣ, записанъ со словъ одного лица, сопровождавшаго государя отъ Тифлиса до Ставрополя ([13]).

Отъ Койшаура до Коби, черезъ Гутъ-гору и Крестовую, государь ѣхалъ верхомъ на кабардинской лошади, любуясь грозною кавказскою природою. День былъ ясный, но свѣжій, и государь накинулъ на плечи черную косматую бурку. Его сопровождали только проводникъ-осетинъ и нѣсколько мѣстныхъ туземцевъ, а далеко позади тянулась царская коляска, запряженная быками и буйволами. Только въ Коби государь пересѣлъ опять въ экипажъ, и ночью достигъ Владикавказа, гдѣ его ждали депутаты отъ всѣхъ покорныхъ племенъ лѣваго фланга Кавказской линіи. Пріемъ ихъ, по случаю поздняго времени, отложенъ былъ до утра. Ночью къ Орлову явился приставъ горскихъ народовъ и просилъ доложить государю, нельзя ли отмѣнить пріемъ депутатовъ, такъ какъ среди нихъ есть люди, полные фанатизма, за которыхъ поручиться нельзя.— Зачѣмъ же вы ихъ брали? спросилъ удивленный Орловъ.—«Не взять этихъ людей не было никакой возможности», отвѣчалъ приставъ: «они хотѣли ѣхать непремѣнно. Люди эти пользуются въ горахъ огромнымъ вліяніемъ, и отказъ могъ вызвать мятежъ цѣлаго племени». Орловъ доложилъ государю. «Все это вздоръ», отвѣчалъ императоръ: «я ихъ приму завтра передъ самымъ отъѣздомъ».

Въ 8 часовъ утра 14-го октября депутаты собрались на площади;

тутъ же изъ предосторожности поставленъ былъ цѣлый батальонъ пѣхоты съ заряженными ружьями, и выстроился собственный его величества конвой, прибывшій изъ Петербурга для конвоированія государя по Кавказской линіи. Казаки сидѣли верхомъ и держали ружья на изготовкѣ. Государь вышелъ вмѣстѣ съ Орловымъ, одѣтый по-дорожному, въ сюртукѣ безъ эполетъ и въ фуражкѣ; черезъ плечо перекинута была черкесская шашка. Сойдя съ крыльца, государь обошелъ батальонъ, поздоровался съ своимъ конвоемъ, и затѣмъ, ставъ на площади, громко сказалъ депутатамъ: «Подойдите ко мнѣ!» Триста человѣкъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ горцевъ, тѣсною толпою окружили царя. «Въ эти минуты души ни въ комъ изъ насъ не было»—говорилъ одинъ старый линеецъ: «мы дрожью дрожали за жизнь царя; но Богъ и мужество императора все побѣдили». Государь говорилъ черезъ переводчика съ каждымъ племенемъ отдѣльно, выслушивалъ ихъ нужды, принималъ просьбы, совѣтовалъ жить спокойно и мирно. Окинувъ толпу пристальнымъ взглядомъ, государь увидѣлъ среди карабулаковъ человѣка огромнаго роста, съ нахмуренными бровями, и аршиннымъ кинжаломъ на поясѣ. Государь положилъ ему руку на плечо и сказалъ сурово: «Передай твоему народу, что онъ дурно ведетъ себя; пусть постарается исправиться, пока продолжается еще Мое благоволеніе». Старикъ, съ чалмою на головѣ, растерянно отвѣчалъ государю: «Мы боимся, чтобы насъ не заставили перемѣнить свою вѣру!» Государь указалъ рукой на гвардейскій конвой изъ горцевъ и сказалъ: ваши дѣти могутъ передать вамъ, что они въ Петербургѣ имѣютъ своего муллу. Для меня всѣ вѣры терпимы. Прощайте!»

Депутаты разступились. Опасенія еще не миновали, такъ какъ представители горскихъ племенъ высказали настойчивое желаніе сопровождать царскій поѣздъ до первой станціи. Государь изъявилъ на это согласіе, и приказалъ своей коляскѣ выѣхать за городъ и тамъ ожидать его прибытія. Вслѣдъ за экипажемъ поскакалъ конвой и пустилась огромная толпа депутатовъ. Государь между тѣмъ сѣлъ на лошадь, подведенную ему въ даръ кабардинцами, и выѣхалъ изъ крѣпости въ сопровожденіи только хорунжаго Фирсова. «Можно ли по этой тропѣ спуститься прямо съ горы, чтобы проѣхать въ госпиталь?» спросилъ у него государь. Крутизна была страшная, и Фирсовъ, прежде чѣмъ отвѣтить, опытнымъ глазомъ окинулъ лошадь государя. «На вашей лошади можно, ваше величество», отвѣтилъ

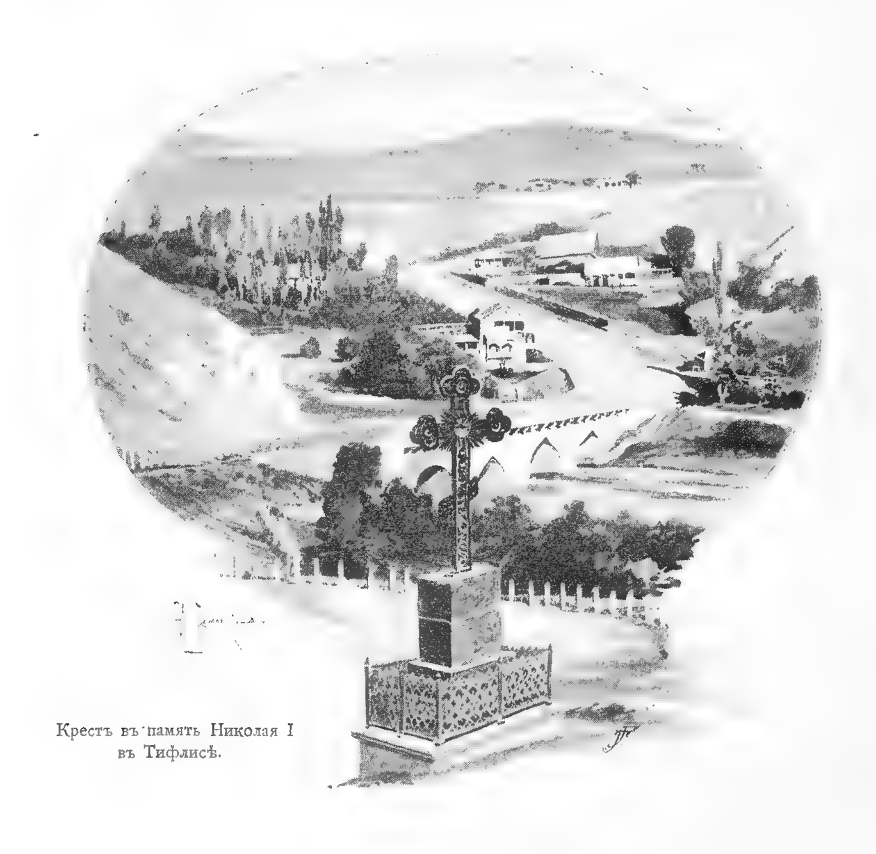
Путешествіе Императора Николая I по Кавказу
въ 1837 году.

онъ, и самъ поѣхалъ впередъ, выбирая дорогу. Спустились благополучно. Въ госпиталѣ государя не ждали, но порядокъ въ немъ онъ нашелъ образцовый. Сопровождаемый однимъ только дежурнымъ медикомъ, онъ обошелъ всѣ палаты, милостиво разговаривалъ съ солдатами и на многихъ изъ нихъ самъ возложилъ знаки отличій Военнаго ордена. Изъ госпиталя государь спустился опять къ Тереку, переѣхалъ его бродъ и, увидѣвъ войска, назначенныя для его конвоированія, отпустилъ пѣхоту домой, а самъ, пересѣвъ въ экипажъ, отправился въ путь, сопровождаемый одними казаками и горцами. Донскіе казаки мѣнялись на каждомъ посту, но собственный конвой его величества, и горцы, служившіе въ Варшавѣ и Петербургѣ, перемѣняли только лошадей, заготовляемыхъ для нихъ на каждой станціи. Передъ Екатериноградомъ, гдѣ путь былъ особенно опасенъ, присоединилась гребенская сотня съ двумя казачьими орудіями, подъ командой полковника графа Стенбока. Государь любовался джигитовкой гребенскихъ казаковъ и, подозвавъ къ себѣ Стенбока, сказалъ ему: «Все хорошо у тебя, но долженъ сказать, что эполеты къ бородамъ, и бороды къ эполетамъ ужасно не идутъ». Въ Екатериноградѣ, нѣкогда служившемъ штабъ-квартирою нашихъ Нижегородцевъ, государь ночевалъ, и въ память своего пребыванія, пожаловалъ станицѣ 40 тысячъ рублей на возобновленіе пришедшаго въ ветхость стараго собора. Онъ также сдѣлалъ распоряженіе объ исправленіи тріумфальныхъ воротъ и приказалъ сохранять ихъ, какъ памятникъ екатерининскаго вѣка ([14]).

Изъ Екатеринограда государь выѣхалъ опять верхомъ на прекрасномъ кабардинскомъ иноходцѣ, приказавъ слѣдовать за собой и конвою; но иноходецъ шелъ такъ шибко, что конвой едва поспѣвалъ за нимъ полнымъ карьеромъ, и мало по малу сталъ отставать. Государь дорогой разспрашивалъ Фирсова, скакавшаго рядомъ, о крѣпости Нальчикѣ, о горѣ Бештау, о Машукѣ и другихъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ. Разстояніе до станицы Прохладной, въ 22 версты, государь сдѣлалъ въ 40 минутъ, но прибылъ въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ казаковъ. Прохладная встрѣтила государя съ хлѣбомъ и солью, поставленнымъ на особомъ столикѣ. Государь, благодаривъ стариковъ за ихъ боевую пограничную службу, выпилъ большую чарку водки, закусилъ чернымъ хлѣбомъ и, пересѣвъ въ экипажъ, отправился въ Пятигорскъ. Тамъ онъ осмотрѣлъ минеральныя воды, и черезъ Георгіевскъ проѣхалъ въ Ставрополь, куда прибылъ 17-го октября въ 7 часовъ вечера. Конвой опять опоздалъ,

потому что послѣднія 210 верстъ государь проскакалъ менѣе, чѣмъ въ 10 часовъ времени ([15]).

Такъ окончилось путешествіе императора Николая по Кавказу, ближе ознакомившее его съ этою боевою окраиной, и оставившее въ немъ чувство глубокаго уваженія къ геройской арміи, стоявшей непреоборимою стѣною на стражѣ русской земли.



Крестъ въ память Николая I въ Тифлисѣ.

Русскіе дезертиры въ Тегеранѣ.

ГЛАВА VIII.
Альбрандтъ и его миссія въ Персіи.
(1838 г.).

Батальонъ русскихъ дезертировъ на службѣ шаха.—Воля императора Николая о возвращеніи этого батальона на родину.—Выборъ для этой цѣли Альбрандта и Яневича.—Прошлое Альбрандта.—Успѣшная пропаганда его въ Тавризѣ.—Краснорѣчивый мулла и русскій солдатъ балагуръ.—Отправленіе части дезертировъ на родину, и встрѣча ихъ подполковникомъ Баратовымъ.—Альбрандтъ въ Тегеранѣ.—Противодѣйствіе персіянъ.—Сцена передъ домомъ русскаго консульства.—Мужество Альбрандта покоряетъ ему сердца дезертировъ.—Свиданіе его съ Самсонъ-ханомъ.—Дѣятельность Яневича.—Полковникъ персидской службы Скрыплевъ.—Русская пѣсня въ Тегеранѣ.—Праздникъ 6-го декабря.—Поступокъ Скрыплева.—Волненіе тегеранской черни.—Приготовленія къ походу.—Ночное молебствіе.—Выступленіе батальона, и прибытіе его въ Россію.—Награды Альбрандту.—Дальнѣйшая судьба дезертировъ.

На страницахъ полковой исторіи мы должны отвести мѣсто разсказу о своеобразномъ, исполненномъ опасностей, подвигѣ капитана Нижегородскаго полка Альбрандта, возвратившаго родинѣ многочисленныхъ, отверженныхъ ею дѣтей, искавшихъ себѣ пристанища въ

землѣ иновѣрной, у персидскаго шаха. Отношеніе этого эпизода къ исторіи полка тѣмъ замѣчательнѣе, что и другими сподвижниками Альбрандта въ этомъ трудномъ дѣлѣ были также Нижегородцы—поручикъ Яневичъ и подполковникъ князь Баратовъ.

Въ Персіи, въ различныхъ пограничныхъ ея областяхъ съ Россіею, съ давнихъ поръ стали образовываться болѣе или менѣе значительные зародыши русскаго бѣглаго населенія, вреднаго для насъ уже потому, что оно служило пагубнымъ примѣромъ для другихъ и облегчало имъ средства къ побѣгу. Замѣчательнѣйшимъ изъ бѣглецовъ того времени, по своему высокому положенію, занятому въ Персіи, былъ старый вахмистръ Нижегородскаго полка Самсонъ Яковлевичъ Макинцовъ, или какъ его называли Самсонъ-ханъ, находившійся уже въ рангѣ генералъ-лейтенанта (1). Малороссіянинъ по происхожденію, онъ былъ уроженецъ Ставропольской губерніи, и бѣжалъ изъ Россіи еще во времена Циціанова. Какъ человѣкъ умный, и притомъ обладавшій несомнѣнно боевыми качествами, онъ принятъ былъ въ персидскую службу прямо офицеромъ, и первый подалъ шаху мысль сформировать изъ русскихъ дезертировъ батальонъ, который и получилъ въ свое командованіе, съ званіемъ серхенга, т. е. полковника. Это было началомъ его военной карьеры, доставившей ему въ Персіи богатства, почести и общее уваженіе. Батальонъ, созданный имъ, не замедлилъ оказать рядъ боевыхъ подвиговъ, свойственныхъ русскому солдату, и его заслуги въ Курдистанѣ, побѣды надъ турками и, наконецъ, штурмъ Герата доставили ему названіе «Бехадырана», т. е. батальона богатырей (2). Вырвать изъ рукъ персіянъ подобный батальонъ, считавшійся опорою цѣлаго войска, было дѣломъ почти невѣроятнымъ, а между тѣмъ сдѣлать это было нужно во что бы то ни стало.

Въ 1837 году, когда императоръ Николай Павловичъ выразилъ свою непремѣнную волю, чтобы русскій батальонъ, существовавшій въ Персіи, былъ возвращенъ въ отечество, по приказанію государя тогда же было передано объ этомъ нашему полномочному министру, чтобы онъ склонилъ шаха къ добровольной уступкѣ, а въ случаѣ отказа покинулъ Тегеранъ вмѣстѣ со всѣми членами миссіи. Персіи, такимъ образомъ, грозилъ разрывъ, а, можетъ быть, и война съ Россіею. Шахъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы инициатива этого дѣла шла отъ русскаго правительства. Послѣ такого отвѣта кавказскому начальству оставалось только пріискать способъ, чтобы какъ можно скорѣе осуществить желаніе государя.

Посылать для этого въ Персію вооруженную команду признано было на столько же опаснымъ, на сколько и безполезнымъ. Здѣсь нуженъ былъ человѣкъ, который съумѣлъ бы подѣйствовать на бѣглецовъ одною силой убѣжденія. И такой человѣкъ нашелся. Это былъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Альбрандтъ, занимавшій въ то время должность старшаго адъютанта при штабѣ Кавказскаго корпуса.

Прошлое его было весьма замѣчательно (³). Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ былъ уроженецъ Херсонской губерніи и выросъ въ раздольныхъ степяхъ Новороссіи въ полѣ и на конѣ. Гражданская служба, въ которую онъ поступилъ по желанію отца, вовсе не соотвѣтствовала его наклонностямъ, и послѣ тринадцатилѣтнихъ мытарствъ по разнымъ канцеляріямъ, онъ вышелъ наконецъ въ отставку, и въ 1832 году, уже не въ молодыхъ лѣтахъ, пріѣхалъ на Кавказъ волонтеромъ.

Здѣсь первые шаги свои Альбрандтъ ознаменовалъ подвигомъ блестящей храбрости и тяжелыми ранами. Какъ простой волонтеръ, онъ пошелъ съ охотниками штурмовать гимринскую башню, гдѣ заперся Кази-мулла, и, первый вскочивъ въ амбразуру, былъ прострѣленъ тремя ружейными выстрѣлами въ грудь, въ правое плечо и въ лѣвую ногу. Этотъ подвигъ едва не стоилъ Альбрандту жизни, но за то изъ коллежскихъ ассесоровъ онъ былъ переименованъ прямо въ штабсъ-ротмистры съ зачисленіемъ по кавалеріи, а 7-го сентября 1835 года переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ капитаномъ.

Такъ совершилась перемѣна въ судьбѣ и въ жизни Альбрандта.

Изъ цѣлаго ряда экспедицій, въ которыхъ пришлось ему участвовать потомъ на правомъ флангѣ и на берегу Чернаго моря, одна получила для него особенно важное значеніе. Это было 7-го іюня 1837 года, когда эскадра, перевозившая русскій дессантъ, приблизилась къ мысу Адлеръ, лежавшему въ землѣ Цебельдинцевъ. Прибрежный лѣсъ былъ занятъ толпами непріятеля,—и Альбрандту выпала честь командовать охотниками, которые должны были первыми выйти на берегъ. Альбрандтъ съ восторгомъ принялъ это опасное порученіе, и какъ на праздникъ одѣлся въ новый мундиръ съ блестящими эполетами и эксельбантами. Достигнувъ берега подъ страшнымъ огнемъ, охотники быстро захватили опушку лѣса, но, къ сожалѣнію, не остановились на этомъ, двинулись дальше и были окружены непріятелемъ. Назадъ уже пришлось пробиваться штыками, и здѣсь-то произошелъ одинъ изъ самыхъ кровавыхъ

эпизодовъ цебельдинской экспедиціи. Выстрѣлы въ лѣсу смолкли, и изъ его глубины доносился только лязгъ холоднаго оружія, да дикіе крики сражавшихся. Около Альбрандта люди падали десятками; почти на его глазахъ изрубленъ былъ Александръ Марлинскій (Бестужевъ), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей тридцатыхъ годовъ,—и тѣло его осталось въ рукахъ непріятеля; офицеры были перебиты почти всѣ, и если уцѣлѣлъ самъ Альбрандтъ, то этимъ, по собственному признанію, онъ былъ обязанъ только отчаянной храбрости двухъ молодыхъ солдатъ изъ поляковъ, которые защищали его самоотверженно, и выползли изъ лѣса, покрытые сами тяжелыми ранами. Только 80 охотниковъ и вернулось назадъ изъ этого страшнаго лѣса, но за то горцы, отвлеченные боемъ, дали время дессантному отряду выйти на берегъ и укрѣпить свой лагерь. Покрытый кровью, съ лицомъ, почернѣвшимъ отъ порохового дыма, но съ глазами еще блестѣвшими всѣмъ пыломъ боевой отваги, Альбрандтъ явился къ барону Розену, и долженъ былъ выслушать отъ него суровое замѣчаніе за свою запальчивую храбрость. Но исполнивъ свой долгъ, Розенъ обнялъ Альбрандта и тутъ же поздравилъ его съ орденомъ Владиміра 4 ст.

На этомъ-то человѣкѣ и остановилъ свой выборъ новый командиръ Кавказскаго корпуса генералъ-адъютантъ Головинъ. Трудное и опасное порученіе возлагалось тогда на Альбрандта: его посылали одного въ чужое государство, въ среду людей необузданныхъ, развращенныхъ, привязанныхъ къ Персіи многочисленными матеріальными выгодами. Онъ долженъ былъ вывести этихъ людей, несмотря на ихъ готовность къ насиліямъ и буйству, а между тѣмъ въ распоряженіи его не было ни одного вооруженнаго солдата. Ему предстояла дѣятельность не боевого офицера, даже не дипломата, а дѣятельность пропагандиста, котораго горячее слово, восторженный духъ и пламенная рѣчь должны были покорить умы и сердца закоренѣлыхъ преступниковъ.

Такъ именно и понялъ Альбрандтъ свое назначеніе.

Отправляя его изъ Тифлиса, генералъ Головинъ назначилъ въ помощь къ нему еще поручика Нижегородскаго полка Яневича, который, какъ уроженецъ западныхъ губерній, долженъ былъ вліять на поляковъ.

19-го іюня 1838 года оба они прибыли въ Тавризъ. Часть батальона находилась въ то время подъ Гератомъ, который осаждали персіяне, а другая была расквартирована по ближнимъ деревнямъ, гдѣ почти каждый солдатъ имѣлъ свою осѣдлость. Эта-то послѣдняя часть, послѣ мно-

гихъ хлопотъ и усилій, собрана была наконецъ по настоянію Альбрандта около замка Уджана. Озлобленные требованіемъ русскаго правительства, дезертиры явились большею частью пьяные, и въ своей персидской одеждѣ, съ небритыми бородами, напоминали скорѣе всего толпу ожесточенныхъ разбойниковъ. Персидскій чиновникъ въ присутствіи Альбрандта объявилъ имъ требованіе русскаго государя; но онъ тутъ же прибавилъ, что шахъ предоставляетъ на волю каждаго изъ нихъ вернуться въ свое отечество или нѣтъ, но что во всякомъ случаѣ ихъ жены и дѣти должны оставаться въ Персіи. Слова эти, исполненныя тайнаго коварства, произвели на дезертировъ самое удручающее впечатлѣніе. Альбрандтъ это понялъ, и смѣло подойдя къ толпѣ, привѣтствовалъ ее отрывисто и громко: «Здорово ребята! Здорово русскіе!» Толпа отвѣчала злобными взглядами, бранью и дерзкими угрозами. Это не смутило Альбрандта.

— Богу и государю,—нашему русскому государю,—продолжалъ онъ твердо:—угодно, чтобы вы возвратились въ отечество. Я присланъ, чтобы призвать васъ къ долгу чести и присягѣ. Я исполняю дѣло, благословенное Богомъ, и не страшусь смерти, которою вы мнѣ угрожаете.

Онъ началъ говорить имъ о величіи Россіи, о милосердіи государя, о славѣ пролить свою кровь за отечество, о безславіи служить царю иноземному, въ землѣ чужой, гдѣ нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, ни Божьяго храма, гдѣ они гибнутъ въ безвѣріи, какъ Богомъ отверженные люди. Долго и горячо говорилъ Альбрандтъ, волнуемый и состраданіемъ къ этому несчастному люду, и тоскою по родинѣ, которую самъ не видалъ семь лѣтъ. И пламенное слово его имѣло такую неотразимо-обаятельную силу, что грубая и своевольная толпа, наконецъ, поколебалась. 35 человѣкъ вышли впередъ и объявили, что они готовы возвратиться въ Россію. Мятежная рѣчь остальныхъ уже не имѣла послѣ того никакого вліянія. Альбрандтъ безъ труда арестовалъ наиболѣе буйныхъ коноводовъ и заключилъ ихъ въ тюрьму. Но онъ ежедневно приходилъ въ ихъ камеры, подолгу бесѣдовалъ съ ними, доказывая правоту русскаго дѣла, чистоту своихъ намѣреній. Изъ разговоровъ съ ними онъ понялъ, что главною причиною упорства было нежеланіе ихъ разстаться съ своими семействами, и чувства эти были настолько естественны, что Альбрандтъ рѣшилъ забрать съ собою въ Россію и женъ и дѣтей, вопреки повелѣніямъ шаха. Когда ему, при нѣкоторой хитрости, удалось это исполнить, тогда дезертиры уже поголовно, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, разомъ изъявили

желаніе возвратиться въ отечество. Напрасно персіяне старались отговорить ихъ отъ этого намѣренія, выставляя Альбрандта, какъ гнуснаго обманщика и лицемѣра. Одинъ мулла въ припадкѣ краснорѣчія даже воскликнулъ:

— Мнѣ жаль не васъ, а ваши погибшія души; вы могли бы быть хорошими мусульманами, а возвратясь въ Россію, вы не найдете оттуда прямой дороги къ раю. «Что же намъ дѣлать?»—возразилъ ему одинъ изъ русскихъ балагуровъ: «Насъ требуютъ – и мы идемъ. А если вамъ извѣстна дорога въ рай,—ступайте впередъ: мы придемъ по вашимъ слѣдамъ съ генераломъ Паскевичемъ, и выгонимъ васъ оттуда». Взбѣшенный мулла едва не поднялъ на ноги все населеніе Тавриза, и только вмѣшательство чаушей предотвратило кровавое столкновеніе. Медлить послѣ этого было уже не благоразумно, и Альбрандтъ, наскоро собравъ дезертировъ вмѣстѣ съ ихъ семьями, ночью выпроводилъ ихъ къ русской границѣ. Тамъ на Араксѣ ихъ встрѣтилъ третій офицеръ Нижегородскаго же полка подполковникъ Баратовъ, высланный главнокомандующимъ для сопровожденія дезертировъ въ Тифлисъ. Сдѣлать для этой цѣли выборъ офицера было не легко, потому что первыя впечатлѣнія дезертировъ на родинѣ могли быть чрезвычайно важны въ смыслѣ моральнаго вліянія на остальныхъ, еще остававшихся въ Персіи. Здѣсь нуженъ былъ не сухой, бездушный формалистъ, а человѣкъ сердца, который могъ бы проникнуться высокимъ значеніемъ евангельскихъ словъ: «сей братъ твой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся». И Баратовъ оказался на высотѣ своей задачи. Въ его сердечномъ отношеніи къ людямъ, искупившимъ свой грѣхъ глубокимъ раскаяніемъ, въ его заботахъ о ихъ семьяхъ, дезертиры увидѣли привѣтъ и святое прощеніе родины.

Въ то время какъ обозъ переселенцевъ тянулся по дорогамъ къ Араксу, Альбрандтъ спѣшилъ въ Тегеранъ, чтобы и тамъ исполнить свою миссію, такъ какъ гератскій походъ окончился, и русскій батальонъ возвратился домой. Но въ Тегеранѣ ему предстояло препятствій еще болѣе, нежели въ Тавризѣ. Персидское правительство, не вѣрившее сначала въ возможность вывода перебѣжчиковъ, было испугано успѣхомъ русской пропаганды, и спѣшило принять свои мѣры, чтобы затормозить это дѣло; даже самъ шахъ. косвеннымъ образомъ, побуждалъ батальонъ не соглашаться, объявивъ солдатамъ, что силой ихъ къ этому никто не принудитъ. Настроенные персіянами, дезертиры объявили, что не

войдутъ съ Альбрандтомъ ни въ какія сношенія, пока онъ не предъявитъ имъ манифеста государя о прощеніи. Такого манифеста не было, и персіяне, зная это, надѣялись выставить ненавистнаго имъ Альбрандта, какъ низкаго и гнуснаго обманщика; они даже подговаривали дезертировъ убить его, — и это случилось бы неизбѣжно, будь на мѣстѣ Альбрандта человѣкъ менѣе крѣпкій духомъ, отвагой и самопожертвованіемъ.

Однажды цѣлая толпа дезертировъ привалила къ дому русскаго консула и настойчиво потребовала къ себѣ Альбрандта. Впереди всѣхъ стоялъ угрюмый старикъ, очевидно руководившій буйною ватагой. Альбрандтъ не захотѣлъ уклониться отъ явной опасности, — и, смѣло приблизившись къ толпѣ, сталъ говорить ей, какъ всегда, пламенно, восторженно, стараясь пробудить молчавшую въ нихъ совѣсть. Толпа безмолвствовала, и лишь нѣкоторые самые дерзкіе люди пытались перебить его рѣчь. Тогда старикъ повелительнымъ жестомъ побуждалъ ихъ къ молчанію. Но по напряженнымъ мускуламъ блѣднаго лица и по зловѣщему блеску его впалыхъ глазъ видно было, что не почтеніе руководило имъ въ этомъ случаѣ, что онъ только молча копилъ въ душѣ ядъ желчнаго отвѣта. «И ты затѣмъ пришелъ сюда,—воскликнулъ онъ наконецъ,— чтобы сладкими рѣчами выманить насъ въ Россію! Такъ знай же, тебѣ у насъ не сдобровать!» Съ этими словами въ рукахъ его сверкнуло лезвіе персидскаго кинжала. Альбрандтъ вспыхнулъ. Онъ быстро подошелъ къ старику и распахнулъ свою грудь. «Старикъ!» вскричалъ онъ: «Ты вздумалъ стращать меня смертью! Ты думаешь, что мнѣ дорога жизнь, которою не разъ я жертвовалъ въ честномъ бою съ врагами отечества! Такъ вотъ тебѣ грудь моя... Я умру; но, умирая, я заклеймлю тебя ужаснымъ проклятіемъ. Слова твои не отъ Бога, а отъ дьявола, который губитъ тебя!»

Какъ ни просты были эти слова, но страстное увлеченіе Альбрандта, и его обнаженная грудь, на которой кровавымъ пятномъ горѣла славная гимринская рана, имѣли за собой такую власть, что старикъ выронилъ изъ рукъ кинжалъ, затрясся и упалъ на колѣни. Онъ долго рыдалъ, и обнимая ноги Альбрандта, повторялъ: «Убей, или прости меня». Растроганный драматичностью своего положенія, Альбрандтъ наклонился къ старику и, положивъ на его голову руки, произнесъ: «Богъ и русскій государь прощаютъ тебя!» Все это произошло такъ неожиданно, что буйная ватага, пришедшая съ явно враждебною цѣлью,

пала на землю, и тутъ же изъявила желаніе итти за Альбрандтомъ всюду, куда бы онъ ни повелъ ее.

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Но сколько трудностей оставалось еще впереди! Однимъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ въ предстоящемъ дѣлѣ было могущественное противодѣйствіе Самсонъ-хана, опасавшагося съ уходомъ батальона утратить свое значеніе въ Персіи. Альбрандтъ рѣшился видѣться съ нимъ, чтобы испытать и надъ его сердцемъ силу своего убѣжденія. Онъ хорошо понималъ, что этого человѣка, составившаго себѣ въ новомъ отечествѣ имя, связи и богатства, невозможно склонить къ возврату на родину, гдѣ ему неизбѣжно предстояло потерять два первыя преимущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ Альбрандтъ зналъ, что этотъ удивительный Самсонъ-ханъ, несмотря на долгое пребываніе между мусульманами, сохранилъ въ себѣ русскую душу и горячую привязанность къ родной православной вѣрѣ. Было извѣстно, напр., съ какою настойчивостью онъ требовалъ, и добился разрѣшенія поставить въ одной изъ деревень, пожалованныхъ ему въ Адербейджанѣ, православный храмъ, который поражаетъ своею необычайностію въ краѣ, не терпящемъ явнаго исповѣданія христіанской религіи. Въ одной изъ комнатъ его огромнаго дома устроена была также часовня, при которой всегда находился священникъ, сопровождавшій его и во всѣхъ походахъ. Альбрандтъ и рѣшился дѣйствовать на религіозное чувство этого стараго человѣка.

Самсонъ-ханъ принялъ его, окруженный вліятельнѣйшими людьми батальона. Сначала онъ горячо оспаривалъ доводы Альбрандта, но когда послѣдній коснулся чувствительной струны его сердца и сталъ говорить о грѣхѣ, который онъ принимаетъ на себя, удерживая столькихъ христіанъ отъ исполненія обязанностей ихъ вѣры, о томъ, что богатства, слава и почести не спасутъ его ни отъ мукъ поздняго раскаянія, которое неизбѣжно наступитъ, ни отъ страшнаго послѣдняго отвѣта за гробомъ—старикъ поколебался. Онъ подалъ Альбрандту руку и обѣщалъ не мѣшать больше выводу батальона. Съ этихъ поръ число желавшихъ возвратиться на родину стало рости все болѣе и болѣе. Упорствовала главнымъ образомъ только польская рота, связавшая себя взаимною клятвой скорѣе бѣжать изъ Тегерана въ Индію, чѣмъ возвратиться въ ненавистную имъ Московію. Дѣйствовать на нихъ пришлось уже Яневичу, человѣку еще молодому, но умному и разсудительному. Примѣрами исторіи онъ сталъ доказывать ненадежность за-

щиты, которую имъ обѣщали англійскіе атенты; указалъ на послѣдній польскій мятежъ, когда всѣ усилія чужеземныхъ правительствъ не могли преодолѣть твердой воли русскаго государя и измѣнить его предначертаній; поставилъ имъ въ примѣръ себя самого,—и поколебалъ ихъ рѣшимость на столько, что мало по малу всѣ они изъявили желаніе возвратиться въ Россію.

Много обязанъ былъ Альбрандтъ усердію въ этомъ дѣлѣ и самого батальоннаго командира, полковника персидской службы Скрыплева, который хотя по родственнымъ связямъ и не хотѣлъ возвращаться, но какъ землякъ Альбрандта, сблизился съ нимъ отрадными воспоминаніями о родинѣ. Онъ бѣжалъ еще юношей во время послѣдней персидской войны, которую началъ прапорщикомъ Нашебургскаго пѣхотнаго полка; въ Персіи онъ сдѣлалъ быструю карьеру, женившись на дочери Макинцева, доставившаго ему покровительство сильной и знатной родни. Вліяніе такого человѣка было для насъ очень полезно; но тѣмъ не менѣе, какъ ни успѣшно шла пропаганда, батальонъ «бехадыранъ» все еще продолжалъ свое существованіе. Знакомый барабанный бой по утрамъ, и звуки музыки при смѣнѣ карауловъ, тревожили Альбрандта и не давали ему покоя. Звуки эти точно требовали, чтобы онъ до конца не оставлялъ своей благородной миссіи, и восторженный Альбрандтъ принимался за дѣло пропаганды съ новою силой и энергіей.

Какъ только собралось возлѣ него болѣе ста человѣкъ, онъ, знавшій по опыту, какія отрадныя чувства пробуждаетъ на чужой сторонѣ родная, полузабытая пѣсня, тотчасъ сформировалъ хоръ, котораго въ батальонѣ никогда не существовало. И вотъ, однажды, среди глубокой тишины тегеранской ночи раздалась громкая, звучная пѣсня, пугая персіянъ и потрясая сердца тѣхъ закоренѣлыхъ людей, которые оставались еще въ батальонѣ. И пѣсня русская сдѣлала то, чего еще не сдѣлало слово Альбрандта. Прошло нѣсколько дней,—и весь батальонъ, состоявшій изъ четырехъ холостыхъ и одной женатой роты, въ составѣ 385 человѣкъ, находился уже въ его распоряженіи.

Приближалось 6-е декабря, день тезоименитства императора Николая Павловича. Напоминаніями объ этомъ событіи и приготовленіемъ къ празднованію его Альбрандтъ заранѣе внушилъ батальону сознаніе важности и святости этого дня. Утромъ 6-го декабря отслужено было молебствіе, и Альбрандтъ привѣтствовалъ батальонъ подъ восторженные

крики «ура!» и звуки народнаго гимна, быть можетъ впервые огласившаго тогда улицы Тегерана. Все это настроило чувства присутствовавшихъ такъ, что бывшій командиръ батальона полковникъ Скрыплевъ первый поднялъ бокалъ и воскликнулъ: «Здоровье государя императора!»

— «Ты не смѣешь пить за здоровье нашего государя! Ты измѣнникъ! Пей за здоровье персидскаго шаха!» зашумѣли солдаты. Бокалъ выпалъ изъ рукъ Скрыплева, и онъ, обратившись къ Альбрандту, сказалъ: «Я иду съ вами вмѣстѣ съ моимъ батальономъ». Альбрандтъ нѣсколько встревожился, опасаясь, какъ приметъ это извѣстіе самъ Самсонъ-ханъ, повидимому не разсчитывавшій разставаться съ своею дочерью. Но Самсонъ-ханъ, узнавъ о томъ, призвалъ Скрыплева и сказалъ ему: «Поѣзжай, и бери съ собой мою дочь; я только попрошу Альбрандта, чтобы онъ позволилъ послать съ тобой моего довѣреннаго, который увидитъ, какъ ты устроишься и, возвратившись, меня успокоитъ». О своемъ собственномъ рѣшеніи старикъ не говорилъ ни слова; да ему, пользовавшемуся особымъ расположеніемъ шаха, и трудно было на что-нибудь рѣшиться. Альбрандтъ понималъ это, и никогда не говорилъ съ нимъ о возвращеніи.

Между тѣмъ тегеранская чернь начинала волноваться. На площадяхъ стали появляться шумныя сборища, и требовали выдачи женщинъ, которыхъ будто бы силой уводили въ Россію. Всѣ обстоятельства напоминали время, предшествовавшее кровавымъ днямъ истребленія русской миссіи въ 1829 г., и положеніе Альбрандта было ничѣмъ не лучше положенія Грибоѣдова. Чтобы утишить волненіе, онъ нашелъ необходимымъ уступить народу, и выдать ему семейства, предупредивъ солдатъ, чтобы они въ назначенный день и часъ сами выкрали ихъ изъ домовъ, и вывезли въ безопасное мѣсто за городомъ. Какъ на кинжалахъ стоялъ послѣ этого случая Альбрандтъ въ персидской столицѣ.

Нужно было уходить какъ можно скорѣе, а между тѣмъ батальону слѣдовало получить еще жалованье за гератскій походъ, и Альбрандтъ, зная, какъ русскій солдатъ дорожитъ заслуженной копѣйкой, настаивалъ на немедленной выдачѣ имъ не только денегъ, но аммуниціи и даже ружей, которые персіяне отобрали отъ батальона; онъ хотѣлъ, чтобы солдаты его видѣли, что возвращаются въ Россію не какъ дезертиры, а какъ честные воины съ оружіемъ въ рукахъ.

Когда все было улажено, и дезертиры тайно вывезли свои семейства

за городъ, Альбрандтъ ночью прискакалъ въ батальонъ и ударилъ тревогу.—Ребята! крикнулъ онъ солдатамъ: мы сейчасъ уходимъ въ Россію! Говорите—кто изъ васъ за Царя и святую Русь? Кто за поганую Персію?—«Идемъ, всѣ идемъ!» отвѣчали солдаты единодушно.

Въ самую полночь, при полномъ блескѣ луны, отслужено было напутственное молебствіе. Глубокое безмолвіе въ рядахъ батальона, слабый свѣтъ свѣчей, озарявшій темные лики иконъ, и священника въ полномъ облаченіи, пробуждало у всѣхъ невыразимыя чувства. Альбрандтъ, да и всѣ русскіе люди, возвращавшіеся къ своему священному долгу, ощущали потребность молиться, и молились отъ всей души, призывая благословеніе Божіе на предстоящій походъ.

Тихо, безъ барабаннаго боя, выступилъ батальонъ изъ Тегерана. Сдѣлавъ не болѣе ста шаговъ, ему пришлось повернуть направо и итти черезъ кладбище. «По гробамъ, ваше благородіе!» невесело сказалъ одинъ изъ солдатъ. «По персидскимъ гробамъ!» отвѣтилъ на это Альбрандтъ, и приказалъ ударить въ барабаны. Когда разсвѣло, батальонъ стоялъ уже на привалѣ, въ 16-ти верстахъ отъ города, и съ нимъ были всѣ его семьи. Дальнѣйшій походъ совершился благополучно. Черезъ Тавризъ прошли съ музыкой и пѣснями, какъ бутто бы послѣ побѣды. 13-го февраля батальонъ перешелъ Араксъ, и послѣ труднаго зимнаго похода, 5-го марта 1839 года, вступилъ, наконецъ, въ Тифлисъ.

Заслуга, оказанная Альбрандтомъ, награждена была щедро. Императоръ Николай Павловичъ произвелъ его въ маіоры, черезъ два мѣсяца въ подполковники, и затѣмъ въ полковники, съ назначеніемъ состоять при Кавказскомъ корпусѣ. Блестящею дѣятельностію въ Персіи, такимъ образомъ, и заканчивается служба Альбрандта въ Нижегородскомъ полку. Впослѣдствіи, состоя при князѣ Воронцовѣ, онъ участвовалъ въ Даргинской экспедиціи, лишился правой руки, былъ произведенъ въ генералы, и умеръ въ концѣ 1849 года, эриванскимъ военнымъ губернаторомъ.

Намъ остается сказать только нѣсколько словъ о судьбѣ, постигшей нашихъ дезертировъ. По волѣ государя, годы, проведенные ими въ персидской арміи, зачтены были за дѣйствительную службу, и такимъ образомъ старики, отслужившіе свой 25-лѣтній терминъ,—ихъ было 30 человѣкъ—отпущены на родину; всѣ остальные распредѣлены были по полкамъ линейнаго казачьяго войска, а перешедшіе въ магометанство подвергнуты церковному покаянію «за вѣроотступничество, вынужденное

долговременнымъ пребываніемъ въ Персіи и крайностью». Скрыплевъ за услуги, оказанныя имъ при выводѣ батальона, зачисленъ былъ на службу сотникомъ, и, впослѣдствіи, былъ станичнымъ атаманомъ Лабинской станицы.

Самсонъ-ханъ остался въ Персіи. Значеніе его съ выводомъ русскаго батальона не только не умалилось, но когда вспыхнуло возстаніе въ Хоросанѣ, онъ явился на военномъ поприщѣ, облеченный чрезвычайными полномочіями. Взятіе Мешеда было послѣднею услугой, оказанной имъ Персіи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ томъ же 1849 году, онъ умеръ 73 лѣтъ отъ роду и похороненъ въ Сургюлѣ подъ самымъ алтаремъ сооруженной имъ церкви.

Семейство дезертира, возвращающагося на родину.

Лѣтній лагерь Нижегородцевъ подъ Царскими Колодцами.

Съ рисунка князя Г. Гагарина

ГЛАВА IX.
Экспедиція въ Нуху и событія 1839 года.
(1838—1840 гг.).

Тревожное начало 1838 года.—Смутное состояніе Закавказья.—Нижегородцы въ походѣ къ Самуру.—Тревога на Лезгинской линіи.—Появленіе самозванца въ Шекинской провинціи. — Прибытіе въ Нуху четырехъ эскадроновъ Нижегородскаго полка.—Бой 1-го сентября, и усмиреніе мятежной провинціи.—Нижегородцы на перевалѣ черезъ главный хребетъ.—Возвращеніе въ Караагачъ.—Полковое торжество—пожалованіе Александровскихъ лентъ на штандарты.—Разнорѣчивость надписей.—Приготовленія къ новому походу.—Военныя событія 1839 года.—Проѣздъ по линіи генерала Головина и отзывъ его о Безобразовѣ.—Генералъ Анрепъ и поѣздка его въ непокорныя горы.

1837 годъ, ознаменованный блестящею аварскою экспедиціею, не принесъ, однако, тѣхъ благотворныхъ результатовъ, на которые разсчитывало кавказское начальство. Напротивъ, занятіе нами Аваріи вызвало

только цѣлый рядъ новыхъ политическихъ осложненій,—и газаватъ охватилъ даже тѣ племена, которыя до сихъ поръ оставались къ нему безучастны. Южный Дагестанъ, спокойный со временъ Ермолова, теперь волновался также, и главнымъ очагомъ безпорядковъ являлись вольныя самурскія общества, черезъ которыя пожаръ проникалъ въ наши закавказскія провинціи. Въ этихъ провинціяхъ, заселенныхъ исключительно людьми шiитскаго толка, намъ нечего было бояться развитія мюридизма, съ его религіознымъ, фанатически-страстнымъ движеніемъ массъ, но за то здѣсь намъ приходилось бороться съ другимъ, не менѣе опаснымъ зломъ,—съ сепаративнымъ стремленіемъ татаръ, которое стало обнаруживаться подъ вліяніемъ все тѣхъ же дагестанскихъ событій, воскрешавшихъ въ народной памяти былыя своеволія ханскихъ временъ. Эти событія будили въ народѣ разбойничьи инстинкты,—и въ Закавказьѣ не стало безопасныхъ дорогъ даже около самаго Тифлиса ([1]).

Кубинскій мятежъ 1837 года подавленъ былъ сравнительно легко, но главные коноводы движенія все-таки успѣли бѣжать и скрыться въ горные магалы подъ покровительство общепринятаго и свято чтимаго въ горахъ обычая гостепріимства. Ихъ безнаказанность давала, между тѣмъ, поводъ кубинцамъ, помнившимъ быструю и грозную кару за бунтъ 1826 года, въ сущности менѣе серьезный,—объяснять это только слабостью правительства, а при такихъ условіяхъ не было ничего мудренаго, что въ народѣ держался упорный слухъ о возможности новыхъ, еще болѣе грандіозныхъ замысловъ.

Чтобы прекратить эти толки и наказать горные магалы, давшіе убѣжище нашимъ бѣглецамъ, въ Кубу съ весною 1838 года былъ высланъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры значительный отрядъ генерала Фези, а генералу Севарсамидзе приказано было въ то же самое время сдѣлать демонстрацію къ верховьямъ Самура со стороны Лезгинской линіи.

Послѣдній отрядъ, собранный въ селеніи Мухахи, состоялъ изъ четырехъ ротъ пѣхоты съ дивизіономъ горной артиллеріи, и Нижегородскаго драгунскаго полка, прибывшаго изъ своихъ квартиръ въ составѣ пѣшаго батальона. 18-го мая войска эти поднялись на южный склонъ Кавказскаго хребта и стали у Адамъ-Тахты, на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Здѣсь была еще зима, и глазъ, среди разсѣлинъ скалъ, встрѣчалъ только ели, да сосны, опушенныя снѣгомъ. Офицеры, посланные впередъ осмотрѣть перевалъ, вернулись съ извѣстіемъ, что дороги

Нижегородскій офицеръ въ походѣ. 5

непроходимы. Искать другого пути, однако, не было времени, и Севарсамидзе, оставивъ на горахъ весь вьючный обозъ подъ прикрытіемъ драгунъ, пошелъ налегкѣ только съ одною пѣхотою. Зимній походъ этотъ, по словамъ очевидцевъ, представлялъ собою такія неимовѣрныя трудности, что случалось итти по цѣлымъ днямъ и не находить площадки, на которой можно бы было расположиться даже такому небольшому отряду, какой былъ у Севарсамидзе. Та же суровая и дикая природа ожидала ихъ впереди, въ землѣ рутульскаго общества, примыкавшаго къ елисуйскимъ владѣніямъ. Но верстахъ въ шести отъ нашей границы Севарсамидзе получилъ извѣстіе о полномъ пораженіи мятежныхъ магаловъ и, возвратясь назадъ, распустилъ войска (2). Экспедиція прошла безъ кровавыхъ встрѣчъ съ непріятелемъ, но тѣмъ не менѣе стоила намъ много жертвъ, погибшихъ отъ трудовъ, лишеній и болѣзней. Къ глубокому сожалѣнію, въ числѣ послѣднихъ находился и самъ генералъ Севарсамидзе—одинъ изъ старѣйшихъ кавказскихъ ветерановъ, другъ и сподвижникъ еще Циціанова: онъ заболѣлъ въ походѣ, и умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ экспедиціи.

Смерть областного начальника не замедлила вызвать цѣлый рядъ происшествій на нашей кордонной линіи, такъ какъ сосѣднія общества: Джурмутъ, Капуча, Дидо и другія воспользовались этимъ, чтобы сложить съ себя всѣ обязательства, договоры и клятвы, данныя ими покойному генералу. Съ новымъ начальникомъ области они не хотѣли даже входить въ переговоры, и на его требованіе прислать въ Закаталы старшинъ – отвѣчали сборомъ значительныхъ партій на границахъ Тушетіи. На линію пришлось потребовать опять изъ Караагача пѣшій эскадронъ Нижегородскаго полка,—и только быстрое прибытіе его въ Беженьяны заставило лезгинъ одуматься и отказаться отъ своего намѣренія (3). Набѣгъ разстроился, и грозовая туча медленно поползла отъ нашихъ предѣловъ, но лишь затѣмъ, чтобы разразиться надъ сосѣднею мусульманскою провинціею.

Въ августѣ мѣсяцѣ въ одномъ изъ нагорныхъ обществъ, лежавшихъ по Самуру, появился какой-то татаринъ, называвшій себя Искандеромъ, сыномъ послѣдняго шекинскаго хана, умершаго въ Персіи. Въ Самурскихъ обществахъ всѣ знали хорошо, что это былъ самозванецъ Машади-Мамедъ, бѣжавшій изъ нухинской тюрьмы, гдѣ онъ содержался за разбои по большимъ проѣзжимъ дорогамъ, но это нисколько не помѣшало схватиться за него, какъ за предлогъ къ новымъ безпорядкамъ

и вмѣшательству въ дѣла Закавказья. Къ шекинцамъ посланы были прокламаціи, возвѣщавшія, что Искандеръ-ханъ идетъ возстановить свои наслѣдственныя права въ Шекинскомъ владѣніи, попранныя русскимъ завоеваніемъ,—и народъ, среди котораго много таилось еще приверженцевъ старой ханской династіи, приготовился встрѣтить его съ открытыми объятіями. 28-го августа пять тысячъ лезгинъ вошли черезъ Хачмазское ущеліе въ Шекинскую область, и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, двинулись къ Нухѣ. Туземные караулы или отступали безъ выстрѣла, или переходили прямо на сторону мнимаго хана. Съ каждымъ шагомъ впередъ лезгины усиливались новыми толпами татаръ, и Нуха со дня на день ожидала осады. Двѣ слабыя роты, стоявшія въ городѣ, заперлись въ старую крѣпость и пріютили въ ней же иногородныхъ купцовъ и армянъ, которымъ лезгины угрожали истребленіемъ. Казалось, что гарнизону нельзя было разсчитывать ни на какую постороннюю помощь, такъ какъ въ окрестностяхъ, ближе чѣмъ на сто верстъ, не было ни одного солдата. Но помощь пришла неожиданно.

При первыхъ слухахъ о появленіи самозванца, Безобразовъ, временно командовавшій войсками на лезгинской линіи, понялъ всю важность наступавшихъ событій, и не ожидая ничьихъ распоряженій, двинулъ къ Нухѣ двѣ роты линейнаго батальона изъ Закаталъ, и два конные дивизіона Нижегородскаго полка, 1-й и 3-й, изъ Караагача. Вслѣдъ за этими войсками долженъ былъ выступить изъ Царскихъ Колодцевъ и князь Аргутинскій съ батальономъ Тифлисскихъ егерей и четырьмя полевыми орудіями. Войска шли форсированными маршами, и вечеромъ 31-го августа драгуны уже были въ Нухѣ, куда вслѣдъ за ними явились и двѣ линейныя роты. Городскіе жители находились въ полномъ смятеніи, ожидая лезгинъ съ часу на часъ, такъ какъ передовыя партіи ихъ стояли уже передъ городомъ. Проѣзжая по улицамъ, кривымъ и тѣснымъ, гдѣ при измѣнѣ жителей каждый домъ грозилъ засадой и предательствомъ, Безобразовъ убѣдился, что защищать обширный городъ съ такимъ ничтожнымъ отрядомъ нельзя, — и рѣшилъ съ разсвѣтомъ 1-го сентября выступить въ поле на встрѣчу непріятеля.

Оставивъ крѣпость подъ охраной ея гарнизона, войска выступили изъ города въ пять часовъ утра и направились къ Кишлякскому предмѣстью: пѣхота шла по дорогѣ, драгуны спустились въ каменистую долину рѣчки Куру-чай и поддерживали связь съ милиціей князя Чавча-

вадзе, которой поручено было наблюдать за садами. Черезъ эти сады, примыкавшіе вплоть къ городскимъ строеніямъ и тянувшіеся на огромномъ пространствѣ по скатамъ и подошвамъ горъ, непріятель могъ незамѣтно подойти подъ самую крѣпость,—и Безобразовъ опасался этого не даромъ. Не отошли войска двухъ верстъ, какъ въ садахъ послышалась уже перестрѣлка, и князь Чавчавадзе далъ знать, что его атакуютъ значительныя силы. Безобразовъ поспѣшилъ къ нему на помощь, съ одной ротой. Но въ это время лезгины уже опрокинули милицію и, выйдя изъ садовъ, вдругъ двумя огромными толпами ринулись на наши разобщенныя роты; третья, еще бо̀льшая толпа ихъ, состоявшая исключительно изъ одной кавалеріи, понеслась на драгунъ. Судьба отряда, разбросаннаго по частямъ, висѣла, можно сказать, на волоскѣ. Къ счастію лезгины нигдѣ не имѣли успѣха. Четыре эскадрона Нижегородцевъ, по командѣ стараго ветерана подполковника Нечволодова, ринулись въ шашки, и, опрокинувъ скакавшія на нихъ тройныя силы лезгинъ, буквально устлали поле ихъ трупами; пѣхота отбилась ружейнымъ огнемъ и картечью. Но пока подолжался бой, Искандеръ-ханъ съ остальными войсками прошелъ уже сады и занялъ сѣверную окраину города, ближайшую къ крѣпости. Нуха очутилась во власти мятежниковъ. Тогда Безобразовъ стянулъ отрядъ, и въ ожиданіи князя Аргутинскаго, сталъ передъ городомъ въ Куру-чайской долинѣ.

Вступленіе лезгинъ и торжественный въѣздъ хана вызвали всеобщій энтузіазмъ въ городскомъ населеніи, готовомъ даже въ бѣгломъ каторжникѣ признать своего властелина. Но торжеству много мѣшало то обстоятельство, что ханъ не могъ попасть во дворецъ своихъ предковъ, находившійся въ крѣпости, и долженъ былъ любоваться имъ только издали. Къ тому же, среди восторженныхъ криковъ народа, въ городѣ безпрерывно слышались то одиночные выстрѣлы, то цѣлые залпы, которыми крѣпость обмѣнивалась съ непріятелемъ, какъ бы напоминая о тщетѣ задуманнаго предпріятія. Озлобленные жители предлагали хану разнести по камнямъ эту докучливую крѣпость; но исполнить это, когда русскіе стояли подъ стѣнами Нухи, очевидно было нельзя, и Искандеръ задумалъ сперва разбить отрядъ Безобразова, а потомъ покончить уже съ гарнизономъ, которому все равно отступать было некуда.

Въ пятомъ часу пополудни изъ городскихъ воротъ выступили тысячныя массы лезгинъ и татаръ. Скоро появился и ханскій бунчукъ,

окруженный отборною конницею. Но непріятель, выдвинувшись за городъ, остановился и сталъ укрѣплять позицію, ограничившись только ружейною перестрѣлкой. Тѣмъ не менѣе, въ виду приближавшейся ночи, Безобразовъ счелъ безполезнымъ завязывать дѣло, и приказалъ отступить на высоты, чтобы стать ближе къ большой дорогѣ, по которой ожидали Аргутинскаго. Переходъ этотъ сдѣланъ былъ въ боевомъ порядкѣ. Драгуны отходили назадъ уступами, линія черезъ линію; пѣхота двигалась правѣе ихъ одною общею колонной, имѣя на флангахъ милицію. Но едва непріятель замѣтилъ наше движеніе, какъ тотчасъ вышелъ изъ своихъ заваловъ и повелъ стремительную атаку. Тогда пѣхота остановилась и встрѣтила его батальнымъ огнемъ, а три эскадрона драгунъ моментально спѣшились, и съ барабаннымъ боемъ пошли на штыки. Все это произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что лезгины не успѣли еще сообразить откуда появилась передъ ними эта новая пѣхота, какъ 1-й эскадронъ Нижегородцевъ, обскакавъ непріятеля, уже врубился съ фланга,—и молодецкимъ ударомъ покончилъ дѣло. Потерявшіе голову подъ натискомъ съ двухъ сторонъ, лезгины обратились въ бѣгство, и драгуны, вскочившіе опять на коней, рубили и гнали ихъ до крайнихъ городскихъ строеній. Городъ, готовившійся уже къ торжеству побѣды, оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

Ночью къ Безобразову прибылъ отрядъ князя Аргутинскаго, и жители, видѣвшіе изъ города какъ подходили новыя войска, окончательно упали духомъ. Еще не успѣла заняться заря, а въ русскій лагерь явилась уже депутація почетнѣйшихъ нухинскихъ бековъ съ изъявленіемъ покорности и просьбой о помилованіи; депутація просила пощадить ихъ дома, ихъ прекрасные фруктовые и шелковичные сады, составлявшіе гордость края, ручаясь, что лезгины покинутъ городъ сами, и что русскій гарнизонъ подъ охраною жителей будетъ находиться въ полной безопасности. Безобразовъ, желавшій избѣгнуть напраснаго кровопролитія, объявилъ, что будетъ ждать цѣлыя сутки, но по прошествіи этого срока городъ подвергнется всѣмъ ужасамъ штурма. Весь день шла перестрѣлка, а съ наступленіемъ ночи скопище покинуло городъ такъ быстро, что кавалерія, поднятая по тревогѣ, едва успѣла настигнуть лезгинъ уже въ Хачмазскомъ ущельѣ и захватила до ста плѣнныхъ ([4]).

Спокойствіе въ Шекинской провинціи было возстановлено, но оно не могло быть прочно, пока Искандеръ-ханъ держался въ сосѣднемъ съ

нами рутульскомъ магалѣ, и князь Аргутинскій получилъ приказаніе сдѣлать новую диверсію къ сторонѣ Самура. 30-го сентября онъ выступилъ изъ Нухи съ отрядомъ, въ составъ котораго вошелъ и 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка. Непріятель, собранный въ огромныхъ силахъ, перегралилъ намъ путь въ Хачмазскомъ ущельѣ. Войска рвались въ бой, но Аргутинскій былъ изъ числа тѣхъ немногихъ людей, которые, не увлекаясь мишурнымъ блескомъ побѣдъ, преслѣдуютъ только самое дѣло и умѣютъ достигать результатовъ съ наименьшими потерями; здѣсь, можетъ быть болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, обнаружился тотъ характерный методъ, принятый имъ въ горной войнѣ, который впослѣдствіи онъ развилъ уже въ цѣлую систему, доставившую ему такую историческую извѣстность. Каждый разъ, какъ только непріятель обнаруживалъ намѣреніе защищаться, Аргутинскій останавливалъ отрядъ, и пользуясь значительной кавалеріей (2 эскадрона драгунъ и 13 сотенъ милиціи), двигалъ ее обходными дорогами въ тылъ, заставляя непріятеля покидать позицію за позиціей. Такъ войска поднялись на главный хребетъ, и почти неприступный перевалъ Кондоло-Маршъ былъ занятъ нами съ потерею только девяти человѣкъ ранеными (5). Далѣе итти не было надобности, такъ какъ Искандеръ-ханъ уже бѣжалъ въ персидскія владѣнія, а вмѣстѣ съ его бѣгствомъ погасли навсегда и честолюбивыя мечты его приверженцевъ. Отрядъ былъ распущенъ, и драгуны 18-го октября вернулись въ Караагачъ.

Военныя тревоги на время затихли, и конецъ 1838 года ознаменовался въ Нижегородскомъ полку мирнымъ торжествомъ—пожалованіемъ Александровскихъ лентъ на штандарты въ память столѣтняго его существованія. Ленты эти, учрежденныя по мысли императора Николая Павловича, должны были увѣковѣчить въ полкахъ, которымъ минуло сто лѣтъ со дня ихъ учрежденія, и имя державнаго ихъ основателя, и прежнія названія, и тѣ боевыя отличія, которыя они должны были передать потомству. Къ числу такихъ старыхъ полковъ принадлежалъ и Нижегородскій. Его Александровскія ленты украшены поэтому вензелями Петра, какъ учредителя полка, и Николая, какъ царствующаго государя, при которомъ праздновалось столѣтіе. На широкихъ лентахъ имѣются шитыя золотомъ надписи: съ одной стороны—«За отличія, оказанныя въ персидскую войну 1826, 1827 и 1828 годовъ», а съ другой—«1701-й годъ Жданова и 1705 годъ Игнатьева драгунскіе полки».

Чѣмъ руководствовались составители послѣдней надписи, сказать до-

вольно трудно, но историческіе факты, изложенные въ докладѣ, послужившемъ для нея основаніемъ, являются совершенно невѣрными. «Нижегородскій полкъ—сказано въ этомъ докладѣ (⁶) — сформированъ въ 1705 году изъ Нижегородскаго и Астраханскаго карабинерныхъ полковъ, кои оба учреждены императоромъ Петромъ: Нижегородскій въ 1701-мъ подъ названіемъ драгунскаго Жданова полка, а Астраханскій въ 705 подъ названіемъ драгунскаго Игнатьева». Въ дѣйствительности же Нижегородскій полкъ хотя и былъ сформированъ въ 1701 году, но подъ названіемъ драгунскаго полка Морелія, а не Жданова; Астраханскій же полкъ въ началѣ своего существованія назывался не Игнатьева полкомъ, а князя Львова, и сформированъ не въ 705, а въ томъ же 701 году. Карабинерные полки появились въ Россіи только въ царствованіе Екатерины II-й, а потому и соединеніе Нижегородскаго и Астраханскаго карабинерныхъ полковъ никакъ не могло произойти при Петрѣ въ 1705 году. Фактъ этотъ имѣлъ мѣсто гораздо позже, въ 1775 году, когда полки, возвратившіеся изъ первой турецкой войны, стояли въ Муромѣ. Ошибка эта отчасти исправлена на штандартныхъ скобахъ, гдѣ имѣется надпись: «1701 годъ. Драгунскіе полки Морелія и князя Львова». Но такимъ образомъ является уже разница между надписями на скобахъ и лентахъ, которыя и понынѣ остаются разнорѣчивыми.

Наступилъ 1839-й годъ, и войска стали готовиться къ новымъ походамъ. Это былъ годъ, замѣчательный двумя выдающимися событіями въ военныхъ лѣтописяхъ Кавказа: съ одной стороны совершалась блестящая Ахульгинская экспедиція Граббе, съ другой—войска сосредоточивались въ самурскомъ бассейнѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно подчинить его русскому владычеству, поставить въ землѣ Ахтынскаго общества крѣпость, и, такимъ образомъ, положить разъ на всегда преграду къ распространенію мятежа и безпорядковъ изъ Дагестана въ наши Закавказскія провинціи. Весь Тифлисскій егерскій полкъ потребованъ былъ на Самуръ, и въ Царскихъ Колодцахъ остался только 5-й батальонъ, слабый числомъ и составленный изъ рекрутъ и женатыхъ нижнихъ чиновъ. Послѣднее обстоятельство, кажется, и было причиной, почему Нижегородскій полкъ не попалъ въ составъ дѣйствующаго отряда, а остался въ Кахетіи, служа единственнымъ резервомъ для войскъ, выдвинутыхъ на передовую кордонную линію (⁷). Лѣто ожидалась тревожное, такъ какъ полагали, что лезгины будутъ мѣшать своими набѣгами постройкѣ укрѣ-

пленія, и Безобразовъ переѣхалъ даже въ Беженьяны, чтобы быть ближе къ центру военныхъ дѣйствій. Лѣто прошло, однако, спокойно, Ахты были построены, и Головинъ, образовавъ изъ покоренныхъ племенъ особый Самурскій округъ, связалъ его съ Лезгинскою кордонною линіею вьючной дорогой, сократившей прежній путь изъ Грузіи почти на 300 верстъ и доступный для войскъ во всякое время года. По этой новой дорогѣ проѣхалъ съ Самура и самъ главнокомандующій, возвращавшійся черезъ Рутулъ, Елису, Кахъ и Закаталы въ Тифлисъ. На пути онъ осмотрѣлъ Лезгинскую линію и нашелъ ее подъ управленіемъ Безобразова въ превосходномъ состояніи: повсюду кипѣла дѣятельность, строились посты, прорубались новыя просѣки. «Проѣзжая Джарскую область не далѣе какъ въ сентябрѣ прошлаго 1838 года»,—писалъ онъ военному министру:—«я вездѣ встрѣчалъ угрюмыя, недовольныя лица жителей; въ нынѣшнемъ году отъ Елису до Бѣлоканъ меня встрѣчали вездѣ съ непритворною радостью. На лицахъ джаро-бѣлоканцевъ уже не видно было отпечатка ненависти къ русскимъ; напротивъ, довольные настоящимъ своимъ положеніемъ, видя справедливость и безкорыстіе поставленной надъ ними власти, они съ довѣріемъ смотрятъ на начальство, пекущееся объ ихъ благосостояніи. Должно надѣяться, что спокойствіе и порядокъ, возстановленные дѣятельнымъ и благоразумнымъ управленіемъ полковника Безобразова, дадутъ отличные результаты»... Головинъ, дѣйствительно, могъ сдѣлать такое заключеніе, потому что мирное настроеніе края доказывалось уже тѣмъ, что корпусный командиръ проѣхалъ весь этотъ путь, не имѣя при себѣ другого конвоя, кромѣ вооруженныхъ жителей, а между тѣмъ дорога пролегала по вѣковымъ лѣсамъ, гдѣ каждую минуту можно было ждать нападенія (8).

То же мирное настроеніе продолжалось и при преемникѣ Безобразова генералъ-маіорѣ Анрепѣ, принявшемъ въ свое управленіе Джарскую область въ исходѣ 1839 года. Затишье, повидимому, такъ было прочно, что Анрепъ рѣшился даже на смѣлую поѣздку въ самый Анкратль, чтобы попытаться ввести въ немъ гражданское управленіе. Онъ выѣхалъ изъ Закаталъ въ сопровожденіи двухъ Нижегородцевъ: прапорщика Колюбакина и отставного капитана Шаликова; кромѣ того съ нимъ былъ переводчикъ и 33 туземныхъ милиціонера. Послѣ труднаго перевала черезъ главный хребетъ, на мѣстности совершенно пустынной, путники наши увидѣли скакавшаго на встрѣчу всадника, у котораго

лошадь вся была покрыта пѣной и пылью. Это былъ одинъ изъ старшинъ Тлессеруха, старый Хаджи-Курбанъ, торопившійся предупредить генерала объ опасности, которая угрожала ему на дорогѣ. «Ты идешь на вѣрную смерть», говорилъ онъ ему: «вернись, не предпринимай дѣла невозможнаго». — «Любезный Хаджи», отвѣчалъ генералъ: «благодарю тебя за участіе. Если бы ты предупредилъ меня въ Закаталахъ, я, можетъ быть, остался бы, но теперь поздно. Я поручилъ себя Богу, а для человѣка, ввѣряющагося Ему— нѣтъ опасностей. Возвратись, и скажи, что я ѣду вслѣдъ за тобою». На другой день около полудня путники увидѣли передъ собою первыя сакли Джурмута. Старшина аула, нѣкто Рамазанъ, выѣхалъ на встрѣчу, но вопреки обычаямъ, не пригласилъ пріѣзжихъ въ селеніе, а показалъ имъ рукою на лугъ, предложивъ расположиться на немъ. Конвой слѣзъ съ лошадей, но не разсѣдлывалъ ихъ и былъ насторожѣ. Всѣми овладѣло какое-то мрачное, тяжелое настроеніе. Между тѣмъ Рамазанъ пріѣхалъ вторично и сталъ просить генерала посѣтить «тамашу», которую въ честь его намѣрены устроить джурмутцы. Переводчикъ шепнулъ генералу: «не соглашайтесь; это ловушка, чтобы разлучить васъ съ конвоемъ». — «Скажи ему», отвѣчалъ генералъ: «что я съ удовольствіемъ принимаю приглашеніе, и что праздникъ этотъ будетъ служить для меня пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ о пребываніи моемъ среди горцевъ». Когда переводчикъ передалъ слова генерала, Рамазанъ что-то шепнулъ ему на ухо. «Что онъ тебѣ сказалъ?» спросилъ Анрепъ. «Онъ приглашаетъ меня къ себѣ въ саклю; у него есть превосходный сыръ, которымъ онъ хочетъ подѣлиться со мною. Берегись,—добавилъ онъ тихо,—это примѣта не добрая: онъ помнитъ мою хлѣбъ-соль и не хочетъ, чтобы я погибъ вмѣстѣ съ тобою». Положеніе было трудное, но Анрепъ нашелся. «Скажи Рамазану», проговорилъ онъ отчетливо, «что мы ѣдемъ вмѣстѣ; если у него есть сыръ для двоихъ, то его хватитъ и для меня». Рамазанъ смутился, но отказать въ гостепріимствѣ было нельзя. Генералъ переступилъ порогъ его сакли, съѣлъ кусокъ его сыра—и съ этихъ поръ сталъ его гостемъ, за безопасность котораго онъ отвѣчалъ своею головою. «Когда же будетъ тамаша?» спросилъ генералъ, улыбаясь. «Я отмѣнилъ ее», отвѣчалъ Рамазанъ, видимо смущенный вопросомъ.

Поутру отправились всѣ въ Тлессерухъ, и на границѣ его встрѣчены были новыми толпами горцевъ. Рядомъ съ генераломъ ѣхалъ

только Колюбакинъ, а конвой очутился далеко позади, оттертый массой тлессерухцевъ, говорившихъ, что имъ принадлежитъ право конвоировать генерала въ своей землѣ. Анрепъ останавливался въ каждомъ селеніи, вездѣ собиралъ народъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, говоря, что ѣдетъ вѣстникомъ мира и забвенія прошлаго. Такъ проѣхали весь Тлессерухъ и прибыли въ Мукратль. Здѣсь также встрѣтили генерала сотни наѣздниковъ, и только послѣ долгой бесѣды толпа, удовлетворенная въ своемъ любопытствѣ, разошлась, наконецъ, по ауламъ. Генералъ остался ночевать на площадкѣ, со всѣхъ сторонъ обставленной голыми скалами. Онъ лежалъ на буркѣ и, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, диктовалъ Колюбакину письмо къ корпусному командиру. Вдругъ передъ нимъ, подъ выступомъ утеса, мелькнула какая-то тѣнь. «Что это такое?» спросилъ генералъ. Колюбакинъ всталъ, но въ этотъ моментъ грянулъ выстрѣлъ, и пуля, пробивъ сюртукъ генерала, скользнула по ногѣ. Было уже темно, и конвой тщетно открылъ бѣглый огонь по человѣку, прыгавшему съ утеса на утесъ, какъ дикая кошка. Возмущенный вѣроломнымъ покушеніемъ, конвой генерала требовалъ мести и хотѣлъ сейчасъ же призвать тлессерухцевъ, чтобы съ ихъ помощью разнести Мукратль. Но изъ мукратльскихъ ауловъ, поднятыхъ на ноги внезапной перестрѣлкой, народъ толпами бѣжалъ сюда же, и впереди всѣхъ гази. Онъ подошелъ къ генералу и спросилъ съ волненіемъ: опасна ли рана? «Дай мнѣ свою руку», сказалъ генералъ: «вотъ пробоина, сдѣланная пулей... Скажи, гдѣ же самая пуля?... Это тебѣ доказательство, что я пріѣхалъ сюда не по своей, а по Божьей волѣ». Народъ между тѣмъ самъ разыскалъ преступника и привелъ его связаннымъ. «Судите его по вашимъ законамъ», сказалъ генералъ. Горцы удалились, а черезъ часъ гази явился обратно. «Генералъ», сказалъ онъ Анрепу: «въ этомъ дѣлѣ очевидна рука Божья. Провидѣніе хотѣло показать тебѣ чудеснымъ спасеніемъ, что божественная благодать осѣняетъ тебя. Но та же самая благодать осѣняетъ и преступника, бывшаго только орудіемъ божественнаго промысла; вотъ почему по нашимъ законамъ онъ не можетъ быть присужденъ къ смертной казни».—Что же вы съ нимъ сдѣлаете? — «По народнымъ обычаямъ— отвѣчалъ Гази:—онъ будетъ зарытъ до пояса въ землю и пробудетъ въ такомъ положеніи мѣсяцъ. Если онъ не умретъ отъ этого наказанія, то получитъ 200 палочныхъ ударовъ и будетъ отпущенъ». Генералъ приказалъ простить его.

Изъ Мукратля Анрепъ проѣхалъ мимо Гуниба и Чоха въ Казикумыхъ, а оттуда черезъ Рутулъ вьючною дорогой вернулся въ Закаталы. Смѣлая поѣздка эта имѣла послѣдствіемъ то, что почти во всѣхъ Анкратльскихъ обществахъ наибы, кадіи, старшины и муллы, выбираемые народомъ, стали утверждаться русскою властью (9). Это былъ первый опытъ вывести полудикое населеніе Лезгистана изъ состоянія самаго грубаго безначалія. Шагъ, на который рѣшился Анрепъ, былъ, конечно, преждевременнымъ, и результаты его не прочны; но тѣмъ не менѣе поѣздка его заслуживаетъ вниманія уже потому, что спокойствіе на Лезгинской линіи все-таки продержалось относительно долго, а, можетъ быть, продолжалось бы и дольше, если бы его преемники, не увлекаясь громомъ военныхъ побѣдъ, продолжали дѣло, начатое имъ и Безобразовымъ.

Палатка Безобразова.
Изъ Альбома князя Г. Гагарина.

Бивуакъ Самурской милиціи Карганова.
Изъ Альбома князя Г. Гагарина.

ГЛАВА X.
Черкеевскій походъ.
(1840—1842 г.).

Событія 1840 года.—Смерть Золотарева.—1841 годъ.—Аулъ Черкей, и его значеніе для насъ и Шамиля.—Нижегородскій дивизіонъ въ составѣ Дагестанскаго отряда.—Подполковникъ Каргановъ и самурская милиція.—Лагерь кавалеріи въ Карабудакентѣ.—Походъ къ Черкею.—Бой на переправѣ у Ахатли, и перемѣна операціоннаго плана.—Стоянка подъ Черкеемъ.—Міатлинская переправа, и взятіе Хубарскихъ высотъ.—Сдача Черкея.—Евгеніевская крѣпость.—Нижегородцы въ походѣ съ чеченскимъ отрядомъ.—Возвращеніе въ Внезапную.—Экспедиція въ Аухъ.—Подвигъ Нижегородцевъ на походѣ къ Кишень-Ауху.—Окончаніе экспедиціи.—Роспускъ отряда.—Смерть Лермонтова и Карганова.—Новое назначеніе Безобразова.—Его дальнѣйшая служба.—Новый полковой командиръ подполковникъ Постельсъ.

Спокойный на Лезгинской линіи, 1840-ой годъ оставилъ по себѣ на другихъ театрахъ кавказской войны кровавую память. Первые мѣсяцы его ознаменовались истребленіемъ русскихъ укрѣпленій на восточномъ

берегу Чернаго моря, и хотя гарнизоны этихъ укрѣпленій, погибая, оставили въ назиданіе потомства безсмертныя имена Лико, Архипа Осипова и другія, не сохраненныя исторіей,—тѣмъ не менѣе береговая Черноморская линія, стоившая столькихъ трудовъ и крови, была разорена, и ее приходилось устраивать съизнова. Рядъ политическихъ ошибокъ создалъ еще бо́льшія осложненія въ Чечнѣ, которая отъ насъ отложилась. Весь край отъ Сунжи до Андійскаго Койсу подчинился желѣзной волѣ Шамиля, принявшаго титулъ имама Чечни и Дагестана. Берега Терека, открытые послѣ бѣгства чеченцевъ, Кумыкская плоскость, равнины шамхальства—все подвержено было равной опасности. Горцы разграбили Моздокъ, и истребивъ по Сулаку два большія селенія Чиръ-Юртъ и Султанъ-Янги-Юртъ, открыли себѣ свободный путь въ шамхальство. Сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры съ Кавказскою линіею стали возможны только подъ охраною большихъ конвоевъ (1).

Нижегородскій полкъ стоялъ слишкомъ далеко отъ перипетій этой борьбы, чтобы принять въ ней непосредственное участіе, но нѣкоторые изъ его представителей, командированные въ отряды, были свидѣтелями жестокихъ битвъ, сопровождавшихъ возстаніе Чечни, и въ одной изъ нихъ, подъ Урусъ-Мартаномъ, 15-го іюля 1840-го года погибъ одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка, прапорщикъ Золотаревъ, — юноша, только что произведенный за отличіе въ нухинской экспедиціи (2). Тѣло его похоронили на самомъ мѣстѣ сраженія; но когда, спустя восемь лѣтъ, одному изъ Нижегородскихъ дивизіоновъ довелось быть на берегахъ Мартана—отъ могилы его не осталось уже и слѣда (3).

На долю 1841-го года досталось, такимъ образомъ, тяжелое наслѣдіе. Прежде всего нужно было возстановить сообщеніе линіи съ сѣвернымъ Дагестаномъ, а для этого предстояло овладѣть Черкеемъ, большимъ и многолюднымъ ауломъ, стоявшимъ въ самомъ узлѣ дорогъ, гдѣ Шамиль въ короткое время могъ собирать многочисленныя скопища. До сихъ поръ всѣ наши попытки къ овладѣнію Черкеемъ оставались безуспѣшны, и это обстоятельство, питая народную гордость черкеевцевъ, создавало въ горахъ цѣлыя легенды. Только про этотъ аулъ и могъ сказать Лермонтовъ въ своемъ «Хаджи-абрекѣ»:

...Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

Теперь рѣшено было, наконецъ, покончить съ этимъ Черкеемъ, и войска раннею весною 1841-го года стали сосредоточиваться въ двухъ пунктахъ: въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и Внезапной. Вызваны были для этой экспедиціи изъ Караагача и два конные эскадрона Нижегородскаго полка, которые, подъ начальствомъ маіора Коцебу, прибыли 29-го марта въ Внезапную. Какимъ путемъ драгуны прошли туда, свѣдѣній не сохранилось, но въ Внезапной ихъ ожидало новое приказаніе — двигаться дальше, въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ собирался Дагестанскій отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира генералъ-адъютанта Головина.

Для овладѣнія Черкеемъ собрано было, не считая кавалеріи, 25 батальоновъ пѣхоты при шестидесяти двухъ орудіяхъ—слѣдовательно, силы огромныя, далеко превышавшія тѣ, съ которыми Паскевичъ побѣдоносно окончилъ двѣ войны съ сильнѣйшими магометанскими государствами. На это обстоятельство обратилъ вниманіе даже императоръ Николай Павловичъ, писавшій Головину: «Пріучая мусульманъ видѣть, что противъ нихъ мы, вопреки стараго обычая, показываться будемъ въ такихъ большихъ силахъ, увѣримъ, что они намъ опаснѣе прежняго; а нашихъ въ той же мѣрѣ можемъ увѣрить, что они не прежніе русскіе, которые съ Паскевичемъ, въ числѣ одиннадцати тысячъ человѣкъ, уничтожили Персію и проникли до Эрзерума» (4). И въ этихъ словахъ государя много было истины,—и истины тѣмъ болѣе прискорбной, что съ такими значительными средствами мы, кромѣ взятія Черкея, почти никакихъ другихъ результатовъ въ этомъ году не добились.

Въ Шурѣ Нижегородскіе эскадроны застали своего полкового командира полковника Безобразова, вызваннаго въ отрядъ для начальствованія кавалеріей. Вмѣстѣ съ нимъ они перешли въ Карабудакентъ, и стали тамъ лагеремъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній къ походу. Сборы тянулись, однакоже, долго, около мѣсяца. Пользуясь досугомъ, офицеры не разъ цѣлыми компаніями ѣздили въ сосѣдній аулъ Буйнаки, раскинутый надъ берегомъ Каспійскаго моря, чтобы взглянуть на саклю, гдѣ жилъ Амалатъ-Бекъ, и послушать разсказы стариковъ объ этомъ дагестанскомъ наѣздникѣ, вошедшемъ въ моду послѣ того, какъ Марлинскій сдѣлалъ его героемъ одного изъ своихъ блестящихъ романовъ. «Тянуло насъ любопытство», разсказывалъ мнѣ одинъ старый Нижегородецъ, «взглянуть и на развалины крѣпости Св. Креста, отъ которой, какъ гово-

рили, остались даже земляные валы; но это было далеко, нѣсколько дней ѣзды, а на такое время покинуть лагеря было нельзя».—«А жаль», говорилъ онъ: «вѣдь эта крѣпость была колыбелью нашего полка на Кавказѣ,—и ни одному изъ насъ такъ и не удалось заглянуть въ нее, чтобы поклониться могилкамъ нашихъ предмѣстниковъ» ([5]).

Къ концу апрѣля мѣсяца въ Карабудакентъ стала подходить милиція, формируемая изъ разныхъ дагестанскихъ племенъ, и драгуны въ первый разъ увидѣли здѣсь своего однополчанина подполковника Карганова, о которомъ молва ходила по всему Дагестану. Онъ перешелъ въ Нижегородскій полкъ еще въ 1835-мъ году, и съ тѣхъ поръ все время находился при правителяхъ Казикумыкскаго и Кюринскаго ханствъ, которыя съумѣлъ подчинить своему вліянію и оградить отъ всѣхъ соблазновъ, навѣваемыхъ новымъ религіознымъ ученіемъ. По свидѣтельству барона Розена, мы только Карганову и были обязаны спокойствіемъ Казикумыка,—этого важнаго оплота, сдерживавшаго разливъ мюридизма по южному Дагестану. Умная политика Карганова разрушала всѣ подпольныя интриги и происки мюридовъ, а силу ихъ онъ отражалъ открытою силой ([6]). И казикумыкская конница, выѣзжавшая подъ его предводительствомъ, сражалась всегда съ замѣчательною стойкостью. Довольно было взглянуть на типичную фигуру Карганова, на его высокій ростъ, широкія плечи и смуглое, полное энергіи лицо, чтобы угадать въ немъ тѣ военныя качества, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на азіатцевъ. Теперь онъ привелъ съ Самура новую милицію, собранную изъ полупокорныхъ горцевъ, только за годъ передъ тѣмъ покорившихся русскимъ. Очевидно, что вліяніе, которымъ Каргановъ пользовался въ Казикумыкѣ, перешло съ нимъ на Самуръ, и милиція явилась не только прекрасно обученная строю, но отлично вооруженная и однообразно одѣтая: 250 всадниковъ—и всѣ, какъ одинъ, въ бѣлыхъ высокихъ папахахъ, въ бѣлыхъ черкескахъ и красныхъ бешметахъ. Каргановъ раздѣлилъ ее на двѣ сотни, которыя съ распущенными значками стройно прошли мимо корпуснаго командира, отвѣчая на его привѣтствіе русскимъ «ура!». Самурская милиція сразу завоевала симпатію въ отрядѣ, и Головинъ, сообщая объ этомъ военному министру, рекомендовалъ Карганова, какъ одного изъ выдающихся штабъ-офицеровъ на Кавказѣ ([7]).

Оставленная въ Карабудакентѣ, милиція Карганова разбила свой лагерь бокъ о бокъ съ Нижегородцами, и поступила въ общій составъ

кавалеріи подъ начальство Безобразова. Безобразовъ и Каргановъ—это и были центры, около которыхъ группировалась вся карабудакентская жизнь, не лишенная своей своеобразности. Какъ въ драгунскомъ лагерѣ, гдѣ высилась бѣлая палатка начальника кавалеріи, съ брошенной возлѣ нея барсовою кожею, такъ и въ самурскомъ станѣ, гдѣ рядомъ съ зеленымъ турецкимъ шатромъ стояло большое малиновое знамя, испещренное арабскими молитвами, жизнь одинаково била ключемъ; но какъ здѣсь, такъ и тамъ, она имѣла свои типичные оттѣнки. Въ то время какъ на европейской половинѣ лагеря каждый вечеръ земля ходила ходуномъ отъ драгунской присядки, гремѣла музыка, разносилась по горамъ удалая русская пѣсня, и волшебное пламя пылавшей жжонки заливалось холоднымъ редереромъ, на половинѣ азіатской — гости, усѣвшись полукругомъ съ поджатыми подъ себя ногами, слушали тихое бряцаніе чунгуры или пѣніе восточныхъ сазандаровъ. Здѣсь танцовали лезгинку—этотъ строгій классическій танецъ, не имѣвшій ничего общаго съ удалою, разухабистою русскою присядкой, а пили только виноградныя вина Кахетіи, но пили за то цѣлыми азарпешами, закусывая пучкомъ зеленой травы, или кусочками жареной на вертелѣ баранины. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ лагерѣ имѣлись свои привлекательныя стороны, и потому перебѣжчиковъ изъ одного въ другой каждый день являлось не мало. Ничего подобнаго не было въ Шурѣ, гдѣ присутствіе корпуснаго командира сдерживало проявленіе шумной веселости; и только одинъ Карабудакентъ представлялъ характерный, быть можетъ нѣсколько безшабашный уголокъ, напоминавшій старый ермоловскій Кавказъ, несмотря на всѣ усилія Головина подчинить и его суровому режиму (8).

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Наконецъ заговорили о близкомъ походѣ, и 5-го мая утромъ вся кавалерія, покинувъ Карабудакентъ, перешла въ Шуру, откуда, вмѣстѣ съ дагестанскимъ отрядомъ, двинулась наконецъ къ Черкею. Переправа черезъ Сулакъ, назначенная за Ишкартами у деревни Ахатли, не удалась, потому что горцы такъ укрѣпили противоположный берегъ завалами, что выбить ихъ однимъ артиллерійскимъ огнемъ оказалось невозможнымъ (9); подъ самымъ Черкеемъ мостъ былъ также сожженъ, и войскамъ пришлось итти кружнымъ путемъ на третью переправу, чтобы перейти на лѣвый берегъ у Міатловъ, подъ прикрытіемъ чеченскаго отряда, который къ этому времени перешелъ уже изъ Внезапной къ дер. Инчхе. Чер-

кей, которымъ мы еще такъ недавно любовались съ разстоянія близкаго пушечнаго выстрѣла, теперь очутился отъ насъ въ трехъ довольно большихъ переходахъ, и чтобы дойти до него надо было овладѣть сперва Хубарскими высотами, на которыхъ стоялъ Шамиль съ 15-тысячнымъ скопищемъ. Горцы понимали, что только черезъ эти высоты русскіе могли войти въ Салатавію со стороны Кумыкской плоскости, и потому употребили цѣлую зиму на ихъ укрѣпленія. Разсказываютъ, что когда Шамиль весною 1841 года посѣтилъ хубарскую позицію, онъ сказалъ черкеевскому старшинѣ Джамалу: «Скажи Черкеевцамъ — пусть спятъ спокойно; русскіе никогда не перейдутъ Хубара: взять его нельзя, а перелетѣть черезъ него—у нихъ нѣтъ крылій» (10). Дѣйствительно, если судить объ его укрѣпленіяхъ по тѣмъ образцамъ, которые мы видѣли уже на Ахатлинской переправѣ и въ самомъ Черкеѣ, то нельзя было не прійти къ заключенію, что атака Хубарскихъ высотъ будетъ стоить отряду огромной потери. Но другого пути не было,—и атака назначена была утромъ 15-го мая.

Пройдя версты четыре отъ дер. Инчхе, войска увидѣли передъ собою грозную хубарскую тѣснину, перерѣзанную изъ края въ край широкимъ ложементомъ со рвомъ и частоколомъ. Съ обѣихъ сторонъ этого ущелья стѣною поднимались крутыя лѣсистыя горы. Ихъ скаты и гребни усѣяны были толпами непріятеля, и тысячи винтовокъ, наведенныхъ внизъ на дорогу, грозили гибелью всему, что осмѣлилось бы появиться хотя на мгновеніе подъ этимъ убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ. Войска остановились. Десять орудій, выдвинутыя впередъ, открыли жестокій огонь по ущелью, а между тѣмъ боковые отряды, генераловъ Клугенау и Лабанцова, стремительно бросились на горы, чтобы занятіемъ гребня облегчить средней колоннѣ движеніе черезъ тѣснину. Въ лѣвомъ боковомъ отрядѣ главнымъ образомъ и разыгрался бой 15-го мая. Атака поведена была имъ съ такою энергіею, появленіе его на гребнѣ было такъ неожиданно, что самъ Головинъ принялъ сначала наши войска за горцевъ, и едва-едва не осыпалъ ихъ гранатами. Къ счастію, барабанный бой, глухо донесшійся черезъ лѣсистую гору, и затѣмъ быстрое бѣгство непріятеля изъ ложемента, очутившагося теперь подъ нашимъ огнемъ съ верхнихъ заваловъ, разрѣшили всѣ его недоумѣнія. Главная колонна тотчасъ пошла впередъ и, прорвавшись черезъ тѣснину, увидѣла передъ собой поляну, сплошь покрытую бѣгущими

толпами горцевъ. Вся кавалерія, выдвинутая подъ командой полковника Безобразова, понеслась въ погоню и гнала непріятеля до самой деревни Хубаръ, которую нашла уже покинутою жителями. Къ вечеру на эту позицію стянулись всѣ наши колонны, а утромъ получены были извѣстія, что Шамиль съ разбитымъ скопищемъ ушелъ за Андійскія горы, и что Черкей сдался наблюдательному отряду генерала Фези безъ выстрѣла. 17-го мая аулъ былъ занятъ русскими войсками, и вѣковая слава Черкеевцевъ погасла навсегда ([11]).

Первая половина задачи, лежавшей передъ Дагестанскимъ отрядомъ, такимъ образомъ была окончена; оставалась вторая половина—возвести укрѣпленіе, которое, постоянно угрожая Черкею, держало бы въ своихъ рукахъ самый входъ въ Салатавію.

Мѣсто для него избрано было на правомъ берегу Сулака, на мысу, образуемомъ обрывистымъ берегомъ рѣки и глубокимъ оврагомъ, какъ разъ напротивъ Черкея, который совершенно открытъ и возвышается амфитеатромъ въ разстояніи близкаго пушечнаго выстрѣла. Черкеевцы не безъ страха увидѣли, какъ за широкимъ рвомъ, внезапно опоясавшимъ значительный участокъ земли, быстро стали рости и подниматься крѣпкія стѣны, надъ которыми копошились сотни рабочихъ. Это были уже не тѣ, едва обнесенные колючкой, земляные валы, которые на каждомъ шагу попадались тогда въ Чечнѣ и Дагестанѣ; это была настоящая крѣпость съ каменными верками, съ просторными оборонительными казармами и даже съ башнями, обстрѣливавшими мостъ перекрестнымъ огнемъ. Третья башня, выдвинутая на лѣвый берегъ, стояла на высокомъ курганѣ при самомъ спускѣ съ салатавскихъ горъ, и защищала входъ въ селеніе со стороны Чечни и Кумыкской плоскости. Такимъ образомъ главное укрѣпленіе находилось на нашей сторонѣ; и мы, держа подъ огнемъ своихъ батарей переправу и самый аулъ, не только не теряли связи съ шамхальствомъ, но въ то же время и владѣли путями, ведущими въ нѣдра дагестанскихъ обществъ ([12]).

Пока Дагестанскій отрядъ приступалъ къ постройкѣ новаго укрѣпленія, названнаго въ честь корпуснаго командира Евгеніевскимъ, Чеченскій, подъ начальствомъ генерала-адъютанта Граббе, направленъ былъ въ землю Ауховцевъ, которымъ Шамиль угрожалъ переселеніемъ въ горы. Въ этомъ десяти-дневномъ походѣ, кромѣ двухъ-трехъ незначительныхъ стычекъ, не было никакихъ дѣлъ съ непріятелемъ; и тѣмъ

не менѣе, присутствіе въ отрядѣ Нижегородскаго дивизіона, по отзыву Граббе, было весьма полезно въ томъ отношеніи, что наша милиція дѣйствовала гораздо самостоятельнѣе тамъ, гдѣ чувствовала за собою поддержку въ драгунахъ. Къ сожалѣнію, Граббе не воспользовался тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело на ауховцевъ паденіе Черкея, чтобъ упрочить среди нихъ наше вліяніе, и, быстро перейдя ихъ земли, вышелъ на Терекъ и распустилъ войска по квартирамъ. Внезапный перерывъ военныхъ дѣйствій со стороны Чеченскаго отряда уничтожилъ всѣ результаты, добытые нами въ экспедиціи, и далъ Шамилю возможность ввести въ Аухъ значительныя силы, чтобы попытаться укрѣпить его за собою. Встревоженный этимъ, Головинъ тотчасъ потребовалъ назадъ Нижегородскій дивизіонъ, стоявшій въ Умаханъ-Юртѣ, и приказалъ ему перейти къ Внезапной, куда изъ-подъ Черкея двинулся и самъ съ большею частью Дагестанскаго отряда ([13]).

5-го іюня подъ стѣнами Внезапной стояли уже девять батальоновъ пѣхоты при 19 орудіяхъ, два эскадрона драгунъ и нѣсколько сотенъ конной милиціи; не было въ сборѣ только Карганова съ его самурскими сотнями, которымъ Головинъ поручилъ занять Хубарскія высоты, чтобы разъединить Аухъ отъ Салатавіи ([14]). Ауховцы не могли не видѣть грозы, собиравшейся надъ ихъ головами, а потому, какъ только войска сдѣлали одинъ переходъ и стали у разореннаго аула Хасавъ-Юртъ, къ Головину явилось нѣсколько старшинъ съ заявленіемъ, что народъ искренно желалъ бы покориться русскимъ, но боится муллъ и кадіевъ, поставленныхъ надъ нимъ Шамилемъ. Это давало надежду, что съ появленіемъ отряда партія людей благонамѣренныхъ одержитъ верхъ; но эти надежды, какъ увидимъ, не сбылись, или сбылись только отчасти, и то лишь при содѣйствіи нашего оружія.

6-го іюня войска двинулись по открытой равнинѣ между крутыми берегами рѣкъ Ярыкъ и Яманъ-Су. Скоро начался кустарникъ, который, дѣлаясь все выше и чаще, постепенно переходилъ въ глухой, невылазный лѣсъ. Кавалерія, слѣдовавшая въ авангардѣ, наконецъ остановилась и пропустила впередъ пѣхоту. Скоро въ лѣсу загремѣла перестрѣлка. Но пока Мингрельцы штурмовали завалъ за заваломъ, вся кавалерія, подъ командой полковника Безобразова, обскакала лѣсъ стороной, и захвативъ въ свои руки аулъ Ярыкъ-Су-Аухъ, стала на пути отступленія непріятеля. Тогда горцы кинулись вправо и разбрелись по сосѣднимъ лѣсамъ и оврагамъ, гдѣ ихъ преслѣдовать было невозможно ([15]).

На слѣдующій день, истребивъ предварительно Ярыкъ-Су-Аухъ, такъ какъ жители его сражались противъ насъ вмѣстѣ съ мюридами, войска двинулись дальше и, выйдя изъ лѣсовъ, увидѣли на горизонтѣ большой аулъ, окруженный роскошными фруктовыми садами. Это и былъ Кишень-Аухъ, главное селеніе общества. Дорога къ нему шла у подошвы голыхъ безлѣсныхъ высотъ, на вершинѣ которыхъ виднѣлись только отдѣльныя купы чинаръ и орѣшника. Между ними стояли непріятельскіе пикеты, и по временамъ мелькали зеленые и красные значки, обозначавшіе присутствіе здѣсь какого-либо наиба. Лазутчики утверждали, что за этою горою начинается дремучій лѣсъ, очерченный такими оврагами, изъ которыхъ не было другого выхода, кромѣ пути черезъ тѣ же высоты, гдѣ мы видѣли непріятельскіе пикеты. Отряду приходилось проходить у подошвы самой горы; и если непріятель дѣйствительно скрывался въ лѣсу, то стоило занять только гребень, чтобы лишить его возможности вредить намъ своимъ фланговымъ огнемъ. Посылать для этого пѣхоту, однако, было нельзя—она никогда не поспѣла бы во-время, и Головинъ поручилъ это дѣло Безобразову съ его кавалеріею.

Отдѣлившись отъ пѣхоты, Безобразовъ шагомъ подошелъ къ горѣ, и вдругъ, ринувшись на нее карьеромъ, мгновенно сбилъ непріятельскіе посты, спѣшился и захватилъ опушку съ такою быстротою, что чеченцы, не успѣвшіе выдвинуться изъ лѣса, очутились какъ бы запертыми въ своихъ невылазныхъ трущобахъ. Завязался упорный и продолжительный бой. Горцы, стремясь проложить себѣ путь на гребень, кидались въ кинжалы и шашки; два эскадрона драгунъ отбрасывали ихъ огнемъ и штыками. Такъ прошло около часа. «И во все это время», пишетъ Головинъ военному министру, «ни одна пуля не просвистала надъ нашими колоннами, тогда какъ мы могли бы быть ими засыпаны. Вмѣстѣ съ драгунами здѣсь отличилась и 1-я грузинская сотня, подъ командой храбраго ротмистра Кундухова» ([16]). Между тѣмъ на позицію, занятую драгунами, прибыли двѣ роты Мингрельскаго полка, и Безобразовъ тотчасъ отвелъ свои эскадроны въ резервъ. Головинъ дорожилъ драгунами и, посылая ихъ въ опасныя мѣста, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они не несли напрасной потери.

Съ высотъ, занятыхъ нашею кавалеріею, видно было теперь, какъ отрядъ вышелъ наконецъ на открытое мѣсто, и вся пѣхота, развернувшись въ одну линію съ батареями въ интервалахъ колоннъ, стройно пошла впередъ по волнистой и зеленѣющейся равнинѣ. «Это было зрѣ-

лище необыкновенно красивое, и по образу дѣйствій здѣшней войны можетъ быть единственное»,—отмѣчаетъ Головинъ въ журналѣ Дагестанскаго отряда. Кишень-Аухъ уже былъ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, когда изъ воротъ его вышла депутація съ просьбой остановить войска, чтобы дать время успокоиться населенію, раздѣлившемуся на партіи. Головинъ остановился. Но прошелъ часъ, другой, а изъ аула никто не являлся. Начинало вечерѣть, и медлить дольше становилось опаснымъ. Тогда Головинъ приказалъ кавалеріи спуститься съ высотъ, и, обойдя селеніе, ворваться въ него съ противоположной стороны, менѣе наблюдаемой непріятелемъ. Драгуны въ одинъ конь перебрались по страшнымъ крутизнамъ черезъ глубокій оврагъ и, обскакавъ Кишень-Аухъ, попали подъ перекрестный огонь съ трехъ сторонъ: въ нихъ стрѣляли съ кладбища, изъ крайнихъ домовъ деревни, изъ-подъ обрывистаго берега рѣчки, гдѣ засѣли выбѣжавшіе изъ селенія жители. Къ счастію, скоро подоспѣла пѣхота, подвезли орудія, и въ короткое время небольшая поляна, лежавшая между деревней и лѣсомъ, была очищена отъ непріятеля; самая деревня также была занята, но въ ней никого уже не застали.

При взятіи Кишень-Ауха вся потеря отряда, не считая милиціи, заключалась только въ 4-хъ убитыхъ и 9 раненыхъ драгунахъ, выбывшихъ поутру во время лѣсного боя. Драгуны и были героями этого дня, вмѣстѣ съ грузинскою сотней Кундухова, котораго Нижегородцы увидѣли тогда впервые: это былъ тотъ самый Кундуховъ, съ которымъ впослѣдствіи имъ приходилось водить хлѣбъ-соль, потомъ служить въ бояхъ подъ его начальствомъ, и, наконецъ, когда перемѣнчивая судьба поставила его, уже русскаго генерала, во главѣ турецкой кавалеріи, нанести ему жестокое Бегли-Ахметское пораженіе.

Войска ночевали бивуакомъ, не входя въ самое селеніе. Жаль было предавать огню красивый Кишень-Аухъ съ его огромными фруктовыми садами, и Головинъ еще разъ послалъ сказать бѣжавшимъ, что ихъ сады и имущество будутъ пощажены, если они вернутся въ дома. Но никто не явился,—и на другой день огонь и топоръ покончили съ богатымъ ауломъ, на мѣстѣ котораго только и остались печальныя головни да двѣ, пощаженныя Головинымъ, мечети. Пока пѣхота нѣсколько дней занималась дѣломъ разрушенія самой деревни, вся кавалерія истребляла на корню хлѣба и жгла огромные запасы заготовленнаго на зиму сѣна. Окрестности Кишень-Ауха были опустошены,

но дольше оставаться здѣсь не представлялось возможнымъ: съ одной стороны разливы рѣкъ прекратили всякое сообщеніе между аулами, а съ другой—Шамиль, спустившійся съ Андійскихъ высотъ, вступилъ въ Аухъ съ значительными силами, и на добровольную покорность народа разсчитывать уже было нечего. Отрядъ возвратился къ Внезапной, и четыре дня занимался еще вырубкой лѣса на восьмиверстномъ пространствѣ отъ этого укрѣпленія до Акташъ-Ауха, чтобы обезпечить отъ нападеній хищническихъ партій окрестности Внезапной. Наконецъ готова была и просѣка. Головинъ поставилъ временное укрѣпленіе возлѣ Акташъ-Ауха и возвратился съ отрядомъ къ Черкею ([17]). Драгуны остались въ Внезапной, и отсюда пошли прямо въ свою штабъ-квартиру, въ Караагачъ.

За экспедицію 1841-го года въ сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка пожаловано было 13 знаковъ отличія Военнаго ордена. Безобразовъ произведенъ въ генералы, Коцебу и капитанъ Шеміотъ получили золотыя шашки, штабсъ-капитанъ Гаевскій орденъ св. Владиміра 4-й, а поручикъ Сагатовскій и прапорщики Исаевъ и Северсамидзе-Бѣжановъ — Анну 3 ст. Кромѣ того, поручику князю Чавчавадзе и прапорщику графу Зотову объявлено монаршее благоволеніе, а капитанъ Головинъ, находившійся адъютантомъ при корпусномъ командирѣ, переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію ([18]).

Въ Черкеевской экспедиціи Нижегородцы разсчитывали увидѣться съ двумя своими старыми однополчанами—съ Руфимомъ Дороховымъ и М. Ю. Лермонтовымъ, которыхъ роковая судьба опять привела на Кавказъ помимо ихъ воли. Оба они принадлежали къ войскамъ Чеченскаго отряда, и обоихъ не было въ экспедиціи. Дороховъ лѣчился отъ ранъ, полученныхъ въ минувшемъ году, а Лермонтовъ, ѣздившій въ отпускъ, остался на возвратномъ пути въ Пятигорскѣ. Но хотя Нижегородцамъ не пришлось ихъ увидѣть, они слышали о нихъ разсказы, и не могли не интересоваться судьбою ихъ, какъ старыхъ товарищей. Имя Лермонтова достигло тогда уже колоссальной славы, а о Дороховѣ говорилъ весь Кавказъ, какъ о человѣкѣ исключительномъ и по своей фатальной судьбѣ и по тѣмъ подвигамъ, которые два раза высвобождали его изъ-подъ сѣрой шинели. Простымъ солдатомъ Нижегородскаго полка онъ началъ персидскую войну Паскевича, и кончилъ турецкую—уже поручикомъ съ золотою саблей и владимірскомъ крестомъ въ петлицѣ. Съ тѣхъ поръ прошло одиннадцать лѣтъ, и Нижегородцы встрѣтили Руфима — снова

въ прапорщичьемъ чинѣ. Судьба не благоволила къ нему: онъ былъ разжалованъ вторично, и вторично выслужившись, командовалъ въ Чеченскомъ отрядѣ охотничьей командой, составленной изъ людей самыхъ отчаянныхъ, которые съ своимъ безстрашнымъ начальникомъ проникали въ такія мѣста, куда не смѣли ходить цѣлые батальоны съ пушками.

Съ Дороховымъ Нижегородцамъ пришлось встрѣтиться еще одинъ разъ въ роковой, послѣдней для него экспедиціи 1852 года, но съ Лермонтовымъ они уже болѣе не видѣлись: онъ оставался въ Пятигорскѣ, и тамъ же, 15-го іюля 1841 года, убитъ на дуэли Мартыновымъ. Пуля прошла черезъ самое сердце. Замѣчательно, что въ этотъ день съ утра надъ Пятигорскомъ поднималась страшная туча, и, какъ нарочно, первый ударъ грома разразился въ то самое мгновеніе, когда выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю. Буря и ливень до того усилились, что нѣсколько минутъ препятствовали положить тѣло убитаго въ экипажъ. 18-го іюля были его похороны; и судьба устроила такъ, что при отданіи послѣднихъ почестей присутствовали представители всѣхъ полковъ, въ которыхъ онъ служилъ во время своей кратковременной жизни: отъ Нижегородскаго полка былъ самъ Безобразовъ, проводившій въ Пятигорскѣ лѣто послѣ черкеевской экспедиціи, отъ Тенгинскаго пѣхотнаго—Лореръ, отъ Лейбъ-гусаръ—Тиранъ, и отъ Гродненцевъ—Арнольди ([19]). Уединенная могила, вырытая на склонѣ Машука, казалась лучшимъ для него монументомъ. Но черезъ полгода тѣло покойнаго поэта перевезено было въ сел. Тарханы, Пензенской губерніи, и положено въ родовой его усыпальницѣ. Тамъ, внутри каменной часовни, гдѣ теплится неугасимая лампадка, вы увидите черный мраморный памятникъ и прочтете на немъ: «М. Ю. Лермонтовъ».

Въ томъ же году Нижегородцы съ прискорбіемъ узнали о смерти начальника самурской милиціи подполковника Карганова, послѣдовавшей вслѣдъ за черкеевской экспедиціей, гдѣ его видѣли полнаго жизни и силы. Никто не сказалъ бы тогда, что смерть уже намѣтила его своею жертвой и витала надъ его головою. Въ лицѣ Карганова понесъ утрату цѣлый Кавказъ, «ибо», какъ писалъ Головинъ, «его трудно замѣнить другимъ на мѣстахъ, имъ занимаемыхъ» ([20]).

Наступившая зима была послѣднею, проведенною полкомъ въ Караагачѣ вмѣстѣ съ Безобразовымъ, который 12-го мая 1842 года назначенъ былъ состоять при войскахъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. На

мѣсто его командиромъ полка является подполковникъ Постельсъ. Но прежде чѣмъ онъ пріѣхалъ, полку пришлось отбыть еще одинъ смотръ, произведенный военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ, который, объѣзжая Грузію, посѣтилъ и штабъ-квартиру Нижегородскаго полка. Никакихъ преданій или разсказовъ о пребываніи его въ Караагачѣ не сохранилось въ памяти старыхъ Нижегородцевъ, но извѣстно, что полкъ былъ найденъ въ отличномъ порядкѣ, и что Безобразову объявлено особое монаршее благоволеніе ([21]). Это былъ послѣдній эпизодъ, закончившій собою командованіе, вписавшее въ лѣтопись полка много свѣтлыхъ, славныхъ страницъ, и въ то же время шумное, блестящее, представлявшее собою цѣлый рядъ празднествъ, о которыхъ до сихъ поръ, по прошествіи болѣе полувѣка, вспоминаютъ въ Кахетіи. Безобразовъ жилъ открыто и широко. На Кавказѣ, впрочемъ, и всѣ такъ жили; на вѣчномъ рубежѣ между жизнью и смертью у людей шла ребромъ послѣдняя копѣйка.

Провожая Безобразова, офицеры поднесли ему на память небольшой подарокъ, не представлявшій матеріальной цѣнности, но замѣчательный, какъ по идеѣ, такъ и по чувствамъ, которыя ими руководили. Это былъ маленькій, тисненой кожи футлярчикъ, заключавшій въ себѣ портреты цѣлаго полка, сдѣланные въ размѣрѣ нынѣшнихъ визитныхъ карточекъ. Въ настоящее время подобные портреты, конечно, не представляли бы собою ничего особеннаго или оригинальнаго, но тогда, когда не было ни фотографій, ни дагеротиповъ, когда все приходилось рисовать отъ руки, это былъ подарокъ рѣдкій и выдающійся. Портреты сдѣланы карандашемъ, но настолько искусно, что по прошествіи слишкомъ 50 лѣтъ не утратили своей первоначальной свѣжести. Сколько помнятъ старые Нижегородцы, ихъ рисовалъ нѣкто Дежебури, разжалованный въ Нижегородскій полкъ изъ гвардейскихъ офицеровъ за карикатуры на тогдашняго министра финансовъ графа Канкрина ([22]).

По сдачѣ полка, Безобразовъ пробылъ на Кавказѣ еще четыре года, начальствуя войсками праваго фланга, участвовалъ въ Даргинской экспедиціи, и только въ 1846 году былъ вызванъ въ Россію, гдѣ командовалъ сперва кавалерійскою бригадою, потомъ лейбъ-гвардіи уланскимъ Наслѣдника Цесаревича полкомъ, и, наконецъ, Кавалергардами. Затѣмъ онъ послѣдовательно былъ начальникомъ 7-й кавалерійской дивизіи, командовалъ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, а въ 1864 году, когда корпуса были упразднены, онъ, въ чинѣ генерала отъ кавалеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, на-

значенъ былъ членомъ комитета о раненыхъ ([23]). Въ этой послѣдней должности, 16-го октября 1868 г., ему довелось праздновать свой пятидесятилѣтній юбилей въ офицерскихъ чинахъ, и императоръ Александръ II, желая почтить его полувѣковую службу, не нашелъ лучшей награды, какъ зачислить его въ списки Нижегородскаго полка, съ правомъ ношенія полкового мундира. Съ этимъ мундиромъ, съ которымъ у Безобразова соединялось такъ много отрадныхъ воспоминаній, онъ не разставался уже до самой своей смерти, послѣдовавшей 6-го декабря 1879 года. Онъ похороненъ въ Москвѣ на Даниловскомъ кладбищѣ, гдѣ надъ его могилой стоитъ большой мраморный памятникъ, осѣненный двумя развѣсистыми старыми липами.

Развалины замка въ окрестностяхъ Караагача.

Лагерь Нижегородскаго полка подъ Карабудакентомъ.

Изъ Альбома князя Г. Гагарина.

ГЛАВА XI.
Въ Елису и въ глубинѣ Дагестана.
(1842—1844 г.).

Новый командиръ полка подполковникъ Постельсъ.—Событія въ краѣ 42 и 43 гг. и вліяніе на нихъ елисуйскаго султана Даніель-бека.—Смутное начало 1844 года.—Назначеніе Нижегородскаго полка въ составъ Лезгинскаго отряда.—Неожиданная измѣна елисуйскаго султана.—Опасность, угрожавшая всему Закавказью.—Бой у дер. Гуллюкъ.—Тревога на линіи.—Пораженіе султана у Агатайскихъ хуторовъ.—Елисуйскій завалъ.—Блистательное участіе Нижегородскаго дивизіона на штурмѣ этого завала.—Занятіе Елису.—Потери и награды Нижегородцевъ.—Солдатскія пѣсни и полковая легенда объ этихъ событіяхъ.—Подвигъ штабсъ-капитана князя Кобулова.—Высочайшая резолюція —Дѣятельность 1-го дивизіона, и повальная болѣзнь въ Караагачѣ.—Второй періодъ военныхъ дѣйствій.—Стоянка на Адамъ-тахта.—Печальный эпизодъ въ домашнемъ быту Нижегородцевъ.—Сборъ отряда у д. Кялоло.—Нижегородцы за главнымъ хребтомъ.—Бой въ Богнадалѣ.—Разгромъ Анкратля и возвращеніе Нижегородцевъ домой.

29-го августа 1842 года въ Караагачъ прибылъ подполковникъ Эмилій Павловичъ Постельсъ, назначенный командиромъ полка на мѣ-

сто Безобразова. Это былъ видный, красивый мужчина, лѣтъ пятидесяти, которому предшествовала отличная боевая репутація. Онъ былъ лифляндецъ, но началъ военную службу въ 1812 году въ Пруссіи, подъ знаменами Наполеона. Когда же политическія обстоятельства Европы перемѣнились, онъ перешелъ въ Россійско-германскій легіонъ, и по окончаніи войны былъ принятъ въ русскую службу корнетомъ въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ. Въ этомъ полку онъ командовалъ 5-мъ эскадрономъ и особенно отличился во время польской войны въ битвѣ подъ Остроленкою: пуля раздробила ему локоть; онъ остался во фронтѣ, и только новая контузія ядромъ,—контузія настолько сильная, что у Постельса оказались переломленными ребра, заставила его покинуть сраженіе. Пролежавъ два мѣсяца въ госпиталѣ, онъ явился въ полкъ и докончилъ кампанію съ своимъ эскадрономъ. Въ 1834 году, когда Ольвіопольскій полкъ былъ расформированъ, Постельсъ перешелъ въ Клястицкіе гусары, гдѣ къ своей боевой извѣстности прибавилъ еще репутацію отличнаго фронтового офицера [1]. Въ частной жизни Постельсъ не былъ расточителенъ, но не былъ скупъ, и любилъ видѣть вокругъ себя общество. Казалось, что лучшаго полкового командира нечего бы было и желать; но у Постельса были свои недостатки, которые, какъ увидимъ, и не замедлили отразиться на полку событіями крайне прискорбными въ его домашней, внутренней жизни. Объ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь перейдемъ къ разсказу о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя въ командованіе Постельса были особенно блестящи.

Экспедиція 1841 года, поглотившая значительныя средства, не принесла никакихъ существенныхъ результатовъ, и дѣла остались въ томъ же невыгодномъ для насъ положеніи, въ какомъ находились и до черкеевскаго похода. Слишкомъ большое вліяніе имѣлъ Шамиль, чтобы оно могло быть поколеблено взятіемъ Черкея или разореніемъ какого-нибудь Кишень-Ауха; кровавая же неудача, испытанная нами въ Ичкеранскихъ лѣсахъ, весною 1842 года, окончательно подорвала въ горахъ наше значеніе, и послужила поводомъ къ отозванію Головина, и назначенію на его мѣсто генералъ-адъютанта Нейдгардта.

Нейдгардтъ былъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, слабый, больной, и короткое управленіе его не только ничего не поправило въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, но создало, напротивъ, еще такія осложненія, которыя привели насъ въ концѣ концовъ къ роковому исходу

кампаніи 1843 года. Въ двѣ-три недѣли мы потеряли тогда цѣлый рядъ укрѣпленій, 76 офицеровъ, болѣе 2.000 нижнихъ чиновъ и 27 орудій, послужившихъ началомъ шамилевской артиллеріи, которой до того у него не было. Аварія, нагорная Чечня, средній Дагестанъ—все было потеряно нами на цѣлыя 16 лѣтъ, и наши войска съ трудомъ держались только въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣвернаго и южнаго Дагестана.

Среди этихъ событій, одна лезгинская кордонная линія не испытывала на себѣ никакихъ потрясеній, и этому, не совсѣмъ обычному спокойствію мы были обязаны прежде всего, и больше всего вліянію преданнаго намъ елисуйскаго султана Даніель-бека, владѣнія котораго лежали на самой грани непокорныхъ обществъ между Нухой и Закаталами. Даніель-бекъ былъ генералъ русской службы, и это очень льстило его честолюбію; но еще болѣе нежели генеральскимъ чиномъ, гордился онъ древностью своего рода и тѣмъ почетомъ, которымъ окружали его въ горахъ даже немирные сосѣди. Аристократизмъ дѣлалъ его естественнымъ, непримиримымъ врагомъ Шамиля, и Даніель-бекъ, понимая опасность, грозившую ему самому отъ распространенія демократическихъ началъ новаго ученья, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мюридизмъ не проникалъ, или, по крайней мѣрѣ, не могъ бы окрѣпнуть въ земляхъ смежныхъ, какъ съ нимъ, такъ и съ Кахетіей ([2]). Это обстоятельство настолько обезпечивало насъ съ той стороны, что кордонная лезгинская линія могла обходиться сравнительно ничтожнымъ количествомъ войскъ, и въ 43-мъ году всѣ военныя средства ея были обращены на помощь Дагестану. Нижегородцы не участвовали въ этихъ походахъ; но два дивизіона ихъ, вызванные въ Закаталы на смѣну ушедшей пѣхоты, простояли тамъ до глубокой зимы.

Неудачи, такъ упорно преслѣдовавшія насъ во всѣхъ предпріятіяхъ противъ Шамиля, не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія въ цѣлой Россіи. На Кавказъ двинутъ былъ весь 5-й пѣхотный корпусъ, и Нейдгардту даны были такія огромныя средства, которыхъ не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Готовилась большая экспедиція. До 25 тысячъ войскъ, съ двумя корпусными командирами, сосредоточилось тогда въ Салатавіи на Буртунайскихъ высотахъ, чтобы вырвать изъ рукъ непріятеля утраченныя нами территоріи. Но и этихъ силъ все еще казалось недостаточнымъ и, чтобы облегчить успѣхъ, Шварцу предписано было съ войсками Лезгинской линіи сдѣлать демонстрацію въ нагорныя дагестанскія общества. Отъ Нижегородскаго полка назначены были че-

тыре пѣшіе эскадрона, которые 13-го апрѣля и выступили уже изъ Караагача: 3-й дивизіонъ, капитана Кривцова, пошелъ въ Закаталы, а 2-й, съ штабсъ-капитаномъ княземъ Кобуловымъ—въ Бѣлоканскій редутъ (3); кромѣ того прапорщикъ Дадымовъ и унтеръ-офицеръ (вольноопредѣляющійся) князь Захарій Чавчавадзе*) назначены были состоять при елисуйскомъ султанѣ въ качествѣ безсмѣнныхъ ординарцевъ (4).

Къ исходу мая войска уже были въ сборѣ; поджидали только елисуйскую милицію, которая должна была прибыть съ самимъ Даніель-бекомъ; но она почему-то не являлась. Обстоятельство это никого, однако, не тревожило, потому что глубокіе снѣга, лежавшіе въ горахъ, все равно замедляли открытіе военныхъ дѣйствій (5). Такъ прошло нѣсколько дней,—и вдругъ по цѣлому краю пошла громовая вѣсть, что султанъ измѣнилъ, и со всѣмъ народомъ передался Шамилю. Въ Закаталахъ даже никто не повѣрилъ въ возможность подобнаго событія; но въ ту же ночь, 4-го іюня, изъ Каха прискакалъ Дадымовъ,—и фактъ не подлежалъ уже сомнѣнію. Дадымовъ только и пробылъ у султана одинъ день. Даніель-бекъ послалъ его назадъ и не велѣлъ возвращаться; князь Чавчавадзе и совсѣмъ не доѣхалъ до своего назначенія, такъ какъ всѣ мосты и переправы уже были заняты мятежниками. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ политическихъ ошибкахъ съ нашей стороны, которыя заставили елисуйскаго султана сдѣлать такой важный шагъ въ своей жизни; но, должно быть, онѣ были важны, если гордый султанъ, третировавшій Шамиля какъ простого татарина, рѣшился явиться передъ нимъ покорнымъ, униженнымъ данникомъ. А что шагъ былъ сдѣланъ имъ безповоротно, это доказывали тѣ религіозно-торжественные обряды, которыми онъ обставилъ свою измѣну въ глазахъ народа. Послѣ долгой молитвы въ мечети, султанъ вышелъ на площадь съ кораномъ въ рукѣ и обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью: «Все что только человѣкъ на этомъ свѣтѣ можетъ пожелать», сказалъ онъ: «я имѣю; но теперь, познавъ наконецъ истину, пренебрегаю всѣми почестями, славой и богатствомъ, и посвящаю себя на служеніе единому Богу». Онъ положилъ руку на раскрытый коранъ и клялся всю жизнь быть врагомъ христіанъ. Народъ слушалъ его съ энтузіазмомъ и тотчасъ надѣлъ бѣлыя чалмы въ знакъ мюридизма (6). Вся лезгинская линія переполошилась. Дѣло было

*) Впослѣдствіи извѣстный кавказскій генералъ.

не шуточное; приходилось опасаться, что пламя возмущенія охватитъ мгновенно всѣ мусульманскія провинціи, и Шварцъ имѣлъ уже свѣдѣнія, что Карабагъ и Шемаха ожидаютъ только возстанія Нухи, чтобы развить у себя всѣ ужасы безначалія. О готовившейся экспедиціи въ горы теперь не могло быть и рѣчи; приходилось усмирять мятежъ у себя дома, и мятежъ крайне опасный по послѣдствіямъ, которыя могли явиться при малѣйшемъ колебаніи или промедленіи.

И вотъ, по всей Джаро-Бѣлоканской области поднялась тревога. Войска тотчасъ выступили изъ мѣстъ своего расположенія; но пока одни выдвигались на линію, другія, подъ начальствомъ генерала Шварца, уже шли къ елисуйской границѣ, на которой появились передовыя скопища мятежниковъ. Съ этимъ отрядомъ ушелъ изъ Закаталъ и 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командою капитана Кривцова. Непріятеля встрѣтили 8-го іюня за деревней Гуллюкъ, въ густомъ лѣсу, черезъ который пролегала большая дорога въ Кахъ, главное селеніе Елисуйскаго султанства. Мятежники занимали крѣпкую позицію, и даже пытались перейти въ наступленіе, чтобы охватить насъ съ фланга; но встрѣченные Нижегородскимъ дивизіономъ, успѣвшимъ предварить ихъ въ оврагахъ, они отброшены были назадъ, а тѣмъ временемъ тифлисскій батальонъ ударилъ на завалъ, и непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, обратился въ бѣгство (7).

Дорога въ Кахъ лежала передъ нами открытой; но мы не могли воспользоваться успѣхомъ этого дня, такъ какъ получены были извѣстія, что Баширъ-бекъ, наибъ Дусрарата, опоздавшій дать помощь лезгинамъ въ гуллюкскомъ лѣсу, кинулся въ Джаро-Бѣлоканскій округъ, чтобы прорваться за Алазань и напасть на Царскіе Колодцы или Караагачъ. Въ Алазанской долинѣ, дѣйствительно, была тревога. Постельсъ, предупрежденный своими лазутчиками, тотчасъ собралъ всѣ лѣсныя команды и выслалъ 1-й эскадронъ для защиты Муганлинской переправы (8). Нападенія, однако, не было. Шварцъ успѣлъ перегpадить непріятелю путь въ Мухамскомъ ущельѣ, и Баширъ-бекъ, отказавшись отъ своихъ намѣреній, вернулся въ Дусраратъ.

Какъ только миновала опасность, Шварцъ, не теряя минуты, двинулся снова въ Кахъ, чтобы не дать времени развиться народному возстанію; и, дѣйствительно, онъ шелъ такъ быстро и такими путями, что непріятель едва-едва успѣлъ предупредить его у Агатайскихъ хуторовъ,

раскинутыхъ въ лѣсу, уже не вдалекѣ отъ Каха. 13-го іюня завязалось упорное лѣсное сраженіе. Во время этого боя Нижегородскій дивизіонъ, скрытно пробравшійся по руслу высохшей рѣки, вдругъ появился на флангѣ у непріятеля въ тотъ моментъ, когда тифлисскіе егеря штурмовали завалъ. Это было какъ бы сигналомъ къ общему бѣгству мятежниковъ. Тѣснимые съ фронта, опрокидываемые и поражаемые съ фланга, они смѣшались наконецъ въ одну огромную, нестройную толпу, бо́льшая часть которой въ хаосѣ не могла даже принять участіе въ битвѣ. Пораженіе этого скопища было полное (9). На слѣдующій день войска безъ боя заняли Кахъ и стали передъ входомъ въ грозное елисуйское ущелье.

Не одинъ елисуйскій султанъ, но всѣ мусульманскія провинціи Каспійской области, весь Бѣлоканскій округъ и нагорный Дагестанъ были убѣждены въ неприступности елисуйскаго ущелья, и потому, несмотря на двукратное пораженіе султана, вовсе не считали его дѣла потеряннымъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили теперь всѣ горцы за тѣмъ, на что рѣшатся русскіе: пойдутъ ли они впередъ, чтобы найти себѣ могилу въ тѣснинахъ, или повернутъ назадъ,—и тогда ни одному изъ нихъ уже не придется возвратиться на линію. Все что было въ окрестности способнаго носить оружіе, все поднялось бы на нашихъ, какъ одинъ человѣкъ,—и отрядъ былъ бы задавленъ. Положеніе Шварца, дѣйствительно, было опасное. Наружная покорность тѣхъ, которые спѣшили заявить ее послѣ агатайскаго дѣла, его не обманывала, и онъ давалъ ей настоящую цѣну. Но прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, нужно было дождаться лазутчиковъ, которыхъ онъ послалъ собрать самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о силахъ и расположеніи непріятеля. Лазутчики явились только черезъ нѣсколько дней, и картина, которую могъ нарисовать себѣ Шварцъ по полученнымъ свѣдѣніямъ, представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Передъ нимъ лежало дикое, мрачное ущелье, по которому неслась глубокая и быстрая рѣчка Курму-чай,—и на этой-то рѣчкѣ намъ нужно было прежде всего захватить каменный мостъ, такъ какъ другой переправы не было. По ту сторону рѣчки, ущелье, постепенно съуживаясь, достигаетъ наконецъ четырнадцати саженъ; и въ этомъ-то мѣстѣ оно переграждено знаменитою каменною стѣнкой, сооруженной въ глубокой древности, и извѣстной подъ именемъ елисуйскаго завала. Стѣна, сложенная изъ каменныхъ глыбъ, связанныхъ между собою цементомъ,

имѣетъ толщину въ полторы сажени, и, слѣдовательно, легко можетъ противостоять дѣйствію нашихъ небольшихъ орудій. При наступленіи отъ моста нашъ лѣвый флангъ будетъ обезпечиваться самою рѣчкой, но правый, совершенно открытый, примкнетъ почти къ отвѣсной горѣ, унизанной до самаго верха завалами, поднимающимися въ нѣсколько ярусовъ; какъ въ этихъ завалахъ, такъ и за этою стѣнкой засѣло семь тысячъ человѣкъ, которые все время будутъ держать нашъ отрядъ подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ.

Позиція, занятая непріятелемъ, представлялась, такимъ образомъ, не совсѣмъ заурядною. Правда, въ послѣдніе дни къ намъ прибылъ еще батальонъ Эриванскаго полка; но за то одинъ изъ тифлисскихъ пришлось отправить назадъ для наблюденія за Баширъ-бекомъ, и въ распоряженіи Шварца остались все тѣ же три батальона пѣхоты, два эскадрона пѣшихъ драгунъ и пять сотенъ милиціи, при девяти полевыхъ и горныхъ орудіяхъ. «Отрядъ этотъ,—писалъ онъ корпусному командиру,—конечно, былъ слишкомъ слабъ для такого рѣшительнаго дѣйствія, которое я предпринималъ; но храбрость солдатъ, военная опытность начальниковъ, и мужество всѣхъ вообще офицеровъ отряда, испытанныя мною въ предшествовавшихъ дѣлахъ, позволяли мнѣ надѣяться на успѣхъ» ([10]).

Штурмъ былъ рѣшенъ, и съ разсвѣтомъ 21-го іюня войска вступили въ ущелье. Въ авангардѣ шелъ батальонъ Эриванцевъ. Онъ быстро захватилъ переправу и, приблизившись къ стѣнѣ на пушечный выстрѣлъ, открылъ по ней орудійный огонь. Но въ то же время милиція, высланная на горы для прикрытія нашего праваго фланга, была атакована непріятелемъ и принуждена къ отступленію. На помощь къ ней выдвинули изъ главной колонны 3-й дивизіонъ Нижегородцевъ—и бой завязался. «Храбрые драгуны», пишетъ Шварцъ въ своемъ донесеніи, «въ одинъ моментъ сбили мятежниковъ и, преслѣдуя ихъ, овладѣли передовымъ заваломъ». Такимъ образомъ начало успѣшному штурму было положено,—и положено именно Нижегородцами.

Черезъ полчаса подошли главныя силы, и Шварцъ раздѣлилъ штурмующія войска на двѣ колонны: полковникъ Бельгардтъ съ дивизіономъ Нижегородскихъ драгунъ и двумя ротами (одна эриванская, другая тифлисская) долженъ былъ атаковать завалы, а капитанъ Карягинъ, также съ двумя тифлисскими ротами—каменную стѣну. Остальныя войска составили общій и частные резервы. Начало штурма, однако, было

весьма неудачно. На первомъ же завалѣ тифлисская рота, встрѣченная жестокимъ огнемъ, смѣшалась и стала подаваться назадъ. Къ счастію, маіоръ Гозіушъ (Эриванскаго полка) успѣлъ возстановить порядокъ, и несмотря на двѣ полученныя раны, снова повелъ ее на завалы. Офицеры вездѣ шли впереди, и падали первыми. Въ Нижегородскомъ полку командиръ 5-го эскадрона поручикъ Гоппе и прапорщикъ Дадымовъ ранены; командиръ дивизіона капитанъ Кривцовъ—убитъ; но мѣсто его тотчасъ заступилъ штабсъ-капитанъ Барковскій, и первый вскочилъ на завалъ ([11]). За нимъ ворвались драгуны. Бой пошелъ рукопашный, и непріятель, сброшенный съ горы и прижатый къ каменной стѣнкѣ, десятками ложился подъ штыками драгунъ и пѣхоты; семь елисуйскихъ знаменъ, покрытыхъ священными надписями, были взяты войсками. Ужасъ овладѣлъ мятежниками, и они бѣжали, не смѣя даже остановиться въ Елису, который сдался безъ выстрѣла.

Побѣда досталась намъ не дешево: изъ малочисленнаго отряда убыло 13 офицеровъ и болѣе 350 солдатъ; въ одномъ Нижегородскомъ дивизіонѣ убиты капитанъ Кривцовъ и 14 нижнихъ чиновъ ([12]); о раненыхъ драгунахъ свѣдѣній не сохранилось, и только извѣстно, что въ числѣ ихъ находились поручикъ Гоппе, прапорщикъ Дадымовъ и унтеръ-офицеръ (изъ дворянъ) Оскаръ Грибскій, командовавшій впослѣдствіи въ полку 4-мъ эскадрономъ. Заканчивая свое донесеніе корпусному командиру, Шварцъ выставляетъ заслуги только полковника Бельгардта, отряднаго оберъ-квартермистра капитана Бруннера, и дежурнаго штабъ-офицера маіора Колюбакина. «Но особаго поощренія», добавляетъ онъ, «заслуживаютъ по своей храбрости Нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Барковскій, который первый взошелъ на завалъ, и отрядный адъютантъ того же полка прапорщикъ Чупятовъ, который передавалъ мои приказанія подъ самымъ сильнымъ огнемъ» ([13]).

Елисуйскій бой имѣлъ огромное значеніе въ общемъ ходѣ тогдашнихъ кавказскихъ событій, и императоръ Николай Павловичъ щедро наградилъ его участниковъ: Барковскому хотя было отказано въ георгіевскомъ крестѣ, который получилъ начальникъ колонны полковникъ Бельгардтъ, но за то ему пожалованъ чинъ капитана и ордена св. Анны 3-й и Владиміра 4 ст. съ бантами. Чупятовъ (впослѣдствіи служившій въ Грузинскомъ полку и убитый подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ) произведенъ въ поручики и штабсъ-капитаны, и кромѣ того за ту же экспеди-

цію награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. и золотою саблей; старшій вахмистръ Герасимъ Меркуловъ, жестоко раненый на штурмѣ завала, произведенъ прямо въ подпоручики съ назначеніемъ въ инвалиды, и съ пожизненной пенсіей по 150 р. с. въ годъ. Нижнимъ чинамъ назначено 28 знаковъ отличія Военнаго ордена, и, кромѣ того, особые знаки: юнкерамъ Венедикту Батіевскому, Валеріану Гемпелю и унтеръ-офицеру Алексѣю Терновскому. Все трое, также какъ и раненый Гребскій, въ то же время произведены въ офицеры ([14]).

Какъ памятникъ старыхъ походовъ, въ войскахъ и понынѣ поется пѣсня, сложенная тогда на взятіе Елисуйскихъ заваловъ:

. . . .
Что не громъ, друзья, гремитъ,
Не буранъ въ полѣ крутитъ,
То драгуны молодцы,
Эриванцы удальцы,
Что́ ни соколъ поднебесный,
То тифлисцы да линейцы,
Что ни туча громовая,
То грузинъ рать боевая.
На горѣ гора стоитъ,
Туда птица не взлетитъ;
Туда птица не взлетитъ —
Генералъ намъ брать велитъ:
Намъ не надо картечь много,
На штыкахъ вездѣ дорога.

Есть и другая пѣсня, относящаяся также къ измѣнѣ елисуйскаго султана; но она поется на голосъ протяжный и заунывный:

Какъ стояли мы съ отрядомъ,
Съ генераломъ храбрымъ Шварцемъ,
Выходилъ султанъ за горы
Съ некрещенною ордою.
Укрѣпился Елисуйскій
На завалахъ среди скалъ,
Мы и тутъ къ нему явились,
Его грозный часъ насталъ.
. . . .

И варіантовъ этихъ пѣсенъ безчисленное множество.

Любопытна не менѣе и старая полковая легенда, Богъ знаетъ откуда получившая начало, но переходившая долго отъ поколѣнія къ поколѣнію. Разсказывали, что во дворцѣ султана захвачены были всѣ драгоцѣнности его, состоявшія преимущественно изъ жалованныхъ кубковъ, сервизовъ и т. пд., и что будто бы все это серебро государь Николай Павловичъ подарилъ Нижегородскому полку для оправы офицерскихъ шашекъ. Легенда, не подтвержденная никакими офиціальными документами, остается легендою, но замѣчательно, что она жила не въ одномъ Нижегородскомъ полку,—она была распространена по цѣлому Кавказу, и въ этомъ отношеніи важна, какъ свидѣтельство того, какое значеніе придавали участію драгунъ въ Елисуйскомъ бою, не сами они, а ихъ боевые товарищи ([15]).

Еще войска торжествовали свою побѣду въ развалинахъ елисуйской столицы, какъ получены были извѣстія о другомъ славномъ дѣлѣ, въ которомъ также отличились Нижегородцы.

Это былъ 2-й дивизіонъ, князя Кобулова, который съ выступленіемъ въ экспедицію Шварца перешелъ изъ Бѣлоканскаго редута въ Закаталы, какъ для усиленія тамошняго горнизона, такъ и для конвоированія безпрерывно двигавшихся транспортовъ. Случилась однажды надобность отправить одинъ изъ этихъ транспортовъ въ дѣйствующій отрядъ, а потому въ прикрытіе къ нему назначили весь 4-й эскадронъ Нижегородскаго полка и полуроту Эриванцевъ, подъ общею командой штабсъ-капитана князя Кобулова.

Благополучно миновавъ Мухамское ущелье, транспортъ 22-го іюня вышелъ на уроч. Хассангуръ, и здѣсь у д. Чебонтхевы сталъ переправляться черезъ горную рѣчку. Драгуны перешли первые, но едва за ними перетянулся обозъ, какъ Эриванцы, остававшіеся еще на той сторонѣ, внезапно подверглись сильному нападенію горцевъ. Пока они отбивались ружейными залпами, драгуны и обозъ въ свою очередь атакованы были новыми еще бóльшими толпами, предводимыми уже самимъ Баширъ-бекомъ, который, свѣдавъ о движеніи транспорта, приготовилъ засаду. Минута наступила опасная. Будь драгуны смяты, или просто прорвись только горцы черезъ нашу цѣпь,—и транспортъ былъ бы несомнѣнно потерянъ. Но драгуны отбили первую атаку; а тѣмъ временемъ Эриванцы, перебѣжавшіе рѣчку по горло въ водѣ, соединились съ отрядомъ, и князь Кобуловъ, огородившись арбами, засѣлъ въ этотъ импровизованный имъ вагенбургъ, какъ въ укрѣпленіе. Тогда началось одно

изъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ не знаешь чему болѣе удивляться—хладнокровію ли русскаго солдата, или безумной отвагѣ непріятеля. Пять часовъ къ ряду шелъ яростной бой, и были случаи, когда горцы врывались даже въ нашъ вагенбургъ. При одной изъ такихъ схватокъ едва не былъ изрубленъ прапорщикъ Эриванскаго полка Чоглоковъ, обязанный своимъ спасеніемъ только подоспѣвшему къ нему на помощь Нижегородскому драгуну. Реляція не передала намъ имени этого солдата; но самый фактъ показываетъ уже ожесточенность боя, въ которомъ драгуны и Эриванцы были перемѣшаны между собою. Наступали сумерки, а нападенія непріятеля не прекращались и грозили стать безконечными. Силы отряда слабѣли. Къ счастію, въ этотъ самый моментъ изъ Закаталъ подоспѣлъ 3-й эскадронъ Нижегородскаго полка, а за нимъ подошла и рота линейнаго батальона. Тогда лезгины отступили, — и транспортъ, переночевавъ на самомъ мѣстѣ боя, на слѣдующій день благополучно дошелъ до мѣста своего назначенія.

Прочитавъ объ этомъ донесеніе, Государь написалъ собственоручно: «Славно! Князю Кобулову слѣдующій чинъ, нижнимъ чинамъ по рублю на человѣка». Кромѣ того, Кобуловъ за это же дѣло, по очередному представленію начальника отряда, получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ (16). Нижнимъ чинамъ назначено было девять знаковъ отличія Военнаго ордена (17).

Въ то время, какъ на долю 2-го и 3-го дивизіоновъ выпадали громкія боевыя дѣла, 1-й дивизіонъ, оставленный въ Караагачѣ, несъ трудную разъѣздную службу и, въ концѣ концовъ, потери его оказались гораздо бо́льшими, чѣмъ въ тѣхъ эскадронахъ, которые ходили на штурмъ елисуйскихъ заваловъ или дрались на Хассангурѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что въ Алазанской долинѣ появилась эпидемія, признаваемая докторами за нервную горячку, отъ которой 1-й эскадронъ, стоявшій на Муганлинской переправѣ, въ короткое время потерялъ умершими своего эскадроннаго командира капитана Старицкаго, трехъ офицеровъ и 25 нижнихъ чиновъ. Болѣзнь эта прошла полосою, вырвала не мало жертвъ въ самой штабъ-квартирѣ, и прекратилась только съ наступленіемъ осени (18).

На театрѣ военныхъ дѣйствій между тѣмъ наступило затишье. Взятіе Елису положило конецъ владычеству Даніель-бека, и всѣ его земли присоединены были къ Россіи подъ именемъ Елисуйскаго приставства;

дворецъ былъ взорванъ, чтобы истребить въ народѣ самую память о его бывшемъ владѣльцѣ, а резиденція разорена до основанія.

Почти цѣлый мѣсяцъ войска Лезгинскаго отряда провели затѣмъ въ наблюдательномъ положеніи, выдвинутыя къ урочищу Адамъ-тахта, чтобы угрозой вторженія въ Дусраратскій магалъ, составлявшій владѣніе самого Баширъ-бека, отнять у него возможность тревожить наши предѣлы. Стоянка эта осталась памятной Нижегородскому полку однимъ происшествіемъ, въ высшей степени прискорбнымъ и кончившимся кровавою катастрофою. Въ числѣ офицеровъ походнаго дивизіона былъ нѣкто прапорщикъ Шульгинъ, человѣкъ строптиваго и неуживчиваго характера. Къ несчастію его придирчивость обрушилась на этотъ разъ на поручика князя Туманова, офицера отличнаго, но пылкаго до безразсудства. Не помня себя отъ нанесенной обиды, Тумановъ выхватилъ кинжалъ и нанесъ Шульгину четыре смертельные удара въ грудь и голову. Шульгинъ черезъ нѣсколько дней умеръ; Тумановъ былъ преданъ суду; и только единогласный отзывъ товарищей, засвидѣтельствовавшихъ, что онъ сдѣлалъ преступленіе не съ умысломъ, а по сильному чувству незаслуженнаго ничѣмъ оскорбленія, смягчилъ его участь, и наказаніе ограничилось разжалованіемъ въ рядовые безъ лишенія княжескаго достоинства ([19]).

Подъ впечатлѣніемъ разыгравшейся драмы, невесело проходила бивуачная жизнь, и всѣ были рады, когда дивизіону приказано было наконецъ вернуться въ Закаталы. Войска на нѣкоторое время были распущены. Ожидая извѣстій отъ князя Аргутинскаго, чтобы сообразно съ ними дать направленіе лезгинскому отряду, Шварцъ ограничился только занятіемъ передовой позиціи у дер. Кялоло, лежавшей на границѣ Джурмутскаго общества, куда постепенно и собирались войска. 28-го августа туда же двинулся изъ Закаталъ 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой штабсъ-капитана Мочабѣли, и въ то же время изъ Караагача былъ вызванъ подполковникъ Постельсъ, для командованія въ отрядѣ всѣми спѣшенными частями кавалеріи. Походъ уже былъ объявленъ. Лезгинскій отрядъ долженъ былъ итти въ Тлессерухъ и Мукратль и заставить ихъ отказаться отъ помощи Андалялу, гдѣ будетъ дѣйствовать князь Аргутинскій.

29-го августа войска перешли вѣчные снѣга Арчи-дага и спустились въ Дусраратскій магалъ, гдѣ уже не нашли ни одного мюрида. Баширъ-бекъ бѣжалъ изъ своего наибства, и Дусраратъ, отторгнутый

Шамилемъ отъ Казикумыкскаго ханства, былъ присоединенъ опять къ нашимъ владѣніямъ. Тлессерухъ покорился безъ боя; трепеталъ уже и Мукратль,—какъ вдругъ войска, подходившія къ его границамъ, остановились и повернули назадъ. Причиною этого было извѣстіе, что новый наибъ Анкратля Мулла Шабанъ, суровый и страстный фанатикъ, собралъ значительныя силы, чтобы ворваться въ Кахетію, или же черезъ Богнаду соединиться съ наибомъ Караха, и вмѣстѣ итти въ Андалялъ. За Алазанскую долину Шварцъ не опасался. Еще выступая въ походъ, онъ приказалъ первому дивизіону Нижегородскаго полка перейти въ Царскіе Колодцы, а изъ остальныхъ людей, оставшихся отъ экспедиціи, составить два эскадрона, конный и пѣшій, которые, подъ командой капитана Іосселіани, должны были защищать Караагачъ. Слѣдовательно, ему важнѣе было помѣшать соединенію двухъ сосѣднихъ наибовъ, и Шварцъ, распуская слухъ, что возвращается на линію, быстро обогнулъ Мукратль, и 5-го сентября явился въ Карахѣ. На высокой горѣ Надожибъ карахцы были разбиты, и Шварцъ, захвативъ въ свои руки единственное ущелье, черезъ которое Шабанъ могъ войти въ Карахское общество, оставилъ въ немъ Нижегородскій дивизіонъ съ подполковникомъ Постельсомъ, а самъ обратился противъ Богнадала. Въ Богнадѣ, издавна считавшейся гнѣздомъ мюридизма, откуда возмущеніе обыкновенно разливалось по цѣлому Анкратлю, горцы встрѣтили наши войска на горѣ Халимъ-Калъ. Гора была взята штурмомъ, и богнадальцы понесли такое пораженіе, что не успѣли спасти ни стадъ своихъ, ни имущества. Въ тотъ же день и карахскій наибъ, попытавшійся помочь богнадальцамъ, былъ встрѣченъ у Карахскихъ горъ и разбитъ вторично.

Нельзя не сказать, что этими успѣхами лезгинскій отрядъ въ значительной степени обязанъ былъ Нижегородскимъ эскадронамъ, которые не пропустили Шабана въ самый острый моментъ, когда нашимъ войскамъ приходилось драться на два фронта противъ наибовъ Караха и Богнады. Узнавъ о приближеніи Шабана, Постельсъ устроилъ засаду, и какъ только горцы, торопясь выйти изъ тѣснаго Канадальскаго ущелья, столпились у выхода, онъ вдругъ открылъ по нимъ батальный огонь, и затѣмъ, съ крикомъ ура и барабаннымъ боемъ, выдвинулъ драгунъ изъ оврага. Горцы до того оторопѣли, что кинулись бѣжать, не подобравъ даже убитыхъ, и драгуны принесли съ собою 15 тѣлъ ([20]). Пораженія, испытанныя анкратльцами, были такъ сильны, что по первому

требованію Шварца, ставшаго на границѣ Джурмута, народъ, вопреки вѣковымъ адатамъ, порѣшилъ выдать головою всѣхъ своихъ предводителей. Шабанъ, провѣдавшій о томъ, что ему готовили, бѣжалъ къ Шамилю; но другой предводитель Вано-Тиловъ былъ доставленъ въ отрядъ связаннымъ. Приведенный къ Шварцу, онъ объявилъ, что никогда не покорится русскимъ, и, дѣйствительно, въ тотъ же самый день при спускѣ съ горъ кинулся въ пропасть съ отвѣснаго утеса; онъ расшибся до полусмерти и былъ пристрѣленъ конвойными солдатами ([21]).

Такъ закончились военныя дѣйствія Лезгинскаго отряда въ экспедицію 1844 года ([22]). Приближалась зима, и Шварцу надо было торопиться перейти главный хребетъ прежде, чѣмъ снѣга сдѣлаютъ его недоступнымъ. Пройдя черезъ весь Джурмутъ, отрядъ спустился въ Бѣлоканы, и 29-го сентября Нижегородцы вернулись въ Караагачъ.

Елисуйское ущелье.

Кахъ.

Замокъ Тамары близъ Караагача.
Изъ Альбома кн. Г. Гагарина.

ГЛАВА XII.

Тревоги внутренней жизни.

(1842—1845 г.).

Караагачъ подъ управленіемъ Постельса.—Характеръ новаго командира и система его командованія.—Расшатанность внутренней жизни.—Секретная поѣздка двухъ офицеровъ въ Тифлисъ.—Неожиданное посѣщеніе Караагача жандармскимъ генераломъ.—Генералъ Викторовъ въ гостяхъ у штабъ-лекаря и полкового священника.—Свѣдѣнія, добытыя имъ этимъ путемъ.—Возвращеніе его въ Тифлисъ.—Рѣшеніе главнокомандующаго.

Въ одинъ изъ ненастныхъ осеннихъ дней 1844 года, когда сѣдые туманы стояли надъ Алазанью, четыре эскадрона Нижегородцевъ под-

ходили къ Караагачу. Они возвращались домой, покрытые славой горнаго похода, какихъ не много бывало на Кавказѣ, и, несмотря на то, возвращались безъ пѣсенъ, съ угрюмыми и пасмурными лицами. Смерть храбраго дивизіонера, о которомъ не рѣдко вспоминали солдаты, конечно могла вліять на расположеніе ихъ духа; но эта потеря случилась уже давно, къ ней привыкли,—и не она была причиной въ данную минуту сумрачнаго настроенія отряда. Смущало всѣхъ то, что послѣ привольной походной жизни они входили въ свою штабъ-квартиру, которая, подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ, съ нѣкоторыхъ поръ уже утратила для нихъ свои привлекательныя, симпатичныя стороны ([1]).

Причина такой перемѣны лежала въ характерѣ новаго командира—штабъ-офицера достойнаго во многихъ отношеніяхъ, но отличавшагося нѣкоторою мелочностью характера и педантизмомъ, доведеннымъ до крайности. Кавказская же армія могла примириться со всѣмъ, и могла простить все, кромѣ педантизма. Онъ былъ немыслимъ въ ней, какъ во всякой арміи, живущей на qui vive, и могущей ежеминутно встрѣтиться съ непріятелемъ. Эта черта, подмѣченная въ Постельсѣ съ самыхъ первыхъ дней его командованія, и послужила первою рознью между нимъ и его подчиненными.

Проведя всю службу внутри Россіи, воспитанный въ строгихъ своеобразныхъ понятіяхъ военной субординаціи того времени, Постельсъ принесъ эти взгляды съ собой, и никакъ не могъ примириться съ окружающей его дѣйствительностью. Кавказскіе порядки ему не нравились. Солдатъ, стоявшій передъ своимъ офицеромъ въ фуражкѣ, казался ему чѣмъ-то дикимъ ([2]); отступленіе отъ формъ, встрѣчавшееся на каждомъ шагу, приводило его въ негодованіе; о пѣшихъ экспедиціяхъ онъ не могъ говорить равнодушно; онъ точно боялся, чтобы эти экспедиціи, хотя бы съ такими блестящими штурмами, какъ елисуйскій, не уронили въ полку кавалерійскаго духа, и онъ торопился наверстать время, проведенное солдатомъ безъ коня, усиленными строевыми занятіями. Противъ этихъ занятій никто ничего не имѣлъ, но, къ сожалѣнію, Постельсъ не сохранялъ при нихъ ни должнаго хладнокровія, ни благоразумной снисходительности. Это былъ доктринеръ, не хотѣвшій дѣлать уступокъ окружавшей его средѣ; а среда эта предъявляла свои права настойчиво, и, въ свою очередь, не шла на уступки. Къ этому прибавились и нѣкоторыя взаимныя недоразумѣнія. Началось съ преданія суду полкового

квартермистра штабсъ-капитана Гаевскаго, человѣка, пользовавшагося общею товарищескою любовью. Гаевскій былъ виноватъ безусловно, — онъ проигралъ казенныя деньги; но общество хотѣло какъ-нибудь замять эту непріятную исторію, а Постельсъ сталъ на чисто-служебную почву—и результатомъ этого было разжалованіе Гаевскаго въ солдаты. Никто никогда не упрекнулъ въ этомъ Постельса, поступившаго прямо по долгу службы и своихъ обязанностей, но нельзя не сказать, что при отсутствіи съ его стороны извѣстнаго такта и выдержки, онъ обратился къ мелкой придирчивости и даже къ репрессаліямъ противъ тѣхъ офицеровъ, которые поддерживали Гаевскаго. Вотъ это-то и создало противъ него цѣлую оппозицію: между нимъ и обществомъ возникла глухая борьба. Постельсъ, почувствовавшій это съ перваго шага, началъ искать опоры въ Тифлисѣ, и нашелъ ее въ лицѣ тогдашняго командира Кавказскаго корпуса генерала Нейдгарта, человѣка почти одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій. Опираясь на него, онъ сталъ говорить, что сдѣлаетъ Нижегородцевъ настоящими гусарами. Онъ намекалъ, конечно, только на внѣшнія формы; «но мы-то», говоритъ одинъ старый Нижегородецъ, «понимали это иначе и не хотѣли быть ни гусарами, ни уланами; мы хотѣли оставаться Нижегородцами; это былъ нашъ титулъ, которымъ мы не безъ основанія гордились» (3).

Особенно тяжела досталась зима съ 1844-го на 1845-й годъ, когда Постельсъ, точно стараясь возмѣстить время, потерянное въ пѣшей экспедиціи, поставилъ себѣ задачей сдѣлать изъ полка образцовую кавалерійскую часть—и перешелъ границы благоразумія. Онъ не хотѣлъ знать, что у Нижегородцевъ на это не хватало времени, что возвращаясь съ одной экспедиціи, имъ нужно было прежде всего отдохнуть, чтобы быть готовымъ къ другой,—а онъ ихъ держалъ по цѣлымъ часамъ въ манежѣ на одиночной ѣздѣ, на шереножныхъ и взводныхъ ученьяхъ. Зима стояла снѣжная, холодная, а люди выѣзжали въ курткахъ, такъ какъ только при этомъ можно было слѣдить за посадкой. Солдаты простуживались, болѣли и наполняли госпитали. Тѣ, которые смѣло шли на елисуйскій завалъ, съ трепетомъ, какъ говорятъ современники, выѣзжали на ученья, съ перспективою жестокихъ наказаній. У Постельса каждая вина была виновата. За каждую ошибку, оплошность, за отступленіе отъ заведенныхъ имъ въ штабъ-квартирѣ новыхъ порядковъ, нижніе чины немедленно подвергались наказаніямъ или жестокимъ, или унизительнымъ.

Поставить, напр., заслуженнаго и всѣми уважаемаго вахмистра или кавалера съ навозною торбою на шеѣ, или съ метлою въ рукахъ, стало считаться дѣломъ обыкновеннымъ. Гаубтвахта всегда была переполнена, и юнкеровъ, за неимѣніемъ въ ней мѣста, запирали въ конуры, выстроенныя Безобразовымъ въ видѣ домиковъ для борзыхъ и гончихъ собакъ. Пѣсни, раздававшіяся, бывало, по всей штабъ-квартирѣ, были строго воспрещены; даже офицеры лишены были права собирать къ себѣ пѣсенниковъ. Все это были не такія распоряженія, которыя могли бы успокоить взволнованные умы; а тутъ, какъ нарочно, выбыли изъ полка и два послѣдніе корифеи его Язонъ Чавчавадзе и Чеботкевичъ: первый изъ нихъ перешелъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, а второй назначенъ былъ комендантомъ въ Закатальскую крѣпость. Старшимъ штабъ-офицеромъ въ полку остался маіоръ Добрынинъ, человѣкъ старый, малообразованный, и не имѣвшій вліянія на общество. Молодежь сдерживать было некому, и неудовольствіе среди нея стало рости, какъ сказочное чудовище. Запрещены были пѣсенники, —офицеры составили свой собственный оркестръ, и съ мѣдными тазами, кастрюлями и сковородами гуляли по улицамъ. Въ Караагачѣ стали ходить по рукамъ различныя карикатуры, авторами которыхъ называли юнкера Павлова, весьма даровитаго юношу, и Дежебори, разжалованнаго изъ гвардіи за тѣ же сатирическія наклонности. Въ Караагачѣ уже знали о пріѣздѣ въ Тифлисъ новаго главнокомандующаго,—и возбужденіе умовъ было всеобщее; протесты высказывались громко, ничѣмъ не стѣсняемые, мѣры къ ограниченію произвола предлагались то слишкомъ рискованныя, то совершенно непримѣнимыя; никто не зналъ съ чего начать и на чемъ остановиться. И весь этотъ хаосъ внутренней жизни полка разрѣшился наконецъ явленіемъ совсѣмъ уже не желательнымъ, и чуждымъ и духу его и направленію. Вотъ какую сцену рисуетъ передъ нами одинъ очевидецъ, оставившій свои воспоминанія объ этой эпохѣ ([4]).

Въ слободкѣ, прилегавшей къ Караагачу, въ маленькомъ уютномъ домикѣ съ однимъ венеціанскимъ окномъ, тускло горѣла сальная свѣча, и за небольшимъ, грубой работы, орѣховымъ столомъ сидѣли два офицера, передъ которыми лежало нѣсколько листовъ исписанной бумаги. Они говорили тихо, почти шепотомъ, точно кто могъ подслушать ихъ сквозь запертую дверь, или черезъ окно, наглухо закрытое створчатымъ ставнемъ. Если бы кто взглянулъ на нихъ въ этотъ вечеръ, то по оза-

боченному выраженію ихъ лицъ онъ догадался бы, что они приняли какое-то твердое намѣреніе, и только не знали, какъ приступить къ его выполненію. «Вотъ что!—послѣ довольно длинной паузы проговорилъ одинъ изъ нихъ, положивъ руки на бумаги:—теперь пойдетъ пятая недѣля поста, эскадронъ будетъ говѣть. Мы отпросимся у Арсеньева дня на три поохотиться на Алазань, и никто не будетъ знать, что мы за это время слетаемъ въ Тифлисъ и обратно».

На слѣдующую ночь черезъ Царскіе Колодцы по дорогѣ въ Тифлисъ проѣхали два всадника, одѣтые по туземному, въ черкескахъ и буркахъ, при полномъ вооруженіи; не забыты были даже чехлы на ружья. Несмотря на темноту, чтобы не быть узнанными, лица ихъ были плотно закутаны башлыками. Они ѣхали молча, нѣсколько разъ оглядывались, какъ бы опасаясь погони; иногда они останавливались и прислушивались. Не только овраги, курганы, всѣ подозрительныя мѣста, гдѣ могли скрываться засады, но даже наблюдательные пикеты и казачьи посты они оставляли далеко въ сторонѣ, стараясь держать свой путь напрямикъ, безъ всякой дороги. Вечеромъ на слѣдующій день они пріѣхали въ Тифлисъ, и здѣсь отъ перваго встрѣчнаго жителя узнали о существованіи знаменитаго желтаго ящика, куда опускались всѣ жалобы, прошенія и письма; это много облегчало для нихъ задачу; они бросили въ ящикъ свой запечатанный конвертъ и скрылись въ трущобахъ Авлабара, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Анонимное письмо, дѣйствительно, попало въ руки намѣстника; онъ его прочелъ; но оно не сказало ему ничего новаго: онъ зналъ уже все, что ему нужно было знать, другимъ, притомъ совершенно легальнымъ путемъ. Объѣзжая Тифлисъ, онъ посѣтилъ Навтлугскій госпиталь, гдѣ встрѣтилъ одного драгуна, жестоко наказаннаго Постельсомъ. На вопросъ: какой онъ губерніи? драгунъ отвѣчалъ: «изъ крестьянъ собственной вотчины вашего сіятельства». Разумѣется, этого было достаточно, чтобы графъ Воронцовъ разспросилъ его подробно и познакомился съ караагачскими порядками. На шестой недѣлѣ поста Постельсъ неожиданно получилъ эстафету, которой вызывали его въ Тифлисъ по служебнымъ дѣламъ. Зачѣмъ вызванъ Постельсъ, въ полку, разумѣется, ничего не знали; но слухъ о большой экспедиціи, готовившейся въ Ичкерію, успѣлъ уже къ этому времени проникнуть въ Кахетію, и нѣкоторые остановились на томъ, довольно правдоподобномъ предположеніи, что въ экспедиціи, вѣроятно, приметъ

участіе Нижегородскій полкъ въ полномъ составѣ, и что Постельсъ вызванъ для совѣщаній по этому вопросу. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Но между тѣмъ какъ Постельсъ участвовалъ въ различныхъ засѣданіяхъ, въ его штабъ-квартирѣ подъ рукою производилось секретное слѣдствіе, до того самобытное и оригинальное по своимъ пріемамъ, такъ характерно рисующее передъ нами эпоху сороковыхъ годовъ, что мы будемъ продолжать разсказъ по тѣмъ же запискамъ и воспоминаніямъ старыхъ Нижегородцевъ.

На страстной недѣлѣ, въ четвергъ, часу въ девятомъ утра, въ штабъ-квартиру Нижегородскаго полка неожиданно въѣхалъ дорожный тарантасъ, запряженный тройкой курьерскихъ. На ямщикѣ была форменная шляпа и форменный кафтанъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ. Экипажъ остановился противъ полкового лазарета, оглоблями къ закатальской дорогѣ; спицы заднихъ колесъ его залеплѣны были густою грязью по самыя ступицы. Дорога отъ Тифлиса до Алазани была тяжелая; глинистый грунтъ всего этого плоскогорья, распущенный ненастьемъ, продолжавшимся десять дней къ ряду, сдѣлалъ ее почти недоступной для обыкновенныхъ смертныхъ, особенно по глубокимъ оврагамъ послѣдней станціи къ Царскимъ Колодцамъ. На козлахъ экипажа рядомъ съ ямщикомъ сидѣлъ бравый жандармскій унтеръ-офицеръ, а въ тарантасѣ помѣщался генералъ въ шинели, забрызганной грязью, и въ голубомъ сюртукѣ съ перекинутой черезъ плечо азіатской шашкой; замѣтили даже, что шашка была въ серебряной оправѣ, и что за поясомъ заткнута была пара пистолетовъ: очевидно, онъ отпустилъ конвойныхъ казаковъ при въѣздѣ въ Царскіе Колодцы, и въ Караагачъ въѣхалъ одинъ.

Въ тѣ отдаленныя времена, когда не было ни телефоновъ, ни телеграфныхъ проволокъ, которые могли бы предупредить о пріѣздѣ нежданнаго гостя, появленіе почтовой тройки въ захолустьи всегда производило нѣкоторую сенсацію, нарушая, такъ сказать, теченіе обыденной жизни. Такой же переполохъ произошелъ и въ штабъ-квартирѣ Нижегородскаго полка, когда въ ней остановилась не простая, а курьерская тройка, и проѣзжающимъ оказался не какой-нибудь маленькій чиновникъ, а генералъ, да еще жандармскій. Завѣдывавшій полкомъ въ отсутствіе Постельса, маіоръ Добрынинъ поспѣшилъ къ нему съ рапортомъ, но его предупредилъ полковой штабъ-лекарь Батіевскій, который, возвращаясь послѣ утренной визитаціи изъ лазарета, увидѣлъ

тройку и узналъ въ пріѣзжемъ генерала Викторова, котораго видалъ въ Тифлисѣ. Генералъ заговорилъ съ нимъ первый.

— Вы, если не ошибаюсь, полковой штабъ-лекарь? спросилъ онъ. Батіевскій отвѣчалъ утвердительно.—Не найдется ли у васъ тутъ по близости какого-нибудь помѣщенія для меня?—«Мой домъ къ услугамъ вашего превосходительства; у меня просторный домъ».—О, нѣтъ! благодарю васъ; я бы не желалъ никого стѣснять, мнѣ нужна совершенно отдѣльная комната, гдѣ бы я могъ заниматься, и каждую минуту быть готовымъ къ отъѣзду. Я командированъ по дѣламъ службы въ Закаталы. Алазань, говорятъ, такъ разлилась, что затопила дорогу. Мнѣ придется, можетъ быть, нѣсколько дней переждать у васъ въ штабъ-квартирѣ, если не послѣдуетъ распоряженіе главнокомандующаго вернуться въ Тифлисъ. Остановиться у васъ въ домѣ я не могу, но воспользоваться вашимъ радушнымъ гостепріимствомъ, когда позволитъ мнѣ время, я поставлю себѣ за особенное удовольствіе».

Батіевскій предложилъ генералу небольшую, но прекрасно меблированную комнату, рядомъ съ полковою аптекой, предназначавшуюся для лицъ медицинскаго персонала, командируемыхъ на Лезгинскую кордонную линію или въ Закатальскій округъ. Генералъ поблагодарилъ его. «Мнѣ больше ничего и не нужно», сказалъ онъ. Въ эту минуту подошелъ Добрынинъ. Онъ началъ было обычный рапортъ, но генералъ перервалъ его: «Благодарю васъ; я не могу принять вашего рапорта,—сказалъ онъ.—Я здѣсь частный человѣкъ; мое назначеніе—крѣпость Закаталы, куда я отправлюсь, какъ только спадетъ вода въ Алазани; поэтому прошу васъ не обращать на меня никакого вниманія и поступать во всемъ такъ, какъ бы меня здѣсь не было».

Грозный призракъ «слѣдствія», котораго неминуемо всѣ ожидали въ будущемъ,—исчезъ, послѣ успокоительныхъ словъ генерала. И тѣмъ не менѣе заявленію его какъ-то никому не вѣрилось. «Да точно ли онъ въ Закаталы ѣдетъ?» спрашивали всѣ другъ у друга,—и этотъ вопросъ открывалъ опять широкое поле для новыхъ догадокъ и предположеній.

Генералъ между тѣмъ помѣстился въ отведенной ему маленькой комнаткѣ, и никуда не показывался. Три раза въ продолженіе дня посылалъ онъ своего унтеръ-офицера на почтовую станцію узнавать о состояніи дороги, и всякій разъ вѣсти получались неутѣшительныя: Алазань продолжала бушевать, и на скорое возстановленіе сообщеній на-

дежды не было. Такъ наступилъ вечеръ. Въ штабъ-квартирѣ пробили вечернюю зорю, и въ окнахъ одинъ за другимъ начали показываться скромные огоньки; только домъ штабъ-лекаря рѣзко выдѣлялся изъ полумрака своими ярко освѣщенными окнами; ставни не были закрыты, и проходившіе мимо видѣли, какъ за чайнымъ столомъ, сервированнымъ съ необычною изысканностью, сидѣлъ тотъ самый генералъ въ голубомъ мундирѣ, появленіе котораго такъ интересовало всю штабъ-квартиру.

Генералъ Викторовъ цѣлый день не выпускалъ пера изъ рукъ, и только два раза отрывался отъ работы: въ 12 часовъ, когда слуга Батіевскаго поставилъ передъ нимъ дымящіяся блюда завтрака, и въ четыре часа, когда съ тѣмъ же человѣкомъ присланъ былъ ему обѣдъ. Все это видѣлъ пытливый еврейчикъ-фельдшеръ, устроившій себѣ наблюдательный постъ у одного изъ оконъ лазарета, откуда видна была вся генеральская комната. Когда стало смеркаться, генералъ уложилъ свои бумаги въ портфель, заперъ на ключъ дверь и вышелъ изъ дому, чтобы провести вечеръ въ семействѣ штабъ-лекаря, а кстати и извиниться передъ нимъ, что не могъ принять его приглашенія вмѣстѣ отобѣдать. Мыслей генерала, конечно, никто знать не могъ, но видя добродушное настроеніе его, порѣшили, что онъ посѣтилъ Батіевскаго, какъ стараго тифлисскаго знакомаго. «Если бы онъ присланъ былъ на слѣдствіе», разсуждали офицеры, «онъ не сталъ бы заниматься цѣлый день своими дѣлами; по всему видно, что онъ ѣдетъ въ Закаталы». Любопытные еще долго ходили подъ окнами штабъ-лекарскаго дома, пока наконецъ не спустили занавѣсы и не закрыли ставни.

Окончивъ чай, генералъ попросилъ позволенія выкурить сигару, прибавя съ улыбкой: «только не здѣсь, не въ обществѣ дамъ; этой вольности я себѣ никогда не позволю, а гдѣ-нибудь подальше, въ другой комнатѣ». Батіевскій проводилъ его въ кабинетъ. Генералъ самъ притворилъ за собою дверь, занялъ мѣсто подлѣ письменнаго стола, и вѣжливымъ жестомъ руки пригласилъ сѣсть и штабъ-лекаря. Минуты двѣ длилось молчаніе. Генералъ первый перервалъ его. «Скажите мнѣ, докторъ, вдругъ заговорилъ онъ, «могу ли я быть увѣреннымъ, что здѣсь насъ никто не услышитъ?» Батіевскій слегка поблѣднѣлъ. «Вотъ оно что̀», мелькнуло у него въ головѣ. Но онъ скоро овладѣлъ собою и отвѣтилъ твердо:—«На эту половину по вечерамъ никто никогда не заходитъ». Генералъ одобрительно кивнулъ головою. «Вотъ еще что, любезный док-

торъ, я бы желалъ узнать отъ васъ, чувствуете ли вы въ себѣ расположеніе отвѣчать на всѣ мои вопросы съ полною откровенностью». Штабъ-лекарь, совсѣмъ не ожидавшій такого категорическаго приступа, растерялся. «Я первый подамъ вамъ примѣръ откровенности», началъ генералъ, видимо желая вывести доктора изъ затруднительнаго положенія. «Я прибылъ сюда по порученію главнокомандующаго. До свѣдѣнія его, неизвѣстно мнѣ какимъ путемъ, дошло о не совсѣмъ нормальныхъ отношеніяхъ между полковымъ командиромъ и его подчиненными. Мнѣ нужны факты. Опрашивать нижнихъ чиновъ, и особенно господъ офицеровъ, я не желаю,—они въ этомъ дѣлѣ слишкомъ заинтересованная сторона; да и вообще я бы хотѣлъ какъ можно меньше огласки. Вы—совсѣмъ другое дѣло: вы находитесь, такъ сказать, только въ относительномъ подчиненіи у полкового командира; да и разговоръ нашъ останется между вами и мною. Вы не станете разглашать его изъ опасенія непріятныхъ послѣдствій для самого себя, а я, какъ слѣдователь, обязанный хранить довѣренную мнѣ тайну. Ничего письменнаго я отъ васъ не потребую; главнокомандующій также, надѣюсь, повѣритъ мнѣ на-слово». Нѣсколько минутъ сидѣлъ Батіевскій молча, разсматривая плотную фигуру своего собесѣдника, его голубой мундиръ, черные съ просѣдью волосы, и украдкой раза два взглянулъ даже на его черные проницательные глаза. Затѣмъ, собравшись съ духомъ, онъ приступилъ къ длинному и обстоятельному разсказу. Онъ передалъ генералу все, что ему было извѣстно о недоразумѣніяхъ между полкомъ и полковымъ командиромъ, какъ начались эти недоразумѣнія, чѣмъ они были вызваны, разсказалъ, какъ обращался полковникъ Постельсъ съ нижними чинами, какъ своими выходками на полковыхъ ученьяхъ, своими ѣдкими, нерѣдко оскорбительными сарказмами вооружалъ противъ себя офицеровъ; не забыты были имъ и карикатуры, ходившія по штабъ-квартирѣ. Процессія мимо дома полкового командира, съ пѣснями и кухонной посудой, также заняла не малое мѣсто въ его разсказѣ. Онъ не упоминалъ только ничьихъ фамилій; но ихъ отъ него и не требовали. Вниманіе генерала росло по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ развертывалась картина полковой жизни въ Караагачѣ,—картина до того своеобразная, что иногда ему казалось, что онъ видитъ все это во снѣ. Было уже около 11 часовъ, когда генералъ, ласково простившись съ семействомъ штабъ-лекаря, вышелъ изъ его ярко освѣщеннаго дома, и по темнымъ улицамъ, погру-

женной въ сонъ штабъ-квартиры, медленно направился къ своей уединенной комнаткѣ.

На другой день генералу дали знать, что Алазань вступила въ свои берега, но что дорога лѣсомъ, на протяженіи полутора-версты, представляетъ собою одно сплошное озеро, до того глубокое, что черезъ него не отваживаются переправляться даже арбы на очень высокихъ колесахъ. Генералъ остался въ Караагачѣ. Всю страстную пятницу до самаго вечера онъ, также какъ наканунѣ, все писалъ и писалъ, не отрываясь отъ работы, а вечеръ провелъ опять въ семействѣ штабъ-лекаря, и опять имѣлъ съ нимъ разговоръ безъ свидѣтелей, но на этотъ разъ непродолжительный. Въ субботу передъ сумерками онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, — такъ по крайней мѣрѣ думали всѣ,—что сообщеніе съ Закатальскимъ округомъ наконецъ было возстановлено. Но къ великому удивленію всего населенія штабъ-квартиры, онъ не пожелалъ быть въ дорогѣ первые два дня свѣтлаго праздника, и потому опять остался. По этому поводу въ полку снова заговорили; поведеніе генерала многіе находили страннымъ. «Какъ же это такъ? То онъ не зналъ, какъ ему выбраться изъ Караагача, безпрестанно справлялся на станціи—есть ли переправа, можно ли ѣхать дальше; а теперь, когда ему дали знать, что переправа есть, и что дорога свободна, онъ остается». Одинъ человѣкъ въ цѣломъ полку имѣлъ ключъ отъ этой загадки, но онъ молчалъ и боялся бы проговориться объ этомъ даже во снѣ.

Ночь подъ Свѣтлое Воскресенье стояла надъ Алазанью тихая и звѣздная. Еще до заутрени было далеко, а во многихъ домикахъ уже засвѣтились окна. Съ первымъ ударомъ церковнаго колокола, со всѣхъ четырехъ сторонъ штабъ-квартиры и изъ слободки потянулись къ полковой церкви вереницы прихожанъ въ праздничныхъ нарядахъ. Туда же къ началу заутрени явился и генералъ Викторовъ въ полной парадной формѣ и въ лентѣ черезъ плечо. Всѣ ожидали, что онъ встанетъ на почетное мѣсто, впереди, подлѣ клироса; но онъ остановился сзади, почти у самой паперти, гдѣ съ куличами, пасхами и крашеными яйцами въ узелкахъ, на блюдахъ и подносахъ, расположились жители слободки съ ихъ семействами. Они почтительно разступились и дали ему мѣсто. Здѣсь генералъ и простоялъ всю заутреню. Приложившись затѣмъ къ кресту и похристосовавшись съ священникомъ, онъ сказалъ ему, такъ чтобы всѣ могли слышать: «Батюшка, если позволите, я сегодня у васъ

разговѣюсь». Священникъ пріятно былъ удивленъ и отвѣтилъ: «за счастіе почту; дорогого гостя самъ Господь посылаетъ». Приглашенія его на обѣдъ генералъ, однако, не принялъ, такъ какъ далъ слово обѣдать въ этотъ день у штабъ-лекаря, но вечеръ обѣщалъ провести у него.

Къ семи часамъ, когда начались сумерки, домъ полкового священника засвѣтился огнями, и въ небольшой столовой комнатѣ, за чайнымъ столомъ, покрытымъ цвѣтною скатертью, собралась вся семья «полкового батюшки», человѣка по лѣтамъ своимъ стоявшаго у порога послѣдняго періода молодости, но еще не перешагнувшаго черезъ него. Въ половинѣ восьмого дверь изъ сѣней отворилась, и въ прихожей показалась плотная фигура генерала.

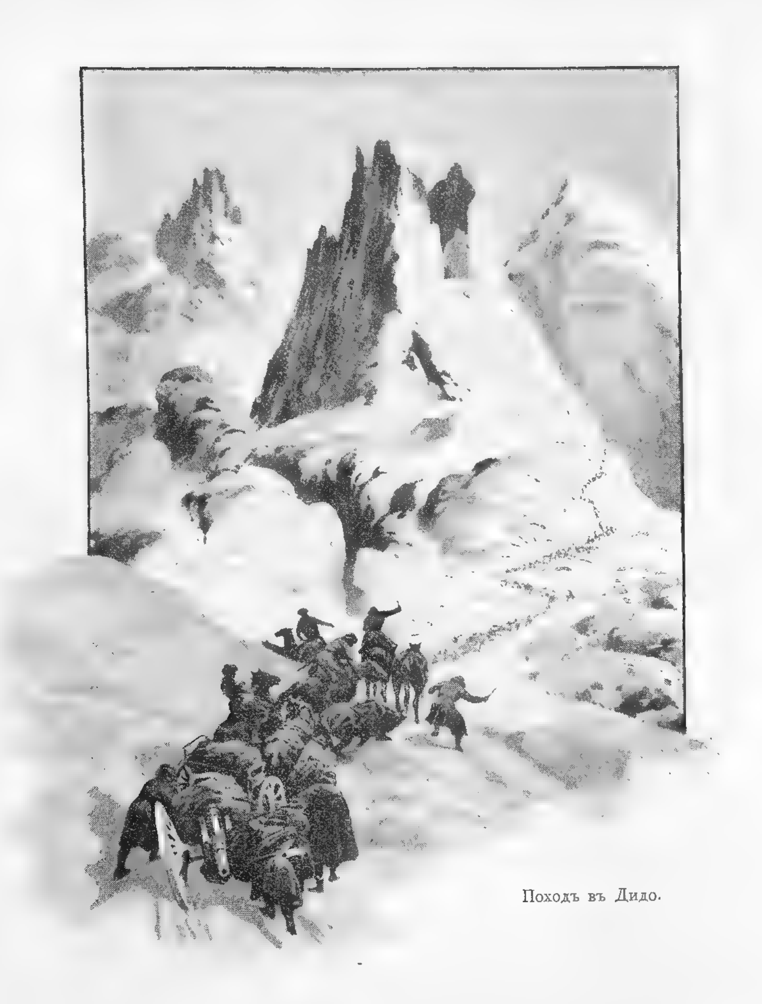
«Еще разъ, батюшка, Христосъ Воскресе!» проговорилъ онъ весело, снимая калоши. Священникъ, въ дорогой шелковой рясѣ голубого муара, встрѣтилъ гостя на порогѣ. Генералъ тотчасъ обратилъ вниманіе на цвѣтъ этой рясы и съ улыбкой замѣтилъ: «Если у васъ, батюшка, для каждаго посѣтителя имѣется особая ряса,—для голубого, какъ я, голубая, и т. д., то вамъ, я думаю, не дешево обходится принимать ихъ».—Это у меня праздничная, ваше превосходительство, конфузясь и какъ бы оправдываясь, проговорилъ священникъ. Викторовъ зналъ напередъ, что будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ робкаго характера и не слишкомъ словоохотливымъ, и потому ласковымъ и непринужденнымъ обращеніемъ всячески старался ободрить и внушить къ себѣ довѣріе. Такъ же, какъ и въ первый вечеръ у Батіевскаго, послѣ чаю онъ, не желая табачнымъ дымомъ безпокоить хозяйку дома, выразилъ желаніе уйти куда-нибудь подальше съ своею гадкою сигарой.

Въ отдѣльной комнаткѣ, куда проводилъ его священникъ, произошла точно такая же сцена, какъ за два дня передъ тѣмъ въ кабинетѣ полкового штабъ-лекаря. Послѣ неизбѣжныхъ прелиминарій самаго успокоительнаго характера, послѣ завѣреній, что все останется между ними, генералъ заставилъ наконецъ священника разсказать ему откровенно все, что ему было извѣстно о неурядицахъ въ полку за время командованія Постельса. Священникъ началъ. Разсказа своего онъ не приправлялъ ни личными взглядами, ни коментаріями, къ риторическимъ фигурамъ также не прибѣгалъ. Онъ говорилъ просто что зналъ, а зналъ онъ очень многое. Рѣчь его дышала правдивостью и безъискуственностью, и произвела на слушателя соотвѣтствующее впечатлѣніе. Мягкій голосъ его, необыкно-

венная кротость, свѣтившаяся въ его открытыхъ голубыхъ глазахъ, еще болѣе усиливали это впечатлѣніе. Генералъ Викторовъ остался доволенъ аудіенціей. Послѣ нея ему больше нечего было дѣлать въ штабъ-квартирѣ Нижегородскаго полка. Миссія его была кончена. Полковой штабъ-лекарь и полковой священникъ составляли въ его глазахъ нейтральную почву, на которой только и можно было производить въ данномъ случаѣ дознаніе. Онъ такъ и сдѣлалъ, и на третій день Пасхи, возвратился въ Тифлисъ ([5]).

Въ умѣ главнокомандующаго тогда же состоялось рѣшеніе замѣнить полковника Постельса другимъ лицомъ. Но въ тотъ моментъ всѣ второстепенные вопросы, а въ томъ числѣ и вопросъ о назначеніи Нижегородскому полку новаго командира, должны были отойти до времени на задній планъ. Надвигались событія высокой важности, — начиналась Даргинская экспедиція, составляющая въ жизни Кавказа одинъ изъ рѣшительнѣйшихъ моментовъ.

Мѣсто лѣтняго лагеря Нижегородцевъ подъ Караагачемъ.



Походъ въ Дидо.

ГЛАВА XIII.
До недосягаемыхъ ауловъ Дидойцевъ.
(1845 г.).

Графъ Воронцовъ—Намѣстникъ Кавказа.—Приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ.—Нижегородцы на Лезгинской линіи.—Защита Беженьянь. — Занятіе Маалъ-Раса.—Бой 29-го мая. — Князь Кобуловъ и дѣйствіе его въ бою 31-го мая на отрогахъ Кека.—Прибытіе въ Лезгинскій отрядъ 3-го дивизіона.—Разгромъ Ташлинскаго общества.—На границѣ Анцуха.—Штурмъ Гекъ-Нардевани (Небесной лѣстницы).—Походъ въ Дидо.—Подъемъ на хребетъ Мичитль.—Штурмъ аула Кидеро. — Бой у д. Холахо.—Возвращеніе отряда на линію.

Съ 1845 года въ исторіи русскаго владычества на Кавказѣ начинается новая эпоха: обширная и разноплеменная окраина эта преобразовывается

въ намѣстничество, и во главѣ ея становится графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ людей того времени. Имя Воронцова было окружено и ореоломъ боевой извѣстности, какъ одного изъ лучшихъ вождей 12-го года, и славою администратора, подъ управленіемъ котораго процвѣла Одесса, и были призваны къ жизни богатыя земли Крыма и пустынныя поля Новороссіи и Бессарабіи. Назначеніе его на Кавказъ привѣтствуемо было поэтому общимъ восторгомъ. 25-го марта 1845 года, въ самый день Благовѣщенья, онъ прибылъ въ Тифлисъ, и засталъ уже приготовленія къ большой экспедиціи, которая, какъ полагали, должна была однимъ ударомъ исправить всѣ наши ошибки и покончить съ жгучимъ вопросомъ мюридизма разъ на всегда. Военныя дѣйствія предположено было начать въ исходѣ мая мѣсяца; но для войскъ Лезгинской линіи эта пора наступила гораздо ранѣе.

Послѣ неудачнаго для насъ исхода экспедиціи 1844-го года, Шамиль, прочно утвердившись въ самомъ центрѣ горъ, въ Аваріи, приступилъ къ распространенію владычества среди тѣхъ мелкихъ нагорныхъ обществъ, которыя лежали около главнаго хребта, въ сосѣдствѣ съ Кахетіей, и первый свой ударъ направилъ на андаляльское селеніе Чохъ. Это селеніе, славившееся богатствомъ, торговлей и промышленностью, защищалось отчаянно, но послѣ 13-дневной осады было взято, и Шамиль приказалъ казнить всѣхъ его жителей. Это навело такую панику на остальныя племена, обитавшія южнѣе Аваріи, въ пространствѣ между Аварскимъ Койсу, Самурскимъ округомъ и главнымъ хребтомъ, что всѣ они тотчасъ признали главенство Шамиля и выставили подъ его знамена семь тысячъ пѣхоты и конницы. Чтобы испытать ихъ вѣрность, Шамиль приказалъ Кибитъ-Магомѣ и Даніель-султану вторгнуться съ ними въ русскіе предѣлы.

Извѣщенный объ этомъ лазутчиками, Шварцъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ войскъ, и 19-го апрѣля изъ Караагача уже выступили на линію два пѣшіе дивизіона Нижегородцевъ: 2-ой, штабсъ-капитана князя Кобулова, пошелъ въ Лагодехи, а 3-й, маіора Іосселіани, въ Беженьяны (1). Въ послѣднемъ пунктѣ, какъ болѣе опасномъ, стояли уже двѣ роты Тифлисскаго полка и, кромѣ того, сотня грузинъ, зинимавшая постъ въ Сахсцхенихскомъ ущельѣ. Начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ маіоръ Іосселіани, человѣкъ опытный въ горной войнѣ, и какъ уроженецъ Кахетіи, имѣвшій кунаковъ среди немирныхъ сосѣдей. Вотъ эти-то сосѣди и предупредили его подъ величайшимъ секретомъ, что гроза не

Нижегородскій драгунъ въ походной формѣ. -6-

далеко; по ихъ словамъ, на Беженьяны шелъ самъ Даніель-султанъ, а Кибитъ-Магома взялся штурмовать Бѣлоканы.

26-го апрѣля, часовъ въ 11 вечера, темное небо вдругъ освѣтилось заревомъ, и изъ ночного мрака ясно выступили силуэты голыхъ и сумрачныхъ скалъ Сохсцхениха. Въ Беженьянахъ поняли, что это горѣла постовая вышка, и хотя выстрѣловъ, относимыхъ вѣтромъ, не было слышно, но Іосселіани тихо поднялъ отрядъ и поставилъ его въ ружье. Черезъ нѣсколько минутъ явились и грузины съ извѣстіемъ, что непріятель наступаетъ. Всматриваясь въ темноту, можно было различить на самой опушкѣ лѣса большія движущіяся массы; оттуда доносился глухой шумъ шаговъ и слышались тѣ звуки, которые можетъ передавать только одна темная, тихая ночь. Закутанная мракомъ, крѣпость не подавала признака жизни; но едва непріятель подошелъ на близкій картечный выстрѣлъ, какъ съ башни грянула пушка, и въ то же мгновеніе изъ раскрытыхъ воротъ выступили два эскадрона драгунъ, рота Тифлисцевъ и сотня грузинъ. Появленіе отряда было такъ неожиданно, что лезгины смѣшались и, кинувшись бѣжать, скрылись въ ущельѣ. Отрядъ повернулъ назадъ, но Іосселіани, зная, что за первымъ нападеніемъ непремѣнно послѣдуетъ второе, приказалъ войскамъ стоять наготовѣ.

Еще не занималась заря, какъ непріятель сталъ опять подкрадываться къ укрѣпленію, но уже съ другой стороны—по руслу высохшей рѣки, крутые берега которой скрывали его отъ нашихъ глазъ и выстрѣловъ. Но та же крутизна береговъ мѣшала и ему увидѣть русскій отрядъ, скрытно расположившійся по самому гребню берега, и ждавшій только мгновенія, чтобы осыпать лезгинъ картечью и пулями. Этотъ внезапный залпъ, барабанный бой и крики «ура» такъ поразили лезгинъ, что толпа съ дикимъ ревомъ, тѣсня и давя другъ друга, ринулась бѣжать; но на этотъ разъ отрядъ преслѣдовалъ ее до самыхъ горъ, и воротился назадъ только тогда, когда убѣдился, что непріятель окончательно разсѣялся ([2]).

Въ ту же ночь партіи Кибитъ-Магомы подходили къ Кварели, Каратубани и къ Бѣлоканамъ; но, видя, что войска вездѣ стоятъ наготовѣ, благоразумно отказались отъ нападеній ([3]).

Лезгины, однако, не разошлись по домамъ. Послѣ долгихъ совѣщаній, происходившихъ у Гирильскаго моста, они порѣшили, наконецъ, отправить двухъ-тысячную партію къ Шамилю, а съ остальными занять перевалъ Маалъ-Расъ, и отсюда защищать анкратильскую границу. Шварцъ въ

тотъ же день узналъ объ этомъ рѣшеніи и, не теряя минуты, захватилъ Маалъ-Расъ въ свои руки. На самомъ гребнѣ его, еще покрытомъ глубокимъ снѣгомъ, остались двѣ роты Тифлисскаго полка, а батальонъ Эриванцевъ и пѣшая грузинская милиція, подъ командой полковника Дебу, спустились къ рѣчкѣ Рог-но-оръ и стали на одномъ изъ горныхъ уступовъ уже по ту сторону перевала. Всѣ остальныя войска Лезгинскаго отряда начали стягиваться къ горѣ Акималъ.

Появленіе русскихъ подняло тревогу во всѣхъ анкратльскихъ обществахъ, и Дебу передъ сумерками былъ атакованъ большими силами. Нападеніе это было отбито; но непріятель остался ночевать на сосѣднихъ горахъ, и вмѣстѣ съ восходомъ солнца 29-го мая возобновилъ сраженіе. Въ эту минуту на поле битвы прибылъ самъ генералъ-маіоръ Шварцъ еще съ двумя тифлисскими ротами и 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка князя Кобулова. Драгуны тотчасъ посланы были обойти непріятеля, чтобы облегчить фронтальную атаку, и имъ пришлось взбираться на заоблачныя выси по такимъ мѣстамъ, гдѣ не было не только дорогъ, но даже тропъ, пробитыхъ ногою человѣка. Многіе люди срывались и падали; это обходное движеніе едва не стоило жизни и храброму Кобулову, который, сорвавшись съ горы, ударился грудью о камни такъ сильно, что его въ первую минуту сочли убитымъ ([4]). Обходъ былъ довершенъ уже безъ него. Внезапное появленіе драгунъ на флангѣ послужило какъ бы сигналомъ къ общему нападенію нашей пѣхоты, и непріятель, тѣснимый съ двухъ сторонъ, поспѣшно отступилъ и скрылся за высокою горою Кекъ ([5]). Отрядъ подвинулся впередъ и сталъ на отрогахъ той же самой горы. Впереди насъ теперь лежало тѣсное и мрачное ущелье, а справа и слѣва отрядъ обступали высокія горы,—пологія къ нашей сторонѣ, но оканчивавшіяся отвѣсными обрывами къ противоположному краю. Было извѣстно, что за этимъ ущельемъ, ведущимъ на Тамалду, Даніель-бекъ собралъ разбитое скопище, и что сюда же возвратилась та 2-хъ тысячная партія анкратльцевъ, которая отправлена была къ Шамилю. Анкратль собралъ всѣ свои силы, и Даніель-бекъ рѣшилъ атаковать русскій отрядъ на разсвѣтѣ 31-го мая.

Едва забрезжился свѣтъ, какъ лезгины вышли изъ ущелья, и стали подниматься на боковыя горы. Планъ непріятеля былъ очевиденъ: онъ хотѣлъ зайти намъ въ тылъ, чтобы отрѣзать отъ русской границы и затѣмъ загнать насъ въ тѣснины, гдѣ гибель отряда казалась ему неизбѣжною.

Шварцъ это понялъ, и съ своей стороны сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: онъ приказалъ полковнику Дебу съ тремя эриванскими ротами занять лежавшее передъ нами ущелье, чтобы самимъ лезгинамъ отрѣзать всякій путь къ отступленію, а между тѣмъ остальныя войска направилъ на боковыя высоты: на правыя пошли три роты Эриванскаго полка, на лѣвыя — двѣ роты (одна эриванская, другая тифлисская), сотня пѣшихъ грузинъ и 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ. Начальство надъ послѣднимъ отрядомъ принялъ капитанъ князь Кобуловъ, больной, съ разбитою грудью, но все еще полный прежней отваги и энергіи. Поднявшись на гору, Кобуловъ увидѣлъ передъ собою тысячныя массы лезгинъ, и, не раздумывая долго, развернулъ отрядъ, далъ дружный залпъ и затѣмъ стремительно ударилъ въ штыки. Все это было такъ неожиданно, что непріятель сразу былъ опрокинутъ, и болѣе уже не могъ оправиться. Напрасно лезгины пытались удержаться въ глубокой балкѣ — ихъ выбили штыками; они засѣли за груды камней, представлявшихъ собою готовый и крѣпкій завалъ, — на эти завалы тотчасъ пошли Нижегородцы и пѣшіе грузины. Старшій вахмистръ 4-го эскадрона Цалкъ первый перескочилъ баррикаду, а за нимъ ворвались младшій вахмистръ Борисовъ и юнкеръ Глѣбовъ. Въ рукопашномъ бою командиръ 4-го эскадрона поручикъ Джемарджидзе едва не былъ изрубленъ, и его буквально вырвали изъ рукъ непріятеля рядовые Захаровъ и Скоропаловъ. Черезъ пять минутъ камни были разметаны, и князь Кобуловъ, быстро подавшись правымъ плечомъ, погналъ непріятеля прямо на страшный обрывъ, которымъ очерчивались лѣвыя горы. Здѣсь произошла послѣдняя, горячая рукопашная схватка, и лезгины, прижатые къ самому краю обрыва, были сброшены внизъ съ высоты нѣсколькихъ десятковъ саженъ. Съ горы было видно, какъ падавшіе люди, истерзанные острыми скалами, долетали на дно ущелья уже безформенными кровавыми массами. Таковъ былъ страшный финалъ этого боя.

Почти одновременно бой кончился и на правыхъ высотахъ, гдѣ Эриванцы загнали непріятеля въ ущелье, и тамъ истребили его почти поголовно. Изъ огромнаго скопища только небольшія партіи и успѣли уйти обходными тропами (6).

Нельзя не отмѣтить, что въ этомъ бою, гдѣ погибли почти всѣ силы Анкратля, наша потеря состояла только изъ 27 человѣкъ. «Этимъ я обязанъ», доносилъ генералъ Шварцъ, «строгому порядку и распорядительности частныхъ начальниковъ» (7). Но, къ сожалѣнію, въ числѣ этихъ

немногихъ жертвъ находился и командиръ Нижегородскаго дивизіона князь Кобуловъ. Разбитая грудь его не выдержала чрезмѣрнаго напряженія, кровь хлынула горломъ, и его на буркѣ отнесли въ вагенбургъ уже въ совершенномъ изнеможеніи. Бой на отрогахъ Кекъ былъ для него послѣднимъ; вскорѣ онъ вышелъ въ отставку, и Нижегородскій полкъ лишился одного изъ лучшихъ своихъ боевыхъ офицеровъ. За болѣзнію Кобулова, для командованія 2-мъ дивизіономъ, въ отрядъ былъ вызванъ изъ Караагача капитанъ Барковскій ([8]).

Послѣ дѣла 31-го мая отрядъ постепенно начинаетъ усиливаться: сперва прибылъ 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка съ маіоромъ Іосселіани; за нимъ подошли три конныя сотни Уральскихъ казаковъ, и наконецъ явилась Анкратльская милиція. Послѣдняя представляла собою довольно курьезное явленіе: она поступила въ отрядъ, разсчитывая быть только зрительницей событій, а Шварцъ, изъ своихъ политическихъ видовъ, приготовилъ ей между тѣмъ одну изъ дѣятельнѣйшихъ ролей въ экспедиціи.

Надо сказать, что съ разгромомъ анкратльскаго союза только два горныя общества, Ташъ и Анцухъ, надменно отказались войти въ сношенія съ русскимъ правительствомъ. Ихъ нужно было принудить къ этому силой, и Шварцъ выступилъ 22 іюля со всѣмъ отрядомъ черезъ Тамалду и земли Тебель и Анцроссо, къ Гирильскому мосту. Отсюда онъ выслалъ впередъ Анкратльскую милицію и приказалъ ей уничтожить четыре ташлинскіе аула. Анкратльцы пришли отъ этого въ неописанный ужасъ, и готовы уже были выразить открытое неповиновеніе, какъ увидѣли, что за плечами у нихъ стоятъ три сотни пѣшихъ грузинъ, которые весьма внушительно готовились поддержать приказаніе начальника. Дѣлать было нечего; анкратльцы тронулись впередъ и разорили четыре аула, навѣки поссорившись черезъ это съ ташлинцами; но этимъ не кончилось еще ихъ испытаніе: на слѣдующій день они такимъ же порядкомъ должны были уничтожить еще 14 ауловъ; но на этотъ разъ милицію поддерживалъ уже цѣлый отрядъ, который, идя по ея слѣдамъ, предавалъ пламени аулы, хутора, хлѣба и все имущество жителей. Ташлинцы, захваченные врасплохъ, защищались слабо, и вся потеря въ войскахъ ограничилась только двумя рядовыми: пѣхотный солдатъ былъ убитъ, да драгунъ Бондаренко раненъ пулею въ бокъ. Убѣдившись наконецъ, что сопротивленіе будетъ напрасно, жители бѣжали въ неприступныя скалы на границѣ Анцуха и сожгли за

собою мостъ. На берегу рѣки Сара-оръ войска остановились. Возстановлять переправу не было времени, а потому Шварцъ пошелъ окружнымъ путемъ черезъ Гирильскій мостъ, и сталъ на границѣ Анцуха (9).

Передъ нашими войсками вставала теперь высокая, заоблачная гора «Гекъ-Нардивани»,—въ переводѣ «Небесная лѣстница». И, дѣйствительно, огромные утесы ея, образовавшіе нескончаемый рядъ террасъ, напоминали лѣстницу, ведущую на самое небо. Густыя облака, заволакивавшія вершину горы, не позволяли видѣть, гдѣ она кончается; но на каждой изъ ея террасъ сквозь сѣрую дымку тумана виднѣлись завалы, и въ нихъ огромныя толпы народа. На глазъ можно было опредѣлить численность непріятеля отъ трехъ до четырехъ тысячъ; но анцуховцы съ минуты на минуту ожидали прибытія къ себѣ на помощь Гаджи-Мурата съ аварцами, и Кибитъ-Магому съ телитлинцами. Обстоятельства усложнялись тѣмъ, что въ войскахъ не было продовольствія, а въ тылу можно было ожидать возстанія Капучи. При такомъ положеніи дѣлъ, Шварцу оставалось одно — пробиться черезъ Анцухъ и стать на горѣ Химрикъ, откуда сообщенія съ Закаталами были безопасны. Въ виду этого рѣшено было взять «Небесную лѣстницу» штурмомъ,—и честь его была предоставлена Нижегородскимъ драгунамъ, пѣшему Грузинскому полку и уральскимъ казакамъ; батальонъ Эриванцевъ расположился за ними въ резервѣ; изъ остальныхъ двухъ батальоновъ одинъ охранялъ Гирильскій мостъ, другой прикрывалъ обозы. Штурмующія войска раздѣлены были на двѣ колонны: князь Спиридонъ Чавчавадзе съ 3-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка и тремя грузинскими сотнями долженъ былъ взять Небесную лѣстницу, а полковникъ Бородинъ съ уральскими казаками, 2-мъ дивизіономъ Нижегородцевъ и также съ двумя грузинскими сотнями—примыкавшіе къ ней завалы.

Съ разсвѣтомъ 31-го іюля обѣ колонны двинулись почти одновременно. Подходя къ Гекъ-Нардивани, князь Чавчавадзе неожиданно увидѣлъ передъ собой огромный завалъ, и встрѣченъ былъ въ упоръ ружейнымъ огнемъ. Драгуны и грузины, ринувшись впередъ, взяли его штурмомъ. Но за этимъ заваломъ, какъ изъ земли, выросъ другой, котораго прежде не видали. Въ окутавшихъ его облакахъ бѣлаго дыма, только и видно было, какъ сверкали ружейные выстрѣлы, опоясывая его огненною лентой. Задумываться было нельзя. Князь Чавчавадзе, «штабъ-офицеръ опытный, неустрашимый, пользующійся полнымъ довѣріемъ своихъ подчиненныхъ», верхомъ помчался къ завалу; за нимъ толпою хлынули драгуны

и грузины. Короткая схватка — и второй завалъ былъ выхваченъ у непріятеля. Но задача колонны только еще начиналась: передъ нею стояла «Небесная лѣстница», на которую по пятидесяти-градусному отвѣсу вела каменная тропа, испещренная какъ будто искусственно-вырубленными ступенями. Князь Чавчавадзе собралъ въ завалѣ свой маленькій отрядъ, далъ ему время оправиться, и затѣмъ повелъ его по этимъ ступенямъ, подавая собою примѣръ баснословной отваги. Опять загремѣли выстрѣлы, опять съ ужасающимъ свистомъ понеслись надъ головами огромные камни и цѣлые обломки утесовъ. Но чѣмъ выше поднимались драгуны и грузины, тѣмъ болѣе слабѣло мужество лезгинъ,—и когда грянуло послѣднее „ура", на вершинѣ Гекъ-Нардивани не оставалось уже ни одного лезги́на.

Еще поднимаясь наверхъ, 3-й дивизіонъ, можно сказать, съ облаковъ видѣлъ кровавую битву, кипѣвшую внизу, гдѣ была колонна Бородина. Тамъ происходило слѣдующее: Уральцы и грузины никакъ не могли преодолѣть фронтальнаго огня и бились еще на первой террасѣ; 2-й дивизіонъ стоялъ за ними, не принимая пока участія въ битвѣ. Барковскій вызвалъ только охотниковъ, которые, пробѣжавъ подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, заняли утесъ, лежавшій какъ разъ на продолженіи непріятельскаго завала, и оттуда открыли фланговый огонь. Изъ семи охотниковъ—двое: унтеръ-офицеръ Вердеревскій и рядовой Шульгинъ были ранены, но остальные пятеро, взобравшись на утесъ, наносили непріятелю поражающія потери. Лезгины наконецъ не выдержали и, выскочивъ изъ-за завала, съ бѣшеною яростью кинулись на уральцевъ. Эта опасная минута вызвала, наконецъ, изъ бездѣйствія и нашихъ Нижегородцевъ. 2-й дивизіонъ быстро поддержалъ уральскихъ казаковъ, и на плечахъ сбитаго непріятеля овладѣлъ нижнимъ, а затѣмъ и верхнимъ заваломъ. Бой былъ оконченъ,—трехтысячнаго скопища анцуховцевъ болѣе не существовало ([10]).

Штурмъ Гекъ-Нардивани, стоившій драгунамъ одного убитымъ и 10 человѣкъ ранеными, составляетъ одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ на Лезгинской линіи. И честь его вдвойнѣ принадлежитъ Нижегородскому полку, какъ по участію въ немъ двухъ дивизіоновъ, такъ и потому, что во главѣ ихъ стоялъ князь Спиридонъ Чавчавадзе,—старый ихъ однополчанинъ, заслужившій на штурмѣ «Небесной лѣстницы» орденъ св. Георгія 4 степени ([11]).

Пройдя черезъ весь Анцухъ, отрядъ 1-го августа прибылъ на Химрикъ и здѣсь остановился. Экспедиція собственно была окончена. Но

Шварцъ, сообразно положенію дѣлъ на Лезгинской линіи, рѣшилъ проникнуть еще въ землю Дидойцевъ, гдѣ русскія войска не бывали ни разу. Экспедиція предстояла трудная, какъ по условіямъ мѣстности, такъ и по характеру самихъ дидойцевъ, считавшихся въ горахъ самымъ хищнымъ и воинственнымъ племенемъ. Но Шварцъ былъ увѣренъ въ войскахъ, и сообщая о своемъ намѣреніи князю Воронцову, писалъ ему. «что относительно мужества солдатъ, смѣтливости и примѣрной храбрости офицеровъ онъ можетъ только сказать, что, командуя ими въ прошломъ году и въ нынѣшнемъ, почитаетъ себя счастливымъ» ([12]). Съ такими войсками можно было рѣшиться на все,—и даже на дидойскую экспедицію.

Приготовляясь къ походу, войска отправили на линію всѣ свои тяжести и даже вьючный обозъ; хлѣбъ и патроны розданы были на руки, и отрядъ 11-го августа перешелъ въ Бежитъ, главное селеніе Капучинцевъ. Отсюда Шварцъ послалъ прокламацію, требуя отъ дидойцевъ безусловной покорности. Отвѣтъ полученъ былъ надменный; дидойцы писали, «что имъ покоряться нѣтъ надобности, такъ какъ скорѣе живой человѣкъ взойдетъ на небо, чѣмъ русскіе поднимутся въ Дидо» ([13]). Отвѣтъ этотъ показывалъ готовность народа къ сопротивленію. Самъ Воронцовъ предупреждалъ Шварца, чтобы онъ былъ предусмотрителенъ и остороженъ, такъ какъ настроеніе въ горахъ послѣ даргинской экспедиціи крайне враждебно, а между тѣмъ войска распущены, и Лезгинскій отрядъ не можетъ разсчитывать ни на какую помощь. Но Шварцъ на нее и не разсчитывалъ. 12-го августа войска снялись съ своей позиціи, и съ боемъ стали подниматься на хребетъ Мичитль, отдѣлявшій капучей отъ дидойцевъ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ подъемовъ, какъ по высотѣ гребня, такъ и по крутизнѣ склона, достигавшаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 50 градусовъ. Драгунамъ на этотъ разъ не пришлось участвовать въ дѣлѣ; они были въ резервѣ и поднялись на гребень, когда бой былъ уже оконченъ. Первый аулъ на пути, Инухъ, былъ найденъ пустымъ; жители его бѣжали въ Кидеро, гдѣ находилась резиденція наиба, поставленнаго Шамилемъ. Это былъ Мулла-Магометъ, человѣкъ, извѣстный въ горахъ своею ученостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изувѣрствомъ. Для переговоровъ съ нимъ Шварцъ послалъ одного изъ почетныхъ капучинцевъ. Наибъ приказалъ его убить, а голову отправилъ обратно къ Шварцу. Въ отвѣтъ на это русскіе истребили Инухъ, и 13-го августа двинулись къ Кидеро ([14]).

Высокая гора, къ которой прислонился аулъ, угрюмыя и мрачныя сакли въ два и въ три этажа, стѣны, унизанныя бойницами, круглыя, почернѣвшія отъ времени башни,—все предвѣщало упорную и кровавую оборону. Самъ наибъ, въ бѣлой одеждѣ и зеленой чалмѣ, стоялъ на галлереѣ минарета и смотрѣлъ въ подзорную трубу на приближающіяся колонны; рядомъ съ нимъ вѣялъ зеленый значокъ. Прежде всего нужно было взять гору, опоясанную каменными завалами, чтобы лишить непріятеля командующей позиціи, съ которой онъ обстрѣливалъ не только окрестную мѣстность, но улицы и площадь аула. Шварцъ поручилъ этотъ штурмъ Нижегородцамъ, и четыре эскадрона ихъ, подъ командой прикомандированнаго къ полку на время экспедиціи корпуса жандармовъ подполковника Филатова, двинулись на завалы. Начался отчаянный бой. Первымъ ворвался поручикъ Зубковъ; а затѣмъ весь 2-й дивизіонъ, имѣя во главѣ капитана Барковскаго, и, поддерживаемый 3-мъ дивизіономъ, быстро сталъ подниматься вверхъ и брать завалъ за заваломъ. На одномъ изъ нихъ вѣялъ лезгинскій значокъ. Его схватилъ Нижегородскій драгунъ; онъ тутъ же получилъ шесть ранъ кинжалами и шашками, но, падая, успѣлъ перебросить значокъ товарищамъ. Здѣсь происходили самыя ожесточенныя схватки. Поручикъ Луневскій упалъ съ простреленной головой; на него накинулись лезгины, но подоспѣвшіе рядовые Абуковичъ, Барташевичъ и Кузнецовъ успѣли вынести раненаго офицера; барабанщикъ Сорокинъ, сидя на землѣ съ перебитой ногою, продолжалъ бить «атаку»; фурштатскій рядовой Никита Семеновъ, случайно замѣшавшійся въ общую свалку, крушилъ лезгинъ штыкомъ и прикладомъ, пока не упалъ прострѣленный пулей, прошедшей черезъ шею и горло. Видя, что бой разгорается, прапорщикъ Абхазовъ, съ 4-мъ взводомъ 3-го эскадрона, обѣжалъ завалъ и кинулся съ фланга. Этотъ маневръ и довершилъ побѣду,—все перемѣшалось, спуталось и хлынуло къ аулу.

Шварцъ, все время слѣдившій за ходомъ боя, какъ только увидѣлъ, что драгуны берутъ послѣдніе завалы, тотчасъ подалъ сигналъ къ общему наступленію. Двѣ сотни конныхъ уральцевъ и сотня тушинъ съ мѣста понеслись въ карьеръ, спѣшились у воротъ, и первыми вломились въ аулъ. Почти въ тотъ же моментъ подбѣжали къ нему съ горы и драгуны. Встрѣченные со стѣнъ жестокимъ огнемъ, они пріостановились,—но только на мгновеніе: старшіе вахмистра 2-го дивизіона, Литовкинъ и Шевкуновъ, унтеръ-офицеръ Кожинъ и рядовые Ефимовъ и Ситниковъ, кинувшись

впередъ, увлекли эскадроны. Изъ этихъ пяти человѣкъ—трое были ранены, и только Шевкуновъ и Кожинъ поднялись на стѣну. Вскочившіе за ними драгуны съ удивленіемъ увидѣли впереди себя еще цѣлый взводъ, уже работавшій около мечети: это былъ князь Абхазовъ, очутившійся здѣсь вмѣстѣ съ бѣжавшими горцами,—и, слѣдовательно, едва ли не раньше уральцевъ.

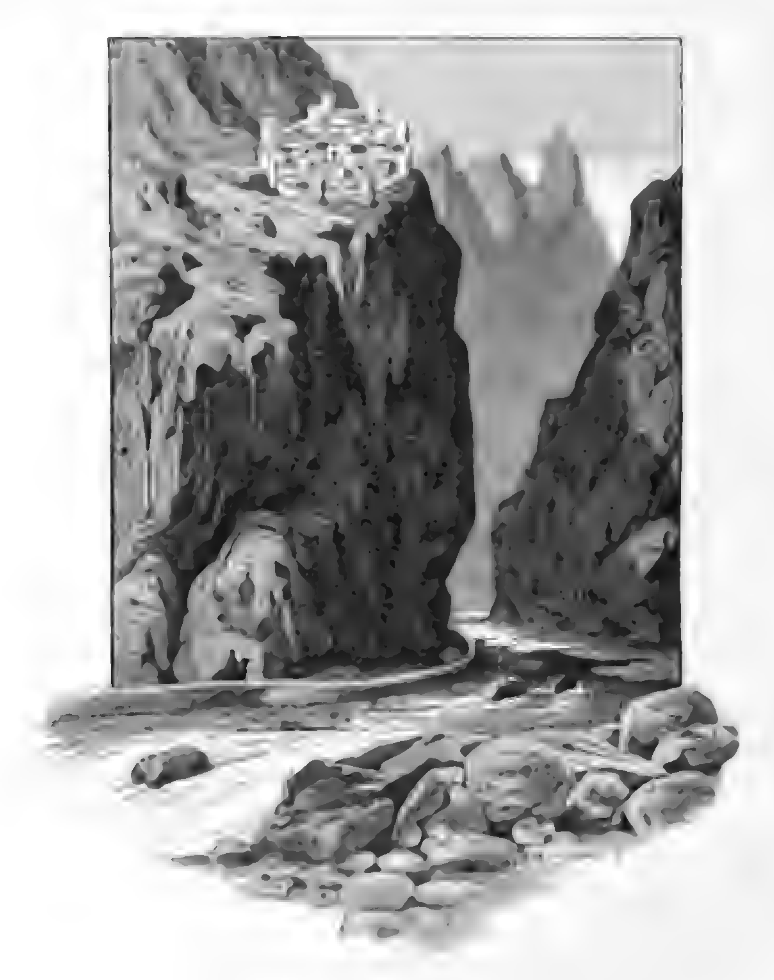
Аулъ тотчасъ зажгли, и бой продолжался посреди дыма и пламени. Солдаты, и особенно грузины никому не давали пощады. Довольно сказать, что изъ аула съ огромнымъ населеніемъ въ плѣнъ взято было только семь человѣкъ. Храбрый наибъ былъ убитъ, и зеленая чалма его принесена тушинами къ Шварцу. Штурмъ Кидеро стоилъ и намъ до полутораста человѣкъ; въ одномъ Нижегородскомъ полку раненъ поручикъ Луневскій, и выбыло изъ строя 34 нижнихъ чиновъ; въ числѣ послѣднихъ были ранены юнкеръ Александръ Фогель и старшіе вахмистра Цалкъ и Литовкинъ ([15]).

На слѣдующій день главное селеніе дидойцевъ Хупро было занято безъ боя. Непріятель отступилъ къ дер. Холахо, лежавшей среди дремучаго лѣса, и тамъ сосредоточилъ всѣ свои силы. Пройти черезъ этотъ лѣсъ безъ огромной потери было невозможно, и Шварцъ рѣшилъ выманить непріятеля въ чистое поле. Небольшой отрядъ, посланный съ этою цѣлью, завязалъ перестрѣлку и сталъ отступать. Непріятель обрушился на него со всѣми своими силами,—какъ вдругъ изъ опушки лѣса стройно выдвинулись, стоявшіе до тѣхъ поръ въ засадѣ, четыре эскадрона драгунъ, и съ барабаннымъ боемъ кинулись на горцевъ съ тылу. Ударъ драгунскихъ эскадроновъ, какъ говоритъ Шварцъ въ своемъ донесеніи, былъ неотразимъ. Напрасно лезгины пытались проложить себѣ дорогу кинжалами. Драгуны опрокинули ихъ на Тифлисцевъ, и горцы понесли жестокое пораженіе ([16]).

Эпизодъ этотъ былъ заключительнымъ актомъ дидойскаго похода. 18-го августа войска спустились въ Сабуи бодрыя, веселыя и въ такомъ состояніи, что могли бы выдержать новую экспедицію. «Безъ признательности нельзя было видѣть», говоритъ Шварцъ въ своемъ донесеніи: «той постоянной готовности, съ которою всѣ чины какъ бы хотѣли предупреждать приказанія, и у меня одно чувство къ войскамъ—благодарность» ([17]).

Такъ закончился славный походъ 1845-го года. 30-го августа Нижегородцы вернулись въ Караагачъ, но вернулись съ тѣмъ, чтобы вскорѣ

оставить свою штабъ-квартиру навсегда. Дидойскимъ походомъ заканчивается цѣлый періодъ боевой жизни Нижегородскаго полка, прошедшій въ Кахетіи; ему предстоялъ новый театръ военныхъ дѣйствій и новый періодъ славной дѣятельности—уже на сѣверныхъ склонахъ Кавказа.



Дидойскій аулъ.

Чиръ-Юртская крѣпость.

ГЛАВА XIV.
Послѣдніе дни въ Караагачѣ.
(1845 г.).

Начало новой эры въ исторіи Нижегородскаго полка.—Заложеніе Сулакской линіи и значеніе ея въ ходѣ кавказской войны.—Укрѣпленіе Чиръ-Юртъ.—Мысль о поселеніи на Сулакѣ казачьихъ станицъ.—Замѣна казачьихъ поселеній Нижегородскимъ полкомъ.—Назначеніе полковымъ командиромъ полковника Круковскаго.—Прошлое Круковскаго.—Осмотръ имъ Чиръ-Юрта и выборъ мѣста подъ новую штабъ-квартиру.—Посѣщенія Караагача графомъ Воронцовымъ.—Поѣздка въ Закаталы.—Памятникъ Гулакову.—Пріемъ Круковскимъ полка.—Встрѣча новаго, 1846 года.

1845 годъ въ жизни Нижегородскаго драгунскаго полка составляетъ переломъ, съ котораго собственно начинается новая эра полковой исто-

ріи. Этотъ знаменательный годъ—былъ также годомъ перелома и въ кавказской войнѣ. Даргинская экспедиція, усѣявшая русскими костями вѣковыя дебри Чечни, осталась назади и, какъ урокъ прошлаго, купленный потоками крови, воочію показывала, что на Восточномъ Кавказѣ земля, вполнѣ принадлежавшая намъ, была только та, которая находилась подъ стопами нашихъ отрядовъ. Ясно, что была нужна новая система войны, и эта система, затронувшая между прочимъ судьбы Нижегородскаго полка, вылилась въ строго опредѣленную форму—постепеннаго движенія впередъ посредствомъ занятія плоскостей и предгорій.

И вотъ, въ то время когда передовая линія съ Терека переносилась на Сунжу, генералъ Лабинцевъ заложилъ для защиты шамхальскихъ владѣній новую крѣпость на Сулакѣ и назвалъ ее Чиръ-Юртомъ. Если вѣрить преданіямъ, сохранившимся среди Кумыковъ,—этимологія этого слова не лишена интереса, въ особенности для насъ, русскихъ, такъ какъ ученые эфендіи и муллы утверждаютъ, что это есть испорченное слово Царь-Юртъ (Царское селеніе). Замѣчательно, что и въ запискахъ о Кавказѣ извѣстнаго путешественника Дебуа-де-Монпере эта мѣстность носитъ то же самое названіе. Преданіе говоритъ, что здѣсь въ 1722 году, во время Дербентскаго похода, Петръ былъ окруженъ непріятелемъ, и понесъ пораженіе. Ни исторія, ни записки современниковъ нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ происшествіи, и его слѣдовало бы отнести къ вымысламъ досужей фантазіи Востока, если бы не существовалъ историческій фактъ пораженія русской конницы, посланной Петромъ къ селенію Андреевскому. Но исторія не опредѣляетъ самаго мѣста, гдѣ произошло пораженіе, а жители указываютъ его и на обрывистомъ берегу Акташа, и на Койсу, гдѣ именно стояло селеніе «Царь-Юртъ». Во всякомъ случаѣ нельзя (a priori) отрицать связи между этимъ названіемъ и пребываніемъ русскаго царя во владѣніяхъ шамхала Тарковскаго.

Какъ и когда измѣнилась этимологія слова—этого не помнятъ даже самые старые старики, которые помнятъ, однако, что съ новымъ именемъ урочища соединяется одна изъ самыхъ кровавыхъ легендъ нашей кавказской войны.

Давно, когда страшная драма мюридизма только что начинала разыгрываться въ восточной половинѣ Кавказа, на правомъ берегу Сулака стоялъ большой и хорошо укрѣпленный аулъ Чиръ-Юртъ, принимавшій дѣятельное участіе въ газаватѣ.

Въ октябрѣ 1831 года русскія войска, двигавшіяся съ Кавказской линіи къ Дербенту, осажденному Кази-муллою, съ боя овладѣли переправой черезъ Сулакъ около Чиръ-Юрта, и самый аулъ этотъ былъ взятъ послѣ упорнаго и кровопролитнаго штурма. Послѣднія минуты его были ужасны: кавказскіе старожилы говорятъ, что не были пощажены ни дѣти, ни женщины, что самыя зданія преданы были пламени, и пожаръ, огненнымъ моремъ охватившій аулъ, докончилъ страшную картину разрушенія. Кто не читалъ извѣстной поэтической думы Полежаева «Черная Коса», навѣянной на него этимъ кровавымъ побоищемъ.

Тамъ, гдѣ свистящія картечи
Метала бранная гроза,
Лежитъ въ пыли, на полѣ сѣчи,
Въ три грани черная коса.
Она въ крови и безъ отвѣта;
Но тайный голосъ произнесъ:
Булатъ, противникъ Магомета,
Меня съ главы дѣвичьей снесъ.
Гордясь красой неприхотливой,
Въ родной свободной сторонѣ,
Чело невинности стыдливой
Владѣло мною въ тишинѣ.
Еще за часъ до грозной битвы
Съ врагомъ отечественныхъ горъ
Пылалъ въ жару святой молитвы
Звѣзды Чиръ-Юрта ясный взоръ.
Надежда храбрыхъ на пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прахъ велѣньемъ рока
Скатилась съ юнаго чела.
Оставь меня!... Кого лелѣетъ
Украдкой нѣжная краса,
Тому на сердце грусть навѣетъ
Въ три грани черная коса.

Съ тѣхъ поръ Чиръ-Юртъ лежитъ въ развалинахъ. Даже событія 1845 года, вызвавшія Сулакскую линію къ новой жизни, пронеслись надъ нимъ безслѣдно и не въ силахъ были поднять его изъ праха. Такъ онъ, заброшенный, стоялъ до окончанія кавказской войны, и

только вѣчные жильцы кладбища—филины, да ядовитыя змѣи и скорпіоны, гнѣздились въ немъ, одни оживляя эти пустынныя развалины.

Довольно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ той очевидной выгодѣ, которую пріобрѣтали мы съ занятіемъ Сулакской линіи. Служа естественной границей Дагестана, Сулакъ отдѣлялъ Чечню и Кумыкскую плоскость отъ покорныхъ намъ владѣній шамхала Тарковскаго, защита которыхъ во всѣ времена составляла живѣйшій интересъ нашего правительства. Заложеніе Чиръ-юртовской крѣпости и было первымъ шагомъ къ загражденію пути непріятельскимъ партіямъ.

Крѣпость, оказавшая намъ такія важныя услуги, была расположена на лѣвомъ берегу противъ самыхъ развалинъ стараго Чиръ-юртовскаго аула и сообщалась съ шамхальствомъ посредствомъ паромной переправы. Гарнизонъ ея состоялъ изъ трехъ ротъ, Кавказскаго линейнаго батальона, четвертая рота котораго находилась въ постоянной командировкѣ и занимала Казіюртъ.

Но Чиръ-юртовская крѣпость, со своимъ трехротнымъ гарнизономъ, не могла одна оборонять Сулакскую линію; она должна была составить только передовой укрѣпленный пунктъ ея, а честь обороны шамхала съ его подданными должны были принять на себя другія войска, которыя, расположившись напротивъ крѣпостцы, живою изгородью заняли бы весь правый берегъ теченія.

Отсюда появляется мысль водворить по Сулаку линію казачьихъ станицъ, которыя отгородили бы шамхальство отъ враждебныхъ намъ земель ауховцевъ и салатавцевъ. Говорятъ, что эта идея принадлежала лично императору Николаю Павловичу, по мысли котораго полоса казачьихъ земель была уже вдвинута въ середину кабардинской плоскости, отъ Екатеринограда до Владикавказа, и принесла громадные результаты. Руководствуясь этимъ примѣромъ, хотѣли подобную же мѣру примѣнить къ Дагестану, гдѣ поселенные казачьи полки могли составить не только отличный конный резервъ для обороны шамхальства, но, что было гораздо важнѣе, могли имѣть большое политическое значеніе въ смыслѣ сближенія съ нами туземцевъ. Прошло уже 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ русское оружіе господствовало среди Дагестана, а между тѣмъ ничего не было сдѣлано для закрѣпленія за нами этого края. Казачьи поселенія могли бы до извѣстной степени выполнить эту задачу,—но тутъ явился на сцену вопросъ о поземельныхъ угодіяхъ. Для казачьихъ ста-

ницъ свободныхъ земель требовалось много, а ея въ шамхальствѣ не было. Правда, шамхалъ владѣлъ обширными полями и пастбищами; но его права на нихъ были не права помѣщичьи, а только ленныя, потому что здѣсь всякій собственникъ имѣлъ, наравнѣ съ шамхаломъ и владѣтельными беками, и свои кутаны, и свою неотъемлемую землю. Покупка же земли у жителей, по примѣру покупки ея въ Кабардѣ у Анзоровыхъ, во всякомъ случаѣ сопряжена была бы съ большими неудобствами, такъ какъ жители никогда не согласились бы уступить ее добровольно, а сила могла бы вызвать въ народѣ ропотъ и неудовольствіе. При такихъ условіяхъ польза казачьяго поселенія являлась уже крайне сомнительною и, по всей вѣроятности, никогда не окупила бы предстоящихъ издержекъ, тѣмъ болѣе, что въ первое время для защиты станицъ потребовались бы регулярныя войска. Послѣднее обстоятельство и дало Воронцову мысль совсѣмъ отказаться отъ казачьихъ поселеній, а взамѣнъ ихъ водворить на Сулакѣ Нижегородскій драгунскій полкъ ([1]).

Полкъ этотъ стоялъ въ то время въ Кахетіи безъ особеннаго дѣла. Было время, когда Алазанская долина, опустошаемая набѣгами лезгинъ, представляла собой арену вѣчной и кровавой борьбы. Тогда и драгунскій полкъ, расположенный въ краѣ, несъ боевую службу изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, цѣлые годы, даже десятки лѣтъ. Но эта грозная пора миновала. Съ тѣхъ поръ какъ цѣпь русскихъ штыковъ протянулась у самой подошвы лезгинскихъ горъ,—Кахетія вздохнула свободнѣй, и роль полка, какъ защитника страны, окончилась. Въ Кахетіи ему дѣлать было нечего. Онъ началъ принимать участіе въ наступательныхъ экспедиціяхъ въ самую глубь непріятельской земли; но тамъ, какъ по характеру мѣстности, такъ и по условіямъ горной войны, ему приходилось дѣйствовать уже не на коняхъ, а пѣшкомъ. И хотя молодецкій духъ, который водилъ Нижегородцевъ къ побѣдамъ, сказывался на каждомъ шагу и въ этихъ пѣшихъ экспедиціяхъ, но это было все же не то, что можно было желать, и чего можно было требовать отъ полка, имѣвшаго за собой такое прошлое какъ Елизаветполь, Джеванъ-Булахъ, Ахалцыхъ и Бейбуртъ.

Маститый главнокомандующій первый обратилъ вниманіе на эту даромъ пропадающую силу, и рѣшилъ, что присутствіе ея среди главныхъ театровъ военныхъ дѣйствій: Кумыкской плоскости, Чечни и Сѣвернаго Дагестана, принесетъ гораздо больше пользы дѣлу, чѣмъ рас-

положеніе полка на такой отдаленной окраинѣ, какъ Лезгинская линія. Но съ другой стороны, Нижегородскій полкъ, занимая центральную позицію въ Караагачѣ, служилъ резервомъ для войскъ Лезгинской кордонной линіи, численность которыхъ никогда не превышала 7—8 неполныхъ батальоновъ, а при такихъ условіяхъ появленіе двухъ, а тѣмъ болѣе трехъ или четырехъ пѣшихъ эскадроновъ уже составляло счетъ. Главнокомандующій все это видѣлъ, и зналъ, что отсутствіе въ Кахетіи Нижегородскаго полка будетъ большимъ пробѣломъ въ оборонѣ края,—изолированное положеніе котораго, особенно въ связи съ предпріимчивостію бывшаго елисуйскаго султана Даніель-бека, озабочивало его не мало,—и тѣмъ не менѣе участь полка все-таки рѣшена была имъ безповоротно: онъ будетъ стоять на Сулакѣ въ сѣверномъ Дагестанѣ, въ семи или въ восьми стахъ верстахъ отъ Кахетіи, отъ своей дорогой штабъ-квартиры, съ ея садами, пасѣками, съ ея привольными алазанскими пастбищами и покосными мѣстами.

Остановившись на этомъ, графъ Воронцовъ вошелъ съ представленіемъ объ усиленіи Нижегородскаго полка до десяти-эскадроннаго состава (2), а между тѣмъ озаботился выборомъ для него новаго полкового командира, такъ какъ полковникъ Постельсъ, по его мнѣнію, для этого не соотвѣтствовалъ. Онъ просилъ о замѣнѣ его полковникомъ Кавалергарскаго полка Бетанкуромъ, но назначеніе это, однако, не могло состояться, потому что Бетанкуръ имѣлся въ виду для занятія другого, болѣе важнаго мѣста, а потому военный министръ отъ имени государя предложилъ въ преемники Постельсу командира Ширванскаго пѣхотнаго полка полковника Плацъ-Бекъ-Кокума, какъ служившаго прежде въ конно-гренадерахъ, а потомъ въ томъ же Нижегородскомъ полку. Военный министръ, прибавляя, что Плацъ-Бекъ-Кокума лично извѣстенъ государю, какъ штабъ-офицеръ отличный, способный и вполнѣ достойный занять этотъ постъ, спрашивалъ, не находится ли препятствій къ назначенію его со стороны Воронцова; въ случаѣ же согласія, онъ просилъ послѣдняго избрать въ командиры Ширванскаго полка одного изъ тѣхъ, которые значились въ приложенномъ къ письму кандидатскомъ спискѣ. Подобное назначеніе, исходившіе непосредственно отъ имени самого государя, уже разъ встрѣчается въ исторіи Нижегородскаго полка при назначеніи командиромъ его подполковника Доброва. Паскевичъ безусловно принялъ тогда предложеніе, но графъ Воронцовъ, вполнѣ сознавая ле-

жавшую на немъ, какъ на главнокомандующемъ, отвѣтственность за послѣдствія подобнаго выбора, поступилъ иначе. Вотъ что отвѣчалъ онъ военному министру:

«Полковника Плацъ-Бекъ-Кокума я не имѣлъ еще случая узнать; но какъ онъ лично извѣстенъ Государю Императору, и Его Величество изволитъ находить его способнымъ и достойнымъ командовать Нижегородскимъ полкомъ, то на назначеніе его съ моей стороны препятствій уже быть не можетъ. Мы должны принимать волю Государя съ покорностью и благоговѣніемъ. Но такъ какъ Государю Императору угодно было повелѣть спросить насчетъ сего назначенія и мое мнѣніе, то я считаю обязаннымъ по долгу присяги отвѣчать съ полной откровенностью, что свѣдѣнія, полученныя мною здѣсь отъ самыхъ уважаемыхъ лицъ насчетъ Плацъ-Бекъ-Кокума, вовсе не таковы, чтобы обѣщать пользу отъ назначенія его командиромъ Нижегородскаго полка, особливо если предположенія мои насчетъ перевода сего полка изъ теперешняго, сравнительно безполезнаго мѣста его квартированія, на другое болѣе полезное и дѣятельное служеніе, будутъ исполнены.

«Въ случаѣ, если это мнѣніе мое будетъ принято снисходительно, то я осмѣливаюсь представить въ командиры сего полка лицо, въ пользу котораго единогласны всѣ мнѣнія служащихъ въ здѣшнемъ краѣ. Этотъ кандидатъ—полковникъ Круковскій, командующій нынѣ Хоперскимъ казачьимъ полкомъ. Его благородный характеръ, отличія и опытность въ трудной войнѣ на правомъ флангѣ удостовѣряютъ, что онъ будетъ достойно командовать прекраснымъ Нижегородскимъ полкомъ. Его прошлое ручается за его будущее. Онъ будетъ водить полкъ, куда укажетъ надобность, и съумѣетъ удержать его на той высотѣ, на которой его привыкли видѣть съ первыхъ дней его появленія на Кавказѣ».

Въ заключеніе графъ Воронцовъ прибавляетъ, что если Плацъ-Бекъ-Кокумъ будетъ назначенъ въ Нижегородскій полкъ, то на мѣсто его въ командиры Ширванскаго полка онъ не рѣшается избрать никого изъ поименованныхъ въ кандидатскомъ спискѣ. Они могутъ быть люди достойные во всѣхъ отношеніяхъ,—этого онъ не отвергалъ, — но ни одинъ изъ нихъ не служилъ на Кавказѣ, а кавказскіе полки онъ находилъ справедливымъ и полезнымъ ввѣрять только штабъ-офицерамъ уже испытаннымъ въ здѣшней войнѣ, и извѣстнымъ храбростью и распорядительностію. Поэтому съ своей стороны онъ предлагалъ въ кандидаты

двухъ, не значившихся въ спискѣ: состоящаго по кавалеріи полковника Альбрандта и Кабардинскаго полка полковника Ранжевскаго (3).

Замѣчательно, что обоимъ этимъ кандидатамъ графа Воронцова не посчастливилось: не прошло и мѣсяца послѣ этого письма, какъ храбрый Альбрандтъ лишился руки въ Даргинскомъ походѣ, а Ранжевскій, извѣстный на Кавказѣ подъ именемъ «желѣзнаго дѣда», былъ убитъ въ памятной сухарной экспедиціи. Кстати замѣтить, что въ той же экспедиціи убитъ и генералъ Викторовъ, проведшій послѣднюю Пасху въ Карaагачѣ. Но о кандидатахъ болѣе не было рѣчи; государь утвердилъ всѣ представленія графа Воронцова: — и Плацъ-Бекъ-Кокумъ остался въ Ширванскомъ полку, а командиромъ Нижегородскаго — 7-го августа 1845 года — назначенъ былъ полковникъ Круковскій.

Многимъ и тогда казалось нѣсколько страннымъ, почему имя и даже характеръ командира одного изъ заурядныхъ казачьихъ полковъ могли быть извѣстны главнокомандующему на столько, чтобы вызвать съ его стороны такое горячее ходатайство. А дѣло объяснялось тѣмъ, что графъ Воронцовъ, слишкомъ внимательно прислушивавшійся къ общественному мнѣнію, къ голосу народа, который недаромъ называется голосомъ Бога, рѣдко ошибался въ выборѣ своихъ сотрудниковъ. Круковскаго онъ никогда не видѣлъ въ глаза, но, проѣзжая по линіи, слышалъ о немъ такъ много, что по этимъ слухамъ ясно создалъ себѣ его нравственный обликъ. И Круковскій, дѣйствительно, былъ такимъ, какимъ его представлялъ себѣ Воронцовъ. Чтобы ближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, необходимо набросить хоть легкій очеркъ его предшествовавшей службы.

Феликсъ Антоновичъ Круковскій былъ уроженецъ Гродненской губерніи и воспитывался въ одномъ изъ іезуитскихъ коллегіумовъ (studia Superioria), гдѣ не только получилъ многостороннее образованіе, но усвоилъ себѣ ту замѣчательную сдержанность и замкнутость, которые сообщали его наружности и манерѣ нѣчто угрюмое, сильно противорѣчившее его мягкому воспріимчивому сердцу. Военную службу онъ началъ въ лейбъ-гвардіи Подольскомъ кирасирскомъ полку, стоявшемъ въ Варшавѣ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, потомъ перешелъ въ Рижскій драгунскій полкъ капитаномъ, а въ 1839 году, уже въ чинѣ маіора, былъ переведенъ въ Кавказское линейное казачье войско, по ходатайству Граббе, который зналъ Круковскаго, когда былъ начальни-

комъ 2-й драгунской дивизіи. На Кавказѣ Крюковскій командовалъ сперва Горскимъ линейнымъ казачьимъ полкомъ въ Екатериноградѣ, а потомъ Хоперскимъ—на Кубани.

Первыя шесть лѣтъ, проведенныя Круковскимъ на Кавказѣ, были для него безконечною цѣпью военныхъ тревогъ и запечатлѣлись тяжкою раной, полученной на р. Фортангѣ, осенью 1840 года: пуля попала въ шею и повредила гортанные хрящи. Можетъ быть, отъ этой-то раны онъ и держался нѣсколько сутуловато. Но изъ цѣлаго ряда кровавыхъ дѣлъ, въ которыхъ участвовалъ Круковскій, особенно выдается блестящее дѣло 2-го мая 1843 года подъ Бекешевской станицей, когда онъ съ двумя сотнями хоперскихъ казаковъ вступилъ въ горячій бой съ четырехъ-тысячною отборною черкесскою конницей, и не только отстоялъ станицу, но спасъ отъ величайшей опасности, которая когда-либо угрожала, всѣ наши минеральныя группы. За это дѣло онъ получилъ двѣ награды: чинъ полковника и орденъ св. Георгія 4 степени. Боевая репутація его была упрочена. Но едва ли не выше военной славы казаки цѣнили въ немъ его высокія нравственныя доблести. Перейдя въ линейное войско, Круковскій вмѣстѣ съ одеждой принялъ всѣ обычаи, весь простой образъ жизни линейнаго казака. Это нравилось его подчиненнымъ. Въ его манерѣ жить казаки видѣли особое уваженіе Круковскаго ко всему, что было для нихъ родного и завѣтнаго. Онъ былъ католикъ, но любилъ православную службу, и каждое воскресенье, вмѣстѣ съ казаками, ходилъ къ обѣднѣ въ станичную церковь. Если прибавить къ этому его неподкупную честность, его благородныя правила, которыя стяжали ему любовь и популярность среди казачьяго населенія, то будетъ понятно, почему имя его стало извѣстнымъ Воронцову съ первыхъ же дней пріѣзда его на Кавказъ. И не только казаки, черкесы произносили имя его съ уваженіемъ: они слагали про него пѣсни, и славили подвигъ его подъ Бекешевской станицею наравнѣ съ славнѣйшими дѣлами своихъ національныхъ героевъ (4).

Таковъ былъ новый командиръ Нижегородскаго полка. Но онъ не тотчасъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, такъ какъ главнокомандующій предварительно командировалъ его въ сѣверный Дагестанъ для выбора и подробнаго осмотра мѣстности подъ новую штабъ-квартиру.

Мѣсто это, конечно, было отчасти предуказано Круковскому самимъ Воронцовымъ, который по этому поводу писалъ къ государю:... «Отличный

полкъ этотъ въ новомъ своемъ составѣ и съ отличнымъ полковымъ командиромъ, котораго Ваше Величество благоволили назначить, будетъ стоять на Сулакѣ выгодно и полезно, занимая съ одной стороны Зубутскія высоты, а съ другой, по направленію къ Султанъ-Янги-юрту, столько пространства, сколько нужно для полковыхъ сѣнокосовъ и пастбищъ. Полкъ сей я буду держать, такъ сказать, въ массѣ, и полковникъ Круковскій теперь же отправляется къ генералу Лабинцову, чтобы совершенно познакомиться съ мѣстностью и составить проектъ необходимыхъ построекъ» ([5]).

Выборъ такого пункта, который совмѣщалъ бы въ себѣ и стратегическое значеніе и всѣ экономическія условія, необходимыя кавалерійскому полку, требовавшему простора для своихъ сѣнокосовъ и пастбищъ, являлся задачею далеко не легкою. Лучшимъ мѣстомъ Круковскій признавалъ урочище, лежавшее на правомъ берегу Сулака между развалинами стараго Чиръ-юрта и Султанъ-юртомъ, верстахъ въ трехъ ниже Зубутовской переправы, гдѣ строилась новая крѣпость. Далѣе, по направленію къ Евгеніевской, мѣстность была уже гориста и удобна только для дѣйствія пѣхоты. Сулакъ, сжатый утесами, и заключенный въ глубокомъ руслѣ, былъ недоступенъ въ тѣхъ мѣстахъ для кавалеріи, а потому большія конныя партіи переправлялись ниже, тамъ, гдѣ рѣка, вырываясь изъ горныхъ тѣснинъ, разливается по широкой долинѣ. Надъ этою-то долиной, на высокой горѣ, и лежало урочище, откуда, какъ изъ центральнаго пункта, драгуны могли появляться на обоихъ берегахъ рѣки, защищая и шамхальскую плоскость, и кумыкскія владѣнія. Урочище это также носило названіе Чиръ-юрта.

Помимо стратегическихъ выгодъ, Чиръ-юртъ соединялъ въ себѣ всѣ условія хорошей стоянки и въ санитарномъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Правда, пастбищныхъ мѣстъ подъ рукой не было, но въ интересахъ кордонной службы это, можетъ быть, даже было и къ лучшему. За то въ 18 верстахъ на сѣверо-западъ отъ штабъ-квартиры, между лѣсами, протянувшимися до самаго моря, раскинулись, никогда не знавшія засухи и неурожая, обширныя покосныя поляны, которыя въ состояніи были продовольствовать не одинъ, а нѣсколько полковъ кавалеріи.

Всѣ эти земли, тянувшіяся узкой полосою по правому берегу рѣки, были порожнія, такъ какъ жители, заселявшіе эти мѣста, за исключеніемъ только трехъ деревень: Султанъ-Янги-юрта, Чонтъ-аула и Темиръ-

аула, принадлежавшихъ андреевскому князю Селимъ-хану Казаналипову, отложились отъ русскихъ при общемъ возстаніи Дагестана въ 1843 году и удалились въ горы. Съ тѣхъ поръ берега Сулака опустѣли, и могли быть заняты нами безъ всякихъ пререканій со стороны шамхальцевъ. Что же касается до владѣній князя Селима, то онъ охотно уступалъ и свои земли подъ полковые покосы за 1.200 руб. ежегодной пенсіи ([6]).

Такимъ образомъ выборъ мѣста былъ сдѣланъ. Но полковникъ Круковскій въ число необходимыхъ условій квартированія полка ставилъ устройство въ Чиръ-юртѣ постояннаго моста, безъ чего кавалерія, будучи задерживаема медленной паромной переправой, никогда не поспѣвала бы во-время въ кумыкскія владѣнія. Это обстоятельство Круковскій признавалъ до такой степени важнымъ, что полагалъ за лучшее отложить самое передвиженіе полка до весны 1847 года, чтобы предварительно устроить мостъ, заготовить строительные матеріалы, и выиграть время для переформированія полка и пріученія его къ новому роду службы. Предположенія Круковскаго не были, однакоже, приняты княземъ Воронцовымъ; рѣшено было держаться первоначальнаго плана, и выступленіе назначено весною 1846-го года ([7]).

Въ то время какъ рѣшались эти вопросы, Круковскій 9-го ноября прибылъ въ Караагачъ и произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе своею мужественною фигурой, несмотря на сдвинутыя брови и угрюмое выраженіе глазъ, смотрѣвшихъ изъ-подлобья.

Въ это самое время по всему тракту отъ Тифлиса до Алазани шли большія приготовленія къ встрѣчѣ главнокомандующаго, который долженъ былъ прибыть въ Закаталы на торжество открытія памятника генералу Гулякову, убитому подъ стѣнами ихъ въ самые первые дни борьбы за неприкосновенность Кахетіи.

Мысль о сооруженіи этого памятника возникла въ 1830 году, двадцать шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Гулякова, когда русское войско торжественно вступило въ покорные Закаталы. Офицеры, участники похода, сами заявили тогда желаніе собрать между собою по подпискѣ достаточную для этого сумму, и усердными вкладчиками въ общую войсковую сокровищницу явились тогда и Нижегородскіе драгуны. Эта признательная память воиновъ къ вождю другого, уже отжившаго поколѣнія нашла себѣ отголосокъ въ возвышенныхъ чувствахъ императора Николая Павловича, который не только одобрилъ самую мысль о памятникѣ,

но и всѣ расходы по его сооруженію повелѣлъ принять на счетъ государства.

Маститый намѣстникъ, убѣленный сѣдинами, пожелалъ лично присутствовать при этомъ торжествѣ, чтобы почтить память своего начальника, подъ командой котораго за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ онъ, еще свѣжій и бодрый юноша, началъ свою первую кавказскую службу. Въ церемоніи должны были принять участіе и три эскадрона Нижегородскаго полка, вызванные изъ Карaагача, подъ общею командой маіора Головкова: 1-й эскадронъ, капитана Гоппе, со штандартомъ и хоромъ трубачей пошелъ прямо въ Закаталы, а остальные два, штабсъ-капитана Мочабѣли и капитана Арсеньева, разставлены были по дорогѣ для конвоированія намѣстника ([8]).

Новый полковой командиръ засталъ въ своей штабъ-квартирѣ тѣ же приготовленія и ту же суету, какія встрѣчалъ вездѣ по дорогѣ, и вотъ, 12-го ноября, въ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ, теплыхъ дней, которыми такъ богата прелестная кавказская осень, на спускѣ отъ Царскихъ Колодцевъ показалось густое облако пыли, возвѣстившее о приближеніи высокаго посѣтителя. Главнокомандующій ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый четырьмя сотнями донскихъ казаковъ. Карaагачъ съ утра уже принялъ праздничный видъ, и густыя толпы народа собрались у воротъ штабъ-квартиры; здѣсь находился весь нестроевой элементъ полка: отставные солдаты, поселяне, торговцы, женщины, дѣти. Особыми группами размѣстились грузинскіе помѣщики-князья въ своихъ живописныхъ костюмахъ, прибывшіе изъ дальнихъ мѣстъ не только Нижней, но и Верхней Кахетіи. Крестьяне ближайшихъ деревень, привлеченные любопытствомъ, также выползли изъ своихъ подземелій поглядѣть на маститаго начальника края, о силѣ и полномочіяхъ котораго ходили по всему Кавказу преувеличенные слухи; вся эта масса разступилась какъ только облако пыли сбѣжало съ послѣдняго спуска, и, вытянувшись по обѣ стороны дороги, образовала изъ себя живыя пропилеи, черезъ которыя съ шумомъ и грохотомъ промчалась блестящая кавалькада. Главнокомандующій безпрестанно обнажалъ свою сѣдую голову и кланялся направо и налѣво, сопровождая свои поклоны ласковою улыбкою. Привѣтливость его не мало озадачила туземное населеніе, ожидавшее, можетъ быть, увидѣть въ такомъ большомъ начальникѣ гордую осанку, повелительные жесты, нахмуренныя брови. Въ штабъ-квартирѣ главнокомандующій встрѣ-

ченъ былъ почетнымъ карауломъ отъ Нижегородскаго полка, подъ командой капитана Барковскаго; затѣмъ сдѣлалъ смотръ тремъ эскадронамъ, и принималъ конныхъ и пѣшихъ ординарцевъ: съ конными являлся поручикъ Гончаровъ, очень далекій отъ совершенства въ искусствѣ верховой ѣзды въ томъ смыслѣ, какъ она понималась въ русской кавалеріи, а съ пѣшими—подходилъ прапорщикъ Лазинскій, немолодой уже человѣкъ изъ польскихъ войскъ, сутуловатый, и говорившій съ замѣтнымъ польскимъ акцентомъ. Главнокомандующій былъ доволенъ всѣмъ, и благосклонная улыбка все время не сходила съ его лица (9). Впрочемъ, на строевую часть онъ смотрѣлъ вообще съ своей особенной точки зрѣнія и расточалъ благодарность войскамъ только сообразно тому, какъ они служили въ экспедиціяхъ. Если нижніе чины имѣли на смотру бодрый видъ, громко и весело отвѣчали на привѣтствіе начальника, претензій не заявляли—смотръ сходилъ хорошо; а если, сверхъ того, они проходили церемоніальнымъ маршемъ довольно стройно, а потомъ возвращались въ казармы съ пѣснями и бубнами, то часть, по мнѣнію его, была уже въ блестящемъ видѣ. Все, что онъ нашелъ въ Караагачѣ, было именно то, что онъ желалъ бы находить повсюду: драгуны ни на кого не жаловались, видъ имѣли чрезвычайно бодрый, а когда онъ съ ними поздоровывался, они отвѣчали такъ громко и такъ дружно, что скалы, обступившія Тамаринъ замокъ, не одинъ, а нѣсколько разъ отчетливо повторили ихъ стереотипное: «здравія желаемъ». Во всемъ этомъ онъ умѣлъ подмѣтить то, что не было замѣтно другимъ, менѣе его знавшимъ войну, военное дѣло и военную службу. Онъ видѣлъ въ этомъ громкомъ и веселомъ откликѣ войскъ ту нравственную силу, которая служила ему залогомъ побѣды. А это было альфой и омегой всего, чего онъ отъ нихъ требовалъ.

Но тутъ же, на этомъ самомъ смотру, случилось и одно обстоятельство настолько странное, что по словамъ Воронцова, онъ никогда бы ему не повѣрилъ, если бы не увидѣлъ собственными глазами. Проѣзжая по фронту, онъ какъ-то случайно обратилъ вниманіе на шашки нижнихъ чиновъ, и съ немалымъ удивленіемъ замѣтилъ, что онѣ не отпущены; онъ приказалъ примкнуть штыки,—и штыки оказались на томъ же мирномъ положеніи, точно полкъ квартировалъ гдѣ-нибудь въ глубокой Россіи. Это поразило его тѣмъ болѣе, что едва прошло три мѣсяца, какъ драгуны опять заставили говорить о себѣ въ горахъ, гдѣ такъ высоко цѣ-

нились личныя военныя доблести. Онъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ драгуны могли завоевать себѣ этимъ тупымъ оружіемъ такое почетное мѣсто въ рядахъ экспедиціоннаго отряда, и какъ могли они вступать въ рукопашный бой съ непріятелемъ, для котораго оружіе составляло предметъ особой заботливости! Хотя замѣчаніе, сдѣланное главнокомандующимъ по этому поводу, и направлено было по адресу стараго полкового командира, но полковнику Круковскому тогда же отдано было категорическое приказаніе привести оружіе въ должную боевую исправность (10).

Переночевавъ въ Караагачѣ, главнокомандующій на слѣдующій день уѣхалъ въ Закаталы, гдѣ 15-го ноября совершилось торжественное освѣщеніе памятника, а 17-го Нижегородскіе эскадроны уже вернулись домой, и полковникъ Круковскій приступилъ наконецъ къ пріему полка.

Зима была проведена въ Караагачѣ уже далеко не такъ, какъ въ предшествовавшіе годы: всѣ знали о крупныхъ перемѣнахъ, готовившихся въ судьбѣ полка, и новый 1846-й годъ былъ встрѣченъ всѣми въ тревожныхъ заботахъ о будущемъ.

Евгеніевское укрѣпленіе.

Нападеніе татаръ на двухъ Нижегородскихъ офицеровъ.

ГЛАВА XV.

Геройская защита [1].

(1845 г.).

Почтовый трактъ отъ Тифлиса къ Царскимъ Колодцамъ.—Прапорщики Крупскій и Сарычевъ.—Встрѣча на дорогѣ съ татарами.—Геройская получасовая защита.—Обманчивый призракъ спасенія.—Новое нападеніе и новый отпоръ.—Израненные офицеры рѣшаются отступить въ Сарточалы.—Тревога на казачьемъ посту.—Неудачная погоня за хищниками.—Комиссіонеръ Шапошниковъ.—Прибытіе офицеровъ въ полкъ, и ихъ дальнѣйшая судьба.

Пребываніе Нижегородскаго полка на старомъ пепелищѣ завершилось однимъ частнымъ эпизодомъ, который воочію доказываетъ, что духъ

полка не составляетъ характеристическую принадлежность одной только массы, а что онъ проникаетъ и во всѣ отдѣльныя личности, входящія въ составъ этой массы. Эпизодъ этотъ случился на кахетинскомъ трактѣ, на другой день послѣ проѣзда по немъ полковника Круковскаго, и за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ по тому же тракту мчался экипажъ главнокомандующаго.

На долю скромныхъ дѣятелей, можетъ быть никогда не мечтавшихъ о томъ, чтобы заставить говорить о себѣ, выпадаютъ иногда эпизоды, противъ воли выдвигающіе ихъ изъ той темной среды, въ которой они разсчитывали быть до конца своихъ дней. При нѣкоторомъ честолюбіи и умѣньи пользоваться обстоятельствами, иные на этихъ эпизодахъ строятъ свою карьеру и заходятъ иногда очень далеко, гораздо дальше, нежели природныя ихъ дарованія даютъ имъ на то право. Къ числу такихъ эпизодовъ принадлежитъ сцена, разыгравшаяся 8-го ноября 1845 г. на почтовомъ трактѣ между Тифлисомъ и долиной Алазани, верстахъ въ десяти отъ нынѣшней нѣмецкой колоніи Сарточалы. Трактъ этотъ, далеко не безопасный, пролегаетъ по безлюднымъ, обнаженнымъ равнинамъ плоской возвышенности, окаймленной съ сѣвера живописнымъ хребтомъ верхней Кахетіи, который постепенно, уступами, понижается къ безводной Ширакской степи. Было около четырехъ часовъ пополудни, когда отъ станціи Марткоби, расположенной на одномъ изъ поворотовъ рѣки того же имени, выѣхала почтовая тройка. На телѣгѣ стариннаго образца, отличавшагося полнымъ отсутствіемъ комфорта, сидѣли два офицера Нижегородскаго полка, прапорщики Крупскій и Сарычевъ. Они возвращались изъ Россіи: одинъ изъ Московскаго, а другой изъ Каргопольскаго драгунскихъ полковъ, куда были командированы изъ Караагача на экзаменъ для производства въ офицеры. Оба они были высокаго роста и плотнаго сложенія, въ особенности первый, зачисленный на службу еще въ 31-мъ году изъ военноплѣнныхъ уланъ бывшей Польской арміи; ему было лѣтъ сорокъ пять,—по крайней мѣрѣ такъ казалось на видъ; черные курчавые волосы его отливали просѣдью; густыя бакенбарды и длинные усы придавали его наружности воинственное, даже суровое выраженіе; но кроткіе черные глаза, ласково смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей, и мягкій грудной голосъ сильно противорѣчили этому первому впечатлѣнію. Крупскій отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, привѣтливостью и услужливостью. Музыка была любимымъ его развлече-

Нападеніе татаръ на офицеровъ.

-4-

ніемъ; скрипка и флейта, такія же старыя и полинялыя, какъ и ихъ хозяинъ, были неразлучными его спутниками въ жизни. Кромѣ того, Крупскій, какъ и всѣ уроженцы лѣсныхъ западныхъ губерній, былъ страстный охотникъ и замѣчательный стрѣлокъ. Двуствольное ружье его, съ прекраснымъ боемъ, дорого цѣнилось въ полку, и онъ никогда съ нимъ не разставался.

Сарычевъ былъ лѣтъ на семнадцать моложе Крупскаго. Свѣжее румяное лицо его, съ большими на выкатѣ глазами, нельзя было назвать выразительнымъ, но за то въ каждой чертѣ его сквозило то же добродушіе, какимъ отличался и его старшій товарищъ. Третьимъ пассажиромъ, направлявшимся вмѣстѣ съ двумя офицерами въ урочище Караагачъ, былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, находившійся въ услуженіи у Крупскаго; онъ помѣщался на облучкѣ рядомъ съ ямщикомъ.

Солнце начинало садиться. Колокольни сельскихъ церквей надъ темными ущельями Кахетинскихъ горъ, озаренныя пурпуровыми лучами умиравшаго дня и казавшіяся издали розовыми обелисками, одна за другою померкли. Сумерки быстро приближались. Окрестность мало по малу стушевывалась, и дорогу обступала полупрозрачная мгла. На дальней окраинѣ потемнѣвшаго неба показались первыя звѣзды.

Мѣрно и монотонно звучалъ колокольчикъ, одинъ нарушая торжественную тишину надвигающейся ночи, да нѣсколько разъ гдѣ-то далеко пронесся въ воздухѣ жалобный крикъ шакалки. Тройка бѣжала не особенно бойко; разгонъ былъ большой, и почтовыя лошади, не выходившія изъ упряжи, были замучены. Верстахъ въ десяти отъ Сарточальской станціи, изъ лощины вдругъ вынырнула на дорогу какая-то темная масса, казавшаяся черною въ сгустившихся сумеркахъ; она двигалась навстрѣчу почтовой тройкѣ, и когда разстояніе значительно уже сократилось, путешественникамъ нашимъ не трудно было различить всадниковъ, ѣхавшихъ въ папахахъ, буркахъ и въ полномъ вооруженіи. Ихъ было восемь человѣкъ. Поравнявшись съ повозкой, они проговорили обычный «селямъ», и поѣхали дальше. Въ тѣ смутныя времена, когда за каждымъ бугоркомъ, за каждымъ камнемъ, и въ каждой впадинѣ могла скрываться опасность, когда никто не отваживался пускаться въ путь въ одиночку, особенно послѣ заката солнца, всякая встрѣча могла казаться подозрительною. Поэтому, какъ только татары проѣхали мимо, Крупскій досталъ свое двуствольное ружье и положилъ его на колѣни.

а Сарычевъ, у котораго не было ни ружья, ни пистолета, потихоньку высвободилъ изъ-подъ шинели свою черкесскую шашку. Предчувствіе не обмануло опытныхъ кавказцевъ; татары отъѣхали только на небольшое разстояніе, съ цѣлью усыпить вниманіе проѣзжихъ, а затѣмъ, повернувъ назадъ, вдругъ кинулись за повозкой. Заслышавъ конскій топотъ, въ значеніи котораго не трудно было догадаться, офицеры крикнули ямщику: «Пошелъ!» Крупскій выхватилъ изъ чехла ружье. Тройка понеслась, но погоня все ближе и ближе. Уже можно было видѣть бородатыя лица татаръ, и слышать тяжелое храпѣнье запыхавшихся коней. Въ это время телѣга повернула въ ущелье рѣчки Марткоби, мѣстами поросшее кустарникомъ, и дорога пошла еще пустыннѣе и диче; здѣсь обыкновенно стоялъ наблюдательный постъ изъ восьми человѣкъ татаръ милиціонеровъ; но на этотъ разъ его почему-то не было. Остается непонятнымъ совершенно, почему слѣдствіе, производившееся впослѣдствіи, не обратило вниманія именно на это странное совпаденіе — отсутствіе пикета изъ восьми человѣкъ, и появленіе хищнической партіи также изъ восьми всадниковъ, повидимому тѣхъ же эльдарскихъ татаръ, изъ которыхъ обыкновенно набиралась милиція. Итакъ, помощи ждать было неоткуда: Марткобская станція осталась далеко назади, а до Сарточальской было еще не меньше десяти - двѣнадцати верстъ. Крупскій и Сарычевъ предоставлены были собственной оборонѣ, и на ихъ долю выпалъ случай доказать, что они не даромъ носили мундиръ храбраго Нижегородскаго полка. Они это и доказали; но, не зараженные недугомъ честолюбія и самомнѣнія, они ничего не извлекли изъ этого случая для своей карьеры и затонули въ той же неизвѣстности, изъ которой судьба выдвинула ихъ на краткое мгновеніе.

Между тѣмъ почтовыя лошади, выбившись изъ силъ, замѣтно укоротили бѣгъ. Одинъ татаринъ на темносѣромъ конѣ заскакалъ впередъ и со всего размаха перерубилъ постромку. Испуганная тройка шарахнулась въ сторону, спуталась въ упряжи,—и повозка остановилась. Ямщикъ, соскочивъ съ облучка, скрылся въ кустахъ, а мальчика татары сняли съ повозки и, связаннаго, бросили на землю. Крупскій, сначала не рѣшавшійся стрѣлять, зная кавказскую поговорку: «пока зарядъ въ дулѣ— голова на плечахъ», теперь выстрѣлилъ. И что же?—его дорогое, неизмѣнное ружье, быть можетъ въ первый разъ въ жизни, дало осѣчку. Только этого и ожидали татары, съ гикомъ набросившіеся теперь на

повозку; но офицеры, сохранившіе присутствіе духа, выхватили шашки— и первое нападеніе было отбито. Видя, что они попали на людей, которые не отдадутся даромъ, и не смѣя стрѣлять, чтобы не поднять тревогу на сосѣднихъ постахъ, татары спѣшились и стали бросать каменья. Крупскій былъ раненъ въ голову. Кровь, густою струей бѣжавшая изъ раны, залѣпляла ему глаза; онъ только наскоро обтиралъ ее, чтобы она не мѣшала ему слѣдить за татарами. Но какъ ни зорко смотрѣли офицеры, никто изъ нихъ не видѣлъ, какъ четверо, пользуясь темнотою ночи, незамѣтно подползли кустами къ повозкѣ и бросились сзади. При такихъ условіяхъ, бой оказался неравнымъ: Сарычевъ былъ раненъ шашкою въ голову; Крупскій получилъ двѣ раны въ руку и въ ногу. Раны эти могли бы имѣть роковыя послѣдствія, и по всей вѣроятности наши мужественные бойцы были бы тутъ же изрублены, если бы Провидѣніе не вставило въ завязавшуюся драму небольшой перерывъ, давшій имъ возможность оправиться отъ первыхъ ударовъ:—вдали послышался почтовый колокольчикъ. Хищники остановились. Мальчикъ, обрадованный близкою помощью, началъ кричать, но ударъ ногайкой по головѣ и угроза смерти заставили его умолкнуть. Колокольчикъ между тѣмъ смолкнулъ. Тройка, уже приближавшаяся къ мѣсту происшествія, вѣроятно замѣтила то, что происходило на дорогѣ, и, повернувши въ сторону, скрылась изъ вида. Призракъ надежды на спасеніе такъ же скоро исчезъ, какъ неожиданно показался. Татары, смекнувшіе, что при тройкѣ не было никакого конвоя, тотчасъ возобновили нападеніе. И Сарычевъ и Крупскій сознавали, конечно, что хищникамъ нужна была только добыча, что не вздумай они сопротивляться, ихъ бы ограбили и отпустили невредимо; но въ то же время офицеры сознавали насколько такой поступокъ былъ бы недостоинъ славнаго мундира, который они носили, и общества, къ которому принадлежали. Не разсчитывая уже спасти свою жизнь, они рѣшились продать ее, по крайней мѣрѣ, какъ можно дороже. Прислонившись къ повозкѣ, поддерживая другъ друга словомъ и дѣломъ, быть можетъ мысленно прощаясь со всѣмъ, что было для нихъ дорогого, они выдержали еще двѣ отчаянныя схватки, причемъ Сарычевъ получилъ вторую рану шашкою въ лѣвую руку, а у Крупскаго пистолетная пуля раздробила локтевую кость. Выстрѣлъ, прогремѣвшій въ ночной тишинѣ, на мгновеніе пробудилъ въ нихъ новыя надежды на помощь; но постъ былъ далеко, и выстрѣла на немъ не

слыхали. Между тѣмъ сильная потеря крови окончательно надломила силы защитниковъ. Только тогда офицеры рѣшились, наконецъ, покинуть телѣгу, и, помогая другъ другу, медленно стали отходить по сарточальской дорогѣ, держа ружье на прицѣлѣ. Нѣсколько татаръ устремились было за ними, но, встрѣтивъ новый отпоръ, оставили ихъ въ покоѣ и бросились грабить повозку.

Въ то время, какъ въ глухомъ ущельи Марткоби происходила только что описанная сцена, другая почтовая тройка, такъ неожиданно показавшаяся у поворота дороги, находилась очень недалеко отъ мѣста катастрофы. Окутанная мракомъ ночи, она притаилась въ кустахъ, не смѣя тронуться съ мѣста, и только ямщикъ, отрѣзавъ колокольчикъ и отстегнувъ одну изъ пристяжныхъ, ускакалъ въ Сарточалы дать знать о случившемся.

Весь этотъ странный эпизодъ невольно возбуждаетъ вопросъ, почему хищники не обратили вниманія на то, что колокольчикъ, сначала ихъ напугавшій, вдругъ умолкъ, точно оборвался, и что не стало слышно ни конскаго топота, ни грохота колесъ, тогда какъ въ ночной тиши каждый звукъ далеко разносится по окрестности. Ясно было, что тройка притаилась гдѣ-нибудь близко; и если татары не обратили на нее вниманія, то это доказываетъ только, что хищничество не было ихъ ремесломъ, и что они поддались искушенію, случайно соблазнившись благопріятными условіями пустынной мѣстности и поздняго часа вечера. По всей вѣроятности, это были Эльдаровскіе татары, возвращавшіеся въ свои аулы, которыми густо засаженъ былъ весь правый берегъ Іоры.

Между тѣмъ состояніе раненыхъ офицеровъ, ощупью пробиравшихся въ темнотѣ по незнакомой мѣстности, и рисковавшихъ каждую минуту лишиться чувствъ, становилось отчаяннымъ. Только уже въ полночь, измученные, покрытые кровью съ головы до ногъ, они добрались наконецъ до Сарточальскаго поста, гдѣ ихъ появленіе подняло общую суматоху.

Случайно ночевавшій на этомъ посту, командиръ 8-го Донского казачьяго полка полковникъ Жировъ тотчасъ распорядился преслѣдованіемъ хищниковъ; но на мѣстѣ происшествія никого уже не было: валялась только опрокинутая, порубленная телѣга, да возлѣ нея сидѣлъ и горько плакалъ брошенный татарами мальчикъ. Шагахъ въ двухъ стахъ отсюда, въ неглубокой лощинѣ, поросшей кустами, казаки нашли и другую тройку, съ полуживымъ отъ страха комиссіонеромъ Шапошниковымъ. Онъ везъ съ

собою большую сумму денегъ для войскъ Лезгинской кордонной линіи, и если спасъ и себя и деньги, то этимъ обязанъ былъ только своему ямщику, во-время замѣтившему, что на дорогѣ происходитъ что-то не ладное. Но расторопность ямщика, впрочемъ, этимъ и ограничилась. Поскакавъ въ Сарточалы, онъ свалился съ лошади, конь убѣжалъ, и онъ, не рискуя продолжать ночного путешествія пѣшкомъ, переночевалъ гдѣ-то въ кустахъ и прибылъ на постъ только подъ утро, когда въ немъ уже не было надобности.

На другой день въ полдень въ Сарточалы пріѣхалъ докторъ, вызванный полковникомъ Жировымъ изъ Мухравани; онъ сдѣлалъ первую перевязку нашимъ офицерамъ, и ихъ отправили уже съ казачьимъ конвоемъ въ Царскіе Колодцы. Раны ихъ оказались тяжкими. Сарычевъ всякій разъ передъ ненастьемъ жаловался на нестерпимую боль въ головѣ, и, кромѣ того, у него сведены были три пальца на лѣвой рукѣ, а Крупскій съ небольшимъ черезъ годъ и совсѣмъ долженъ былъ оставить военную службу; онъ возвратился на родину, тоску по которой нерѣдко выражалъ такими мелодичными импровизаціями на флейтѣ.

И такъ, вновь произведенные прапорщики явились въ свой полкъ уже съ репутаціею храбрыхъ офицеровъ. Репутація эта осталась за ними навсегда, но не принесла существенной выгоды ни тому, ни другому. Оба они получили только полугодовой окладъ жалованья, едва ли вознаградившій ихъ матеріальныя потери. Объ этомъ происшествіи изъ полка не было даже донесено государю, «такъ какъ означенное событіе по роду своему и характеру относилось болѣе къ военнымъ дѣйствіямъ, очень обыкновеннымъ въ здѣшнемъ краѣ, нежели къ чрезвычайному происшествію».

Одинъ изъ мыслителей сказалъ, что два человѣка съ одинаковымъ характеромъ и одинаковыми наклонностями никогда не могутъ быть друзьями. Но если бы онъ могъ видѣть Крупскаго и Сарычева, онъ бы вычеркнулъ слово «никогда» изъ своего изреченія. До Сарточальскаго происшествія они были друзьями, а общая опасность въ ночь съ 8-го на 9-е ноября сблизила ихъ между собою еще болѣе, и они сдѣлались неразлучными. Въ новой штабъ-квартирѣ, въ Чиръ-Юртѣ, куда полкъ перешелъ въ слѣдующемъ году, въ одномъ изъ уголковъ «укрѣпленнаго лагеря», аршина на полтора отъ земли возвышалась крытая камышомъ и плотно убитая глиною крыша; подъ этою-то крышею въ глубокой, но просторной и уютной землянкѣ, убранной коврами и оружіемъ, посе-

лились оба друга. Цѣлый годъ доносились изъ этого незатѣйливаго убѣжища тихіе звуки музыкальныхъ мелодій. Черезъ годъ звуки эти смолкли: одинъ изъ друзей отбылъ на далекую родину; другой остался одинъ съ своими воспоминаніями о прошломъ, въ которомъ не мало было печалей и радостей; ровно черезъ пять лѣтъ послѣ сарточальской катастрофы, оставилъ полкъ и Сарычевъ, вышедшій въ отставку въ ноябрѣ 1850 года.

Кровавымъ эпизодомъ 8-го ноября началось командованіе Круковского Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, и имъ же закончился 1845-й годъ,—послѣдній годъ, проведенный полкомъ въ Караагачѣ.

Татарскій постъ на Кахетинскомъ трактѣ.

КАРТА
НАГОРНАГО ДАГЕСТАНА
И
ЛЕЗГИНСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНІИ.
Тіонеты
Матаны
Ахметы
Телавъ
Сартачалы
Сигнахъ
Царскіе Колодцы
Карагачъ
Рѣка Алазань
Лагодехи
Бѣлоканы
Катехи
Мацехи
Джары
Закаталы
Адамъ Тахта
Калоло
р. Самуръ
Кахъ
Елису
Нуха
Гунибъ
Чохъ
Казикумыкское койсу
Аварское койсу
Кара койсу
Капуча
Хупро
Инухъ
Укр. Караттубань
Мугалы
Сабуи

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА I.

	Томъ IV стр.
[1]) Тиф. Арх. окр. шт. дѣла 30 г. № 13 и 39 и донесенія Паскевича № 26 . .	2
[2]) Приказ. книга по полку	—
[3]) Кав. Сбор. Кавказская война въ связи съ мюридизмомъ съ 1824 по 1834 г.	—
[4]) Тамъ же и Арх. Тиф. окр. шт. д. 13 и 39.	3
[5]) Тамъ же	—
[6]) Тамъ же	4
[7]) Тамъ же	—
[8]) Тамъ же	—
[9]) Приказная книга за 1830 г. и послужные списки офицеровъ	—
[10]) Изъ бумагъ кн. Андроникова о сдачѣ полка Раевскимъ ему и Доброву . . .	5
[11]) Изъ бумагъ князя Андроникова. Копія съ рапорта подпол. Доброва	6
[12]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	7
[13]) Тиф. Арх. окр. штаба 1830 г. № 25 о дѣйствіи войскъ въ Кахетіи	8
[14]) Тамъ же. Предписаніе генер. Сергѣева № 174.	—
[15]) Тамъ же. Предп. ген. Сергѣева № 200	9
[16]) Тамъ же. Рапортъ шт.-кап. Завалишина отъ 6 октября № 3 и предписаніе Сергѣева 8 окт. № 983	—
[17]) Тамъ же. Письмо Сергѣева безъ номера	—
[18]) Тамъ же. Предписаніе Сергѣева отъ 8 окт. № 2400 и рапортъ Доброва за № 1197.	—
[19]) Тамъ же. Рапортъ шт.-кап. Завалишина 14 окт. № 15.	10
[20]) Тамъ же. Предписаніе генер. Стрекалова отъ 15 окт. безъ номера	—
[21]) Дѣла Тиф. окр. шт. 1830 г. за № 19 и 39 и рапортъ ген. Стрекалова Паскевичу № 503	—
[22]) Тамъ же	11
[23]) Тамъ же	12
[24]) Тамъ же	—
[25]) Тамъ же. Предписаніе Сергѣева Доброву отъ 18 окт. № 361.	13
[26]) Тамъ же. Рапортъ пор. Петренко полков. Доброву 18 дек. № 34, и рапортъ Сергѣева 28 декабря № 38	—
[27]) Тамъ же	14

ГЛАВА II.

	Томъ IV стр.
1) Тиф. Арх. окр. шт. дѣла за 1831 г. Рапортъ Доброва и годовой отчетъ о состояніи полка за 1830-й годъ	15
2) Тамъ же. Дѣла за 1832 г. № 27	16
3) Воен.-уч. Арх. гл. шт. дѣло № 3991	—
4) Разсказы старыхъ лезгинъ, записанные въ Джарахъ	—
5) Приказы по полку за 1831 г. и разсказы старыхъ Нижегородцевъ	17
6) Кавк. Сбор. Война на Кавказѣ въ связи съ мюридизмомъ съ 1824 по 1834 г.	18
7) Тамъ же	—
8) Тиф. Арх. окр. шт. по генер. штабу. Дѣло № 11	—
9) Воен. уч. ар. гл. шт. д. № 3991	19
10) Тамъ же. Рапорты подполк. Доброва генер. Панкратьеву отъ 13 и 17 августа 1831 г. Составъ дивизіоновъ: 1-го шт.-оф. 1, об.-оф. 9, ун.-оф. 28, трубачей 6, ряд. 210, стр. лошадей 231, подъемныхъ 28. Во 2-мъ дивизіонѣ: шт.-оф. 1, об.-оф. 7, ун.-оф. 26, тр. 6, ряд. 208, стр. лошадей 235, подъемныхъ 26	20
11) Тамъ же	—
12) Ар. Тиф. окр. штаба дѣла по ген. шт. 1831 г. № 46	—
13) Тамъ же. Рапортъ Доброва отъ 8 декабря № 971	21
14) Арх. Тиф. окр. шт. по генер. шт. 1832 г. д. № 27	22
15) Тамъ же. Рапортъ Доброва отъ 2 іюля № 568	—
16) Тамъ же. Рапортъ его же отъ 3 іюля № 569	—
17) Тиф. Арх. окр. шт. о военныхъ дѣйст. на лезгинской линіи, дѣла 1832 г. № 36 и 46	23
18) Тамъ же. Письмо Рокасовскаго къ ген.-лейт. бар. Розену	24
19) Тамъ же. Донесеніе г.-л. Розена главнокомандующему отъ 25 іюля № 793	—
20) Тамъ же. Дѣла 1832 г. за № 36 и 46	25
21) Тамъ же. Дѣло ген. шт. № 14	—
22) Акты Кав. Ар. ком. т. 8. Донесеніе комиссіи для изслѣдованія грузинскаго заговора барону Розену, и отношеніе г.-а. Розена гр. Чернышеву № 235	26
23) Тамъ же	—
24) Тиф. Арх. окр. шт. дѣла по ген. шт. 2-е отд. № 57. Рапортъ Доброва за № 200.	28
25) Изъ полковыхъ дѣлъ за 1834 годъ	—

ГЛАВА III.

1) Приказы по полку за 1834	29
2) Полковыя дѣла. Послужной списокъ капитана Кусакова	30
3) Тиф. Арх. окр. шт. Рапортъ начальника Артиллерійскихъ гарнизоновъ Кавказскаго округа отъ 6 іюля 1835 г. № 1289 и отзывъ артиллерійскаго департ. отъ 25 сент. № 17724	— / 31
4) Высочайшій указъ на имя Военнаго Министра 21 марта 1834 года	32
5) Тиф. Ар. окр. шт. Рапортъ генер. Антропова 4 авг. № 1191	33
6) Тамъ же. Дѣло 1835 г. № 60. Рапортъ полк. Катарджи отъ 8 окт. 1835 г. № 1062 и показаніе рядового Оприщенки	— / 35

Томъ IV стр.

7) Тамъ же 35

8) Пр. по полку 30 іюня 1836 г. Отзывъ аудит. депар. 8 іюня 1837 г. № 2085 и Высоч. пр. 7 декабря 1837 г. 36

9) Въ Высоч. прик. сказано что командиромъ полка назначается полковникъ Безобразовъ, но не упомянуто, что флигель-адъютантъ . . . . —

ГЛАВА IV.

1) Глава эта составлена по запискамъ родныхъ Е. Гр. Нечволодовой, а равно по разсказамъ и воспоминаніямъ старыхъ Нижегородцевъ. 39

ГЛАВА V.

1) Кавказцы Новоселова. Біогр. Слѣпцова. Приказъ его по Сунженскому казачьему полку 50

2) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ . . . . —

3) Записки стараго казака. Воен. Сб. 1871, 72 и 73 годовъ. 54

4) Біографія Слѣпцова. Кавказца, изд. Новоселова. Письмо въ станицу Сунженскую. 57

5) Послужной списокъ князя Эристова и акты кавк. археогр. ком. т. 8-й. . . . —

6) Послужной списокъ Залѣсскаго 58

7) Тиф. Арх. окр. шт. Послужной списокъ Жерве, записка о немъ главнаго штаба и разсказы старыхъ Нижегородцевъ 59

8) Воспоминанія кавказскихъ старожиловъ. Біографія Колюбакина. Рус. Арх. 1875 г. I, ст. 121 60

9) Рус. Арх. 1874 г. II ст. 949 . . . . —

10) Полное собр. соч. Лермонтова, изд. подъ редакціею Ар. Ив. Введенскаго . . 63

11) Записка о Лермонтовѣ и нѣкоторыхъ его современникахъ. Рус. Ст. 1873 г. т. 7. 64

12) Записки Лорера. Рус. Ст. 1874 г. т. II . . . . —

13) Изъ дѣлъ Тиф. окр. шт. 65

14) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ. . . . . —

ГЛАВА VI.

1) Приказъ по полку 18 февр. 1836 г. 67

2) Команд. Тифл. Артиллер. гарнизона къ полковн. Катарджи 12 сент. 1835 г. № 1971; отвѣтъ Катарджи 24 сент. 1835 г. № 581. За пріемомъ шашекъ и прочихъ принадлежностей къ новому обмундированію командированъ былъ въ Тифлисъ прапор. Галатузовъ 68

3) Книга приказовъ по полку за Февраль 1836 г. . . . . —

4) Приказъ по полку 1863 г. № 163-й. Благодарность прапорщику Кривцову за быстрое и успѣшное обмундированіе полка . . . . —

5) Кутасы прибавлены къ киверамъ въ январѣ 1836 года. Висковатовъ: описаніе формы одежды и вооруженія . . . . —

6) Тамъ же . . . . —

7) Приказъ по полку 3 марта 1836 г. № 63. 69

8) Книга приказовъ по полку за 1836 годъ. . . . . —

	Томъ IV стр.
[9]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ	69
[10]) Прик. по Кавк. кор. 11 ноября 1836 г. № 128.	70
[11]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ	—
[12]) Тоже.	71
[13]) В. Уч. Арх. гл. шт. д. № 4143.	73
[14]) Тамъ же. Росписаніе и передвиженіе войскъ за 1837 годъ.	—
[15]) Объ экспедиціи генер. Севарсамидзе: В. У. Арх. гл. шт. дѣло 1837 г. № 4055, Тиф. Арх. окр. шт. Донесенія Розена Военному Министру отъ 22 іюля № 733, 29 іюля № 759 и 11 авг. № 830.	77
[16]) Арх. Тиф. окр. шт. Росписаніе и передвиженіе войскъ за 1837 годъ	—
[17]) Тамъ же	—
[18]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ.	78

ГЛАВА VII.

[1]) Кавк. Сб. т. III. Походныя записки на Кавказѣ съ 1835 г. по 1842 г. М. Ф. Федорова	80
[2]) Тамъ же	81
[3]) Пребываніе Импер. Николая въ Геленджикѣ Рус. Ст. 1884 г. т. 41.	—
[4]) Записка Филипсона. Рус. Арх. 1883 г. III.	82
[5]) Тамъ же	—
[6]) Тамъ же	83
[7]) Записки Львова. Р. Арх. 1884 г. т. II и III	—
[8]) О путешествіи Государя по Кавказу и пребываніи въ Тифлисѣ Берже. Рус. Ст. 1884 г. т. 43.	85
[9]) Русскій Инв. 1837 г. № 272	—
[10]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ.	—
[11]) Дополненіе къ Высоч. приказу 10 октября 1837 г. За Высочайшій смотръ пожалованы были слѣдующія награды: полковнику Чеботкевичу св. Станислава 3 ст. шт.-кап. Акимову Владиміра 4 ст., штабсъ-кап. Гринфельдту, поручикамъ Пшецлавскому, Колюбакину и Кривцову Анну 3 ст., Монаршее благоволеніе объявлено: полковнику Безобразову, подполков. Нечволодову, прапор.: Бастамову, Носкову, Петренко, Кирхнеру, Севарсамидзе-Бежанову, Мочабели и Барковскому. Денежныя награды: подполков. Маркову 1200 р., подпол. князю Баратову 600 р., маіорамъ Луневскому и князю Чавчавадзе по 900 р., поруч. Филатьеву 700 р. и Іосселіани 350 р.	86
[12]) Берже, Рус. Ст. 1884 г. т. 43.	87
[13]) Разсказъ, записанный со словъ стараго линейца отставного полковника Ф.	—
[14]) Тамъ же	89
[15]) Тамъ же	90

ГЛАВА VIII.

[1]) О Макинцовѣ смот. Ист. Нижегородскаго полка т. II ст. 59	92
[2]) Р. Ст. 1876 т. 15-й. Самсонъ Яковлевичъ Макинцовъ и русскіе бѣглецы въ Персіи, Берже.	—

	Томъ IV стр.
[3]) Жизнь Альбрандта и дѣятельность его въ Персіи описаны въ Біографіи его, помѣщенной въ изданіи Новоселова «Кавказцы» и у Берже. С. Я. Макинцовъ. Р. Ст. 1876 г. т. 15.	93
[4]) Записки стараго казака. Шпаковскаго. В. Сб. 71, 72 и 73 г.	102

ГЛАВА IX.

[1]) Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ съ 1838 г. до конца 1842 года за время командованія генер.-ад. Головина	104
[2]) Рап. ген. Головина В. М. 2 іюня 1838 г. № 105.	105
[3]) В. Уч. Арх. гл. шт. д. № 4079. Рапортъ ген. Севарсамидзе ком отд. кав. кор. 11 іюля 1838 г. № 13.	—
[4]) В. Уч. Арх. гл. шт. д. № 4060. Рапорты ген.-ад. Головина В. М. отъ 9 сент. 1838 г. № 1491 и 13 сент. № 1538.	108
[5]) Тамъ же. Рапортъ ген.-ад. Головина 14 окт. № 1759.	109
[6]) Росписаніе полковъ отдѣльн. Кавк. корпуса, коимъ Высочайшимъ указомъ 25 іюля 1838 г. пожалованы на знамена и штандарты орденскія ленты и скобы. Арх. гл. шт. д. 1838 г. № 567.	110
[7]) В. Уч. Арх. гл. шт. Рап. ген.-ад. Головина В. М. № 295.	—
) Тамъ же. Рап. ген.-ад. Головина 24 авг. 1839 г.	111
[9]) О джарскихъ и лезгинскихъ племенахъ на Кавказѣ. Импер. публич. библ. . .	114

ГЛАВА X.

[1]) Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ съ 1838 г. по 1842 г. за время командованія ген.-ад. Головина	116
[2]) Рап. полков. Безобразова 1 сент. 1840 г. № 1514. Арх. Тифл. окр. шт. 1 стр. отд. 1840 г. № 45.	—
[3]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ	—
[4]) В. Уч. Арх. гл. шт. № 4091.	117
[5]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ.	118
[6]) В. Уч. Арх. гл. шт. № 3906.	—
[7]) В. Уч. Арх. гл. шт. д. № 3906. Жур. в. д. Дагест. отряда 1841 года. . . .	—
[8]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ.	119
[9]) Журналъ военныхъ дѣйствій соединенныхъ отрядовъ Дагестанскаго и Чеченскаго. Арх. Т. окр. шт. и В. У. Арх. гл. шт. № 4139 дѣла 1842 г.	—
[10]) Записано со словъ стариковъ черкеевцевъ	120
[11]) Жур. военныхъ дѣйствій Дагест. отряда 1841 г. Арх. Тиф. окр. шт. и В. У. Арх. гл. шт. № 4139.	121
[12]) Тамъ же	—
[13]) Тамъ же	122
[14]) Тамъ же	—
[15]) Тамъ же	—
[16]) Тамъ же	123
[17]) Тамъ же	125

[18]) Наградные списки за Черкеевскую экспедицію. Арх. Тифл. окр. шт. Знаки отличія были пожалованы: ст. вах. Емельяну Рѣчкину, млад. вах.: Никифору Роковскому, Савелію Бондаренкѣ, Степану Салицкому, Константину Сухорукову и Юзефу Модійскому; у.-оф. Георгію Тислюку, Антону Короткову и Королю Цалку; ряд. Антону Жукову, Трофиму Ситникову, Леону Закружевскому и Леонтію Карпову; мл. вах. Волошину единовр. 20, а стар. фельдшеру Авдѣеву 10 р. с. 125
[19]) Рус. Стар. 1874 г. II записки Лорера 126
[20]) Тиф. Арх. окр. шт. Донесеніе Головина о смерти Карганова. . . . . —
[21]) Ар. гл. шт. 4. ст. и отд. 1842 г. № 619 127
[22]) Снимки съ этихъ портретовъ помѣщены въ настоящемъ изданіи съ обязательнаго дозволенія фрейлины Ея Величества А. С. Безобразовой. . . . . —
[23]) Руск. Инв. 1879 г. № 272. Некрологъ ген.-ад. Безобразова. 128

ГЛАВА XI.

[1]) Изъ формулярнаго списка полков. Постельса 130
[2]) 25 лѣтъ на Кавказѣ Зиссермана и Кав. сб. «1844 годъ на Кавказѣ» 131
[3]) В. У. Арх. гл. шт. дѣла за 1845 г. Приказы по полку за 1844 г. Составъ каждаго дивизіона: 28 ун.-оф., 2 тр., 2 бараб. и 240 р. Эскадронами командовали: 3-мъ пор. Мариненко, 4-мъ шт.-кап. кн. Кобуловъ, 5-мъ пор. Гоппе и 6-мъ штаб.-кап. Барковскій 132
[4]) Книга приказовъ по полку за 1844 г. . . . . —
[5]) Рап. г.-м. Шварца 20 мая № 217. В. У. Арх. гл. шт. д. № 4204 . . . . . —
[6]) Кав. сб. «1844 г. на Кавказѣ» . . . . —
[7]) Тамъ же 133
[8]) Пр. по полку 10 іюня 1844 г. . . . . —
[9]) Арх. Тиф. окр. шт. Рап. Шварца отъ 25 іюня № 586 134
[10]) Тамъ же 135
[11]) Тамъ же 136
[12]) Приказъ по полку 7 іюля 1844 г. № 189. Исключены убитыми: у.-оф. Василій Сотниковъ, Петръ Мещериновъ и Михаилъ Чистоплетовъ; ряд.: Михаилъ Мамоновъ, Федотъ Дементьевъ, Василій Костенко, Платонъ Копновъ, Никита Комаровъ, Кирилъ Никитиньосъ. Арсеній Халабуда, Петръ Скрыпченко, Петръ Капчинскій, Терентій Прокопенко, Иванъ Венеръ. . . . . —
[13]) Рап. ген. Шварца № 586 136
[14]) Знаки отличія пожалованы были слѣдующимъ нижнимъ чинамъ: —

Старшимъ вахмистрамъ:
Ивану Шевченко.
Никита Кандышеву.

Младшему вахмистру:
Павлу Лещинскому.

Унтеръ-офицерамъ:
Владиміру Вердеревскому.
Василію Андрееву.
Ивану Ферстеру.
Ефиму Морозову.
Гавріилу Лисоченко.
Григорію Щербакову.

Рядовымъ:
Степану Маркину.
Ивану Богатыревичу.
Степану Таркову.

Афонасію Склярову.
Евстафію Даниленко.
Вавржинцу Лоску.
Юзефу Зиневичу.
Артемію Игнатенко.
Федору Бондарю.
Андрею Михайлову.
Андрею Герасимову.
Трофиму Ковригину.
Герасиму Мардасову.
Степану Кравченко.
Антону Зегару.
Григорію Вязникову.
Касперу Осинскому.
Иванъ Зозулѣ.
Ефиму Толстокорову.

пяти нижнимъ чинамъ пожалованы были денежныя награды, а рядоваго Якова Дежибори Высочайше разрѣшено произвести въ унтеръ-офицеры. 137

[15]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ 138

[16]) Воен. Уч. Арх. ген. шт. д. за № 4204 и 4191. 139

[17]) Знаки отличія военнаго ордена получили слѣдующіе нижніе чины: —

Старшій вахмистръ:
Филипъ Литовкинъ.

Младшій вахмистръ:
Семенъ Борисовъ.

Унтеръ-офицеры:
Василій Афонасенко.
Александръ Битепажъ.

Рядовые:
Михаилъ Шмаковъ.
Афонасій Цыбизовъ.
Гавріилъ Потемкинъ.
Василій Иваненко.
Ермолай Юдинъ.

[18]) Изъ приказовъ по полку за 1844 г. —

[19]) Приказъ по отд. Кав. кор. 1846 г. № 250 140

[20]) Кавк. сб. «1844 годъ на Кавказѣ». 141

[21]) Тамъ же 142

[22]) За экспедицію 1844 года: подполковникъ Постельсъ произведенъ въ полковники, капитанъ Мещериновъ въ маіоры, прапорщики Абисаловъ и Кистеръ въ поручики, юнкера Батіевскій и Гемпель, унт.-оф. Гребскій и Тарновскій—въ прапорщики. Ордена пожалованы были: Анна 3 ст. прапорщику Дадымову, Анна 4 ст. капитану Мещеринову, штабсъ-кап. Мочабѣли, Мариненко и поручикамъ Гораецкому и Тутолмину: орденъ св. Станислава 3 ст. штабсъ-капитану князю Кобулову. Монаршее благоволеніе объявлено: поруч. Пейкеру, Шарыгину, и прапорщикамъ Абисалову и Калишевскому.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ по рублю сер., а шестнадцати изъ нихъ особыя денежныя награды. . . . . —

ГЛАВА XII.

[1]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ. Мы имѣли случай пользоваться нѣсколькими записками, которыя разнятся между собою только большими или меньшими подробностями. 144

[2]) На Кавказѣ существовало правило, по которому нижніе чины съ 1-го апрѣля по 1-е октября отдавали честь офицерамъ, не снимая фуражекъ. . . . . —

[3]) Записки, разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ. 145

4) Тамъ же 146
5) Тамъ же . . . . —

ГЛАВА XIII.

1) В. Уч. Арх. гл. шт. д. № 4216. Оба дивизіона вышли въ составѣ 2 шт.-оф., 13 об.-оф., 48 ун.-оф., 16 труб. и барабанщ. и 480 рядовыхъ. 155
2) Тамъ же Кав. Сб. «1845 годъ на Кавказѣ». 157
3) Тамъ же . . . . —
4) Тамъ же. Тиф. Арх. окр. шт. Наградный листъ кн. Кобулова. 258
5) Тамъ же . . . . —
6) Тамъ же 159
7) Тамъ же . . . . —
8) Тиф. Арх. окр. шт. Наградный листъ кн. Кобулова и приказы по полку за 1845 годъ 160
9) В. Уч. Арх. гл. шт. д. 4216 . . . . —
10) Тамъ же, и Тиф. Арх. окр. шт. Дѣло о наградахъ за экспедицію 1845 года. 162
11) Тамъ же . . . . —
12) Тамъ же. Рап. ген. Шварца за № 668. 163
13) Тамъ же. Рап. ген. Шварца отъ 14 августа. . . . . —
14) Тамъ же и Кав. Сб. «1845 годъ на Кавказѣ» 165
15) Тамъ же и Тиф. Арх. окр. штаба. Нагрзадное дѣло за экспедицію 1845 года. Приказы по позку 1845 г. Исключены убитые при штурмѣ Кидеро: рядовые: Егоръ Бѣловъ, Никита Колесниковъ, Андрей Голубовъ, Прокофій Бабоенко, Константинъ Сверговскій, Семенъ Брянцевъ, Григорій Тимофѣевъ, Моисѣй Заикинъ, Григорій Султановъ, Даніило Саратовъ. Умерли отъ ранъ ряд. Иванъ Курдюмовъ и Александръ Бернатовичъ; Ранены: старш. вах. Филипъ Литовкинъ и Король Цэлка, юнкеръ Александръ Фогель, у.-оф. Василій Афонасенко, Александръ Васильевъ, барабанщикъ Данило Сорокинъ, ряд. Владиміръ Сухонинъ, Яковъ Куренинъ, Ефремъ Карпенко, Алексѣй Сидоровъ, Михаилъ Богдановъ, Осипъ Ермошевичъ, Карпъ Подобрей, Ефремъ Талыковъ, Михаилъ Жуковъ, Матвѣй Ефимовъ, Тихонъ Халинъ, Михаилъ Дорошинъ, Алексѣй Зубаревъ, Семенъ Беззубовъ, Григорій Сотниковъ, и фурштатъ Никита Семеновъ, которому пуля прострѣлила шею и горло . . . . —
16) Тамъ же. Рап. ген. Шварца 22 авг. № 1548 . . . . —
17) Тамъ же . . . . —

За отличіе въ этихъ экспедиціяхъ пожалованы были слѣдующія награды: подполковнику Филатову орденъ св. Владиміра 4 ст.; маіору Іосселіани и капитану Барковскому—золотыя шашки; орденъ св. Анны 3 степени: капитану Кобулову, штабсъ-капитану Мочабѣли, поручикамъ Тутолмину, Луневскому и Гороецкому; 4-я степень того же ордена: штабсъ-капитану Чупятову, поручику Джемарджидзе и прапорщикамъ Гранченко, Иванову, Калинину, Бартеневу и Абхазову. Капитану Арсеньеву объявлено Монаршее благоволеніе, затѣмъ поручикъ Джемарджидзе и прапорщикъ князь Грузинскій произведены въ слѣдующіе чины, а юнкера Владиміръ Вердеревскій и Глѣбовъ—

въ прапорщики. Нижнимъ чинамъ пожалованы 53 знака отличія Военнаго ордена, а именно:

Старшій вахмистръ

Петръ Шевкуновъ.

Юнкеръ:

Александръ Фогель.

Младшіе вахмистры:

Александръ Золотаревъ.
Ларіонъ Силютинъ
Терентій Пересѣкинъ.
Иванъ Егоровъ.
Дмитрій Кобылятскій.
Семенъ Борисовъ.

Унтеръ-офицеры:

Яковъ Чередниченко.
Степанъ Вандаловскій.
Максимъ Шведовъ.
Александръ Васильевъ.
Егоръ Адоньевъ.
Михаилъ Филатовъ.
Ѳома Штанковъ.
Алексѣй Кожинъ.
Александъ Ренеръ.
Ермолай Жданкинъ.
Григорій Херулевъ.
Агапъ Саськовъ.

Рядовые:

Федоръ Румянцевъ.
Тимофей Евдокимовъ.
Кузьма Кузнецовъ.
Францъ Барташевичъ.
Андріянъ Кожевниковъ.
Ефремъ Тальскій.
Михаилъ Каморскій.
Матвѣй Ефимовъ.
Флоріанъ Абуковичъ.
Амвросій Корсуненко.
Григорій Сухоруковъ.
Михаилъ Дорошинъ.
Григорій Кніевскій
Савелій Максименко
Григорій Сотниковъ.
Иванъ Адоменко.
Иванъ Каменевъ.
Прохоръ Захаровъ.
Петръ Левинскій.
Яковъ Шульгинъ.
Селивестръ Мартіановъ.
Павелъ Яковлевъ.
Захарій Дульскій.
Филиппъ Скоропаловъ.
Василій Сахаровъ.
Василій Шиховъ.
Михаилъ Ивановъ.
Василій Алейниковъ.

2-мъ окладомъ по знаку отличія Военнаго ордена пожалованы: стар. вахм. Филипъ Литовкинъ Король Цалкъ и Иванъ Шевченко, млад. вах. Семенъ Борисовъ и ун.-оф. Василій Афонасенко.

Денежныя награды пожалованы: барабанщику Данилѣ Сорокину; ун.-оф. Агапу Сиськову, рядовымъ Данилѣ Дехтяреву, Гавріилу Запорощенкѣ и ст. фельдшеру Андрею Алексѣеву.

Унтеръ-офицеръ Кожинъ переименованъ въ юнкера, а рядовой Павловъ въ унтеръ-офицеры.

ГЛАВА XIV.

[1]) Арх. Тиф. окр. шт. Дѣло о переводѣ на Сулакъ Нижегородскаго драгунскаго полка. 171

[2]) Тамъ же. О переформированіи Нижегородскаго полка въ десяти-эскадронный составъ 172

	Томъ IV стр.
3) Арх. Тиф. окр. шт. Дѣло о назначенiи полковника Круковскаго командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка	174
4) Формуляръ, и разсказы и воспоминанія лицъ, знавшихъ Круковскаго лично.	175
5) Тиф. Арх. окр. штаба. О командированiи Круковскаго для выбора мѣста подъ новую штабъ-квартиру на Сулакѣ.	176
6) Тамъ же	177
7) Тамъ же	177
8) Приказы по полку за 1845 годъ.	178
9) Записки и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ.	179
10) Приказы по полку за 1845 годъ	180

ГЛАВА XV.

1) Тиф. Арх. окруж. штаба. Дѣло 1845 г. О нападенiи татаръ на офицеровъ Нижегородскаго полка прапор. Крупскаго и Сарычова, проѣзжавшихъ по почтовому кахетинскому тракту; а также разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ.	181